

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
Институт археологии

МЕЖОЦЕВЕННЫЕ СВЯЗИ

ЭПОХИ БРОНЗЫ

НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Сборник научных трудов

Киев: Наукова думка 1987

В сборнике исследуются связи и контакты племен, обитавших на территории Украины в бронзовом веке, с соседними и более отдаленными племенами.

Фиксируются миграции и рассматривается их роль в сложении и развитии отдельных археологических культур. В научный оборот вводится значительное количество новых памятников, в которых находят отражение связи с различными регионами. Впервые на значительном материале обосновывается существование особой белозерской культуры.

Для историков, археологов, этнографов, краеведов.

Ответственный редактор И.И.Артемюк

Рецензенты Н.Н.Бондарь, В.Г.Збенюк

Редакция литературы по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии и документалистике

Миграции и контакты — явления по своей сути и природе различные и в определенной степени даже противоположные. Однако их проявление (вернее, следы и остатки этих проявлений, прослеживаемые и улавливаемые археологами) часто сходны и не всегда различимы. Археологи уделяют еще мало внимания исследованию этих важных и пока недостаточно изученных явлений.

В настоящем сборнике помещены статьи, которые на основании анализа различных категорий археологических памятников — поселений, могильников, кладов и др. — фиксируют миграции и прослеживают культурные связи и контакты между племенами, населявшими в эпоху бронзы территории Украины, и их соседями — непосредственными и более отдаленными.

Исследователи оспаривают одно из устойчиво бытующих заблуждений по поводу того, что археология редко фиксирует миграции. Вероятно, правильнее говорить, что археологические материалы не всегда могут объяснить их причины и характер. Однако отличить миграцию от изменений культуры, происшедших в результате контактов или обусловленных более общими, например стадийными изменениями и закономерностями развития общества, археология в состоянии. Далее, в советской археологической литературе практически единственной причиной миграций признается возникновение кризисной ситуации, определенной К. Марксом как давление избытка населения на производительные силы. С этих позиций объясняются перемещения, фиксируемые археологами и имевшие место в различных ситуациях. Приведенные в сборнике материалы дают основание говорить о том, что эта несомненно важная и во многих случаях определяющая причина не единственная. Не определяя сейчас все эти причины, хотелось бы лишь отметить, что даже для территории Украины можно указать ряд миграций, явно не связанных с избытком населения. Это миграции, проходившие из районов менее населенных в более населенные, миграции, вызванные наступлением неблагоприятной экологической обстановки, миграции к источникам необходимого сырья, возможно, рассчитанные на возвращение в районы прежнего обитания, миграции-экспансии малочисленных, но сильных, обычно скотоводческих племен.

Публикуемые статьи показывают, что археология на основании явного возрастания количества памятников может зафиксировать ситуацию, предшествующую миграции, или на основании внезапного их сокращения или полного исчезновения попытаться объяснить характер и причину миграций.

В целом материалы сборника содержат интересные наблюдения о миграциях, связях и контактах в эпоху бронзы на территории Украины. Наиболее общие из них сводятся к следующему: несмотря на развитие в эпоху бронзы средств передвижения — повозок, колесниц, верховой лошади, общее количество и, главное, — масштабы миграций по сравнению с предшествующей неолитической эпохой как будто бы сокращаются. На протяжении бронзового века можно назвать лишь несколько сравнительно крупных миграций. Изменяется характер миграций, сущность этих изменений, которые могут быть определены как микромиграции. Доминирующим типом миграций в эпоху бронзы на Украине можно считать такие, когда пришлое население почти не меняет культуру местных племен, для них характерны явления инфильтрации и инвазии. При этом сохраняются черты обеих культур, которые предстают в измененном новом виде, а не в форме простого смешения.

Статьи размещены в сборнике по хронологическому принципу. Они делятся на три группы: первая из них освещает миграции, связи и контакты раннего периода бронзового века; вторая — среднего, третья — позднего. Такое деление условно и поэтому не всегда строго выдерживается.

О передвижениях и культурных связях племен раннего периода эпохи бронзы на территории Северной Украины (среднеднепровская культура) идет речь в статье И.И.Артемченко. Анализируются факты, свидетельствующие о том, что племена среднеднепровской культуры, как и других культур шнуровой керамики, с одной стороны, были тесно связаны с Кавказом, возможно, через посредство катакомбных племен, а с другой — явно тяготели к культурам шнуровой керамики Правобережной Украины к более северным районам, заселенным родственными фатьяновскими и прибалтийскими племенами.

К вопросу о связях степных племен Украины с Кавказом обращается в своей статье А.Л.Нечитайло.

В статье С.С.Березанской публикуются материалы, свидетельствующие о проникновении на территорию Украины абашевской культуры, высказывается предположение о двуэтатности этой миграции. Предпринимается попытка объяснения ее характера и установления времени.

Связям и контактам, имевшим место на территории Украины в средний период бронзового века, посвящены статьи О.Г.Вангородской, Е.Е.Кузьминой, И.Н.Шарафутдиновой.

В статье О.Г.Вангородской материалом для рассмотрения связей культуры многоваликовой керамики служат украшения. Систематизация, классификация и анализ этих украшений позволяют автору определять основные направления связей и писать о двух периодах культуры многоваликовой керамики, в которых эти связи существенно меняют свое направление.

Работа Е.Е.Кузьминой освещает миграции и контакты племен андроновской общности. Детально рассматриваются материалы, свидетельствующие о широком расселении, охватывающем территорию от Урала на востоке до Поднепровья на западе племен этой общности, оказавших большое культурное влияние на весь исторический процесс бронзового века Восточной Европы.

Публикуя металлические украшения сабатиновской культуры, представленные не очень большой, но выразительной группой предметов, И.Н.Шарафутдинова убедительно показывает оживленные двусторонние контакты высокоразвитой сабатиновской культуры с племенами культуры Ноа, Кослодени и другими культурами Карпато-Дунайского бассейна.

В последние десятилетия на территории Западной Подолии и Прикарпатья открыты и частично раскопаны городища, относящиеся к позднему этапу существования голыградских памятников. Характеристика этих памятников позволила П.Н.Малею прийти к ряду интересных выводов, прояснивших сложный характер исторического процесса на заключительном этапе бронзового века в западных районах нынешней Украины. Анализ вещевых материалов городищ, как и других голыградских памятников, свидетельствует о тесных связях голыградских племен с носителями культуры Гава, а также о постоянных контактах с населением Балкан и Подунавья. Вместе с тем наряду с другими фракийскими племенами голыградское население оказало сильное влияние на племена Днепровского лесостепного Правобережья, в частности, на возникновение чернолесской культуры. Причиной сооружения городищ, голыградских и чернолесских, могла быть угроза со стороны одной из усилившихся групп фракийского населения.

Все остальные статьи, посвященные позднему периоду бронзового века Степной Украины, так или иначе связаны с характеристикой и осмыслением недавно выделенной В.В.Отрошенко белозерской культуры. Публикуемые материалы убедительно показывают, какую большую и важную роль играет правильная оценка миг-

раций и контактов в понимании генезиса и развития археологической культуры. В статье Я.П.Гершковича и В.И.Ключко на основании полной публикации и анализа "Завацковской мастерской" - одной из богатейших коллекций литейных форм бронзового века - авторы приходят к выводу о ее более раннем возрасте, чем это принято в археологической литературе, и о наличии лесостепных и восточных компонентов в стешной белозерской культуре.

Статья В.П.Ванчугова содержит общие результаты исследования памятников белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье. В настоящее время взгляды на белозерские памятники еще не устоялись. Одни исследователи вслед за О.А.Кривцовой-Граковой, А.И.Тереножкиным, А.М.Лесковым продолжают рассматривать их как поздний этап срубной культуры, а появление их в Северо-Западном Причерноморье как результат миграции с востока. Другие, в том числе и В.П.Ванчугов, видят в белозерских памятниках самостоятельную, автохтонную культуру, генезис которой в основном связан с сабатиновской культурой. Поэтому не случайно В.П.Ванчугов уделяет особое внимание контактам, под которыми могут скрываться и миграции местных племен с раннескифскими племенами Карпато-Дунайского бассейна, особенно ярко проявившихся в керамических комплексах.

Интересным дополнением, развивающим тему о сложении и ранней истории белозерской культуры, является статья В.В.Отрошенко и Н.П.Шевченко. В научный оборот вводятся наиболее восточные погребальные памятники белозерской культуры из Западного Приазовья, уточняется культурная и хронологическая принадлежность ряда опубликованных ранее комплексов. Устанавливается восточная граница белозерской культуры по р. Молочной и левому берегу Днепра, отмечаются факты проникновения отдельных элементов погребальной обрядности белозерских племен и вещевое материала далее на восток, что указывает на активные межкультурные связи белозерского населения в эпоху финальной бронзы со своими восточными соседями - племенами, вхопившими в общность культур вапиковой керамики. Рассматривается характер связей с культурами Кавказа, ограничивавшийся, по мнению авторов, импортом отдельных видов украшений и заимствованием кавказскими племенами отдельных форм металлических орудий из Северного Причерноморья.

Изложенное выше не исчерпывает содержания сборника. Оно значительно шире хотя бы потому, что включает публикации нового материала, содержащего информацию о связях и миграциях и многих других сторонах материальной и духовной культуры племен эпохи бронзы на территории Украины.

Племена среднеднепровской культуры занимали обширную территорию Среднего и Верхнего Поднепровья, которая не всегда была постоянной. В процессе развития культуры происходило расселение среднеднепровских племен, и их территория значительно увеличивалась. Так, на раннем этапе (XXVI—XXIV вв. до н.э.) племена среднеднепровской культуры занимали сравнительно небольшую территорию Правобережья Среднего Поднепровья. Их памятники известны сейчас на территории современных Киевской и Черкасской областей УССР. Археологические данные о связях племен раннего этапа среднеднепровской культуры в настоящее время отсутствуют.

На среднем этапе (XXIV—XVIII вв. до н.э.) рост численности населения и увеличение поголовья скота вынуждали среднеднепровские племена расширять занятую ими территорию и входить в непосредственный контакт с другими племенами, жившими на территории, где расселялись племена среднеднепровской культуры.

Расселение среднеднепровских племен началось, вероятно, в начале среднего этапа среднеднепровской культуры. В связи с тем, что на юге среднеднепровским племенам противостояли многочисленные скотоводческо-земледельческие племена древнеямной, позднее катакомбной культурно-исторической общности, а на западе — племена культуры шаровидных амфор, затем городокско-здолбицкой и стижковской культур, они могли расселиться в основном на север и северо-восток, где жили позднетрипольские племена софиевской локальной группы и поздненеолитические племена культур гребенчато-ямочной (рогачевской культуры на Верхнем Днепре) и ямочно-гребенчатой (на Десне и Сейме) керамики.

Археологические источники позволяют предполагать, что расселение среднеднепровских племен не было одновременным по всей территории Верхнего Поднепровья. Оно происходило постепенно и имело, очевидно, характер мирной колонизации, не исключавшей, однако, отдельных столкновений между местными и пришлыми племенами, а также частичного вытеснения местного населения с занимаемой им территории.

Судя по археологическим данным, среднеднепровские племена расселились вначале в Киевском Поднепровье, на территории позднетрипольских племен софиевской локальной группы. Очевидно, в результате непосредственного контакта среднеднепровских племен с этими племенами и включения их в состав среднеднепровской культуры в последней распространился обряд погребения с трупосожжением, характерный для позднетрипольского населения софиевской группы.

В первой половине среднего этапа среднеднепровские племена расселились также по берегам Нижней и Средней Припяти и Десны, на территории местных поздненеолитических племен. Прослеживается также проникновение среднеднепровского населения и на территорию Посожья. Но освоение берегов Верхнего Днепра, Инути и Сожа среднеднепровскими племенами происходило, вероятно, во второй половине среднего этапа. Памятники этого времени известны уже на всей территории Среднего и Верхнего Поднепровья. Они свидетельствуют о завершении процесса расселения племен среднеднепровской культуры.

Единство материальной культуры среднеднепровских племен на территории Среднего и Верхнего Поднепровья во второй половине среднего этапа свидетель-

стеует о том, что в процессе постепенного расселения среднеднепровские племена, по-видимому, не отрывались от своей основной территории и постоянно поддерживали контакты с основным этническим массивом.

Расселение скотоводческо-земледельческих племен среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья среди местных поздненеолитических охотничье-рыболовецких племен явилось началом культурной и этнической ассимиляции этих племен. Этот процесс завершился, судя по археологическим данным, после длительного сосуществования этих племен, к концу среднего этапа среднеднепровской культуры. В материальной культуре позднего этапа среднеднепровской культуры отразился результат ассимиляции среднеднепровскими племенами местного поздненеолитического населения, свидетельствующий о том, что культура последнего не исчезла бесследно. Элементы ее вошли в состав культуры среднеднепровских племен. Особенно отчетливо это прослеживается в формах и орнаментации керамики. Наряду с керамикой, характерной для среднеднепровской культуры, в памятниках позднего этапа появились сосуды, близкие по форме и некоторым чертам орнамента к поздненеолитическим. Именно находки керамики позднего этапа среднеднепровской культуры с поздненеолитическими чертами позволили М.В.Воеводскому высказать мысль о связях племен среднеднепровской культуры с поздненеолитическими племенами культуры ямочно-гребенчатой керамики Подесенья и Посеймья [Воеводский, 6, 47]. Следует отметить, что памятники с керамикой так называемого марьяновского типа в Посеймье с поздненеолитическими чертами по форме и орнаментации глиняной посуды также относятся к позднему этапу среднеднепровской, а не к самостоятельной марьяновской или марьяновско-бондаркинской культуре, как считает В.А.Ильинская и С.С.Березанская [Березанська, Ілїнська, с. 363-373; Березанская, с. 41-47]. Эта керамика появилась в результате ассимиляции среднеднепровскими племенами местного поздненеолитического населения. Она встречается не только на Сейме и Десне, а на всех памятниках позднего этапа среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья. Поэтому нельзя согласиться с С.С.Березанской, которая считает, что появление этой керамики "на многих поселениях среднеднепровской культуры, особенно тех из них, которые расположены севернее Киева, на Припяти, Соже, Беседи и других... следует понимать как результат культурных контактов среднеднепровской и марьяновской культур" [Березанская, с. 41].

Рост производительных сил, развитие скотоводства и земледелия привели к накоплению у среднеднепровских племен определенного излишка продуктов, создававшего необходимые предпосылки для установления связей и обмена с другими племенами. Развитию связей способствовали также возрастающий спрос на металл, которого не было на месте, и удобное географическое расположение территории, занятой среднеднепровскими племенами. Днепр и его притоки давали возможность среднеднепровским племенам устанавливать связи и вести обмен с соседними и отдаленными племенами.

Дуем обмена среднеднепровские племена приобретали металлические изделия и, вероятно, металлы (в слитках) как сырье. Среди привозных металлических предметов в памятниках среднеднепровской культуры найдены вислообушный топор, подвески, височные кольца и др. Кроме металлических предметов путем обмена приобретались также украшения из янтаря, фаянса и стекла.

Имеющиеся археологические источники не дают ответа на вопрос, что давали племена среднеднепровской культуры в обмен на получаемые ими металлические изделия, слитки металла и украшения из янтаря и фаянса. Можно только предположить, что основными эквивалентами обмена были скот и продукты животноводства, а также шкуры и мех, добытые в результате охоты на лесных зверей.

На среднем этапе среднеднепровской культуры племена ее имели, вероятно, непосредственные контакты с племенами культуры шаровидных амфор Восточной

Волны. Не исключено, что подкурганное захоронение у с. Лосятин Васильковского р-на Киевской обл. относится не к культуре шаровидных амфор, а к среднеднепровской культуре. В могильной яме, перекрытой деревом, находился окрашенный охрой скелет, лежавший на спине в скорченном положении. У черепа стояла шаровидная плоскодонная амфора с прямой шейкой и двумя ушками на плечиках, украшенная в верхней части лентой рядами коротких вертикальных углублений, заполненных белой пастой [Осаовакі; Свешников, 1983, с. 36, табл. XIV, 1]. Основой для такого предположения служат прежде всего то, что такого типа погребальные сооружения и положение скелета не характерны для культуры шаровидных амфор. Можно было бы предположить, что это погребение по обряду захоронения относится к древнейшей культуре. Однако в насыпи курганов и под ямой у могильных ям на уровне древней поверхности могильника в уроч. Дунаво (курганы № 8, 16) на Десне, напротив с. Дятьковичи Луковского р-на Брянской обл., в 1973 г. автором были найдены фрагменты керамики волнской группы культуры шаровидных амфор, украшенные отпечатками прямоугольного штампа. Кроме того, в кургане № 8 могильника в уроч. Дунаво найдены фрагменты не украшенного тонкостенного сосуда, с высокой прямой шейкой, округлым корпусом и плоским дном. В нижней части шейки расположены две округлые в сечении небольшие ручки-ушки. По форме этот сосуд близок сосуду волнской группы культуры шаровидных амфор из гробницы 1 у с. Яикова Житомирской обл. [Левинский; Свешников, 1983, с. 29, табл. X, 6], отличающемся от него более выпуклым корпусом и меньшим дном. Фрагменты аналогичного сосуда найдены также в курганах № 1 и 5 Бельницкого могильника в Брянской области, возле могильных ям на уровне древней поверхности. Основные погребения в этих могильниках относятся к первой половине среднего этапа среднеднепровской культуры. Радиоуглеродным анализом (C_{14}) в лаборатории ЛОИА АН СССР обуглившейся жерди из перекрытия могилы погребения в кургане № 5 Бельницкого могильника датируется временем $2350 \pm \pm 50$ г. до н.э. Найдки керамики культуры шаровидных амфор на памятниках среднего этапа среднеднепровской культуры свидетельствуют о частичном сосуществовании этих культур и о контактах среднеднепровских племен с населением волнской группы культуры шаровидных амфор.

Племена среднего этапа среднеднепровской культуры имели связи и с племенами городокско-адолбицкой культуры, ее городокского этапа. Об этом свидетельствуют находки фрагментов керамики среднего (а не раннего, как считает И.К. Свешников) этапа среднеднепровской культуры в жилищах III и V и в культурном слое поселения Городок [Свешников, 1974, с. 91]. На основании радиоуглеродного анализа древесного угля из жилища на поселении Зозов II начало городокского этапа городокско-адолбицкой культуры И.К. Свешников датирует концом III тыс. до н.э. — 2124 ± 80 г. до н.э. по C_{14} [Свешников, 1974, с. 167, 179].

Тесные культурные связи у племен среднего этапа среднеднепровской культуры были с их южными и юго-восточными соседями — племенами катакомбной культуры. В кургане № 3 у с. Иванковичи (был. Яковичи) Васильковского р-на Киевской обл. найдены две половинки песчаниковых формочек или выпрямителей древков стрел [Пассек, с. 42-44], которые в большом количестве известны среди погребального инвентаря катакомбной культуры. Они всегда парны и в катакомбных памятниках встречаются как в мужских, так и в женских погребениях.

В погребениях второй половины среднего этапа среднеднепровской культуры близ с. Ходосовичи Рогачевского р-на Гомельской обл. БССР найдены металлические изделия — ножи, шила, очковидные привески, вислообушный топор, изготовленные из металла кавказского происхождения. По своим формам они находят прямые аналоги в культуре эпохи бронзы Северного Кавказа. Так, в погребении 2 кургана № 10 в уроч. Мошка близ с. Ходосовичи найден вислообушный литой топор с остатками кожаного футляра. Он имеет круглое отверстие для ру-

коятки и расширяющуюся книзу рабочую часть. Длина топора 13,5 см, диаметр втулки 2,5 см, ширина лезвия 6 см. Он принадлежит к типу кавказских вислобушных топоров, датируемых первой половиной II тыс. до н.э. [Куфтин; Марковин, 1960, с. 92]. Близкой аналогией этому топору по типу и особенно по составу металла является вислобушный топор из погребения 33 могильника Гатн-кале Советского района Чечено-Ингушской АССР, который В.И.Марковин датирует временем около 1700 г. до н.э. [Марковин, 1963, с. 122, 123, 132]. Но топор из Ходосовичского могильника отличается от топора из Гатн-кале более короткой втулкой, что указывает, вероятно, на более ранний его возраст.

В погребении 1 кургана № 11 в уроч. Мешка близ с. Ходосовичи найдены две очковидные привески. Они скручены из медного, прямоугольного в сечении стержня, затем спирали были раскованы и приобрели плоскую форму. Аналогичная подвеска найдена в погребении 2 Карабудахкентского могильника в Дагестанской АССР. Р.М.Мунчаев и К.Ф.Смирнов относят ее к началу II тыс. до н.э. [Мунчаев, с. 167-169].

В погребении 2 могильника Стрелица и в погребениях 2 и 3 кургана № 5 в пос. Балне Берега близ г. Брянск найдены ножи с лезвием листовидной формы и плоским прямоугольным в сечении черенком. Аналогичные ножи известны в памятниках катакомбной и северокавказской культур.

Химический состав перечисленных выше металлических предметов из погребений среднего этапа среднеднепровской культуры позволяет говорить об изготовлении их из металла медно-мяшьяковистого сплава кавказского происхождения. Особенно близкие по химическому составу металла изделия известны среди металлических предметов северокавказской культуры. Тожествен химический состав и большинства металлических изделий катакомбной культуры, которые находят прямые аналогии на Кавказе и типологически.

Спектральные анализы руд из месторождений Кавказа и металлических изделий из памятников III-II тыс. до н.э., произведенные И.Р.Селимхановым [Селимханов, с. 140], а также многочисленные анализы металлических изделий, осуществленные Е.Н.Черных [Черных, 1966], позволяют считать прикубанский очаг древней металлургии основной территорией, откуда племена Северного Кавказа (северокавказская культура) вели широкий обмен с племенами Северного Причерноморья, а также Среднего и Верхнего Поднепровья.

Можно предполагать, что непосредственных связей между племенами среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья и племенами Северного Кавказа не было. Металлические изделия северокавказского типа среднеднепровские племена получали, вероятно, через посредство племен катакомбной культуры в результате повторных обменов.

Через посредство племен катакомбной культуры к среднеднепровским племенам поступали с Северного Кавказа не только металлические изделия, но, вероятно, и сырье — слитки металла, из которых они изготавливали металлические предметы на месте. В памятниках среднеднепровской культуры литейные формы для отливки предметов пока не известны. Однако в них найдены металлические предметы, которые изготовлены из северокавказского металла, но в культурах эпохи бронзы Северного Кавказа и Северного Причерноморья (в катакомбной культуре) аналогий не имеют. К ним относится втульчатый литой топор ладьевидной формы с почти прямой лобной плоскостью, хорошо выраженным обухом и расширяющейся рабочей частью из погребения 1 кургана № 11 в уроч. Мешка близ с. Ходосовичи. Аналогии этому топору не известны. Можно предполагать, что он изготовлен на месте по типу каменных ладьевидных топоров, распространенных на территории Прибалтики и известных также на территории Верхнего Поднепровья, в памятниках среднеднепровской культуры. В этом же погребении найден наконечник копья с пером листовидной формы и круглой литой втулкой, на конце ко-

торой имеются два отверстия для прикрепления к дереву. Аналогичный наконечник известен из случайных находок близ с. Сухины Киевской обл. Всего из погребений среднеднепровской культуры сейчас известно 10 металлических предметов, изготовленных из прикубанского металла.

Значительный интерес представляет вопрос о взаимоотношениях и связях племен среднеднепровской и фатьяновской культур. Многие исследователи (А.Я.Бруссов, М.Е.Фосс, П.Н.Третьяков, С.В.Киселев, Х.А.Моора и др.) связывали происхождение фатьяновской культуры с расселением среднеднепровских племен в Волго-Окском междуречье. Не разделяя эту точку зрения, я присоединился к мнению В.А.Городилова [В.А.Городилов, с. 165], который объяснил сходство некоторых форм и элементов орнамента глиняной посуды среднеднепровской и фатьяновской культур лишь "соседственными" связями. При этом я исходил из того, что сходство в керамике среднеднепровской и фатьяновской культур прослеживается лишь на фатьяновской территории, граничащей с территорией среднеднепровской культуры. Но на этой же территории обнаружена и фатьяновская керамика, отличающаяся от среднеднепровской. Кроме того, различия между фатьяновской и среднеднепровской культурами особенно отчетливо проявляются в погребальном обряде и в устройстве погребальных сооружений, что не позволяло говорить о генетической связи между среднеднепровской и фатьяновской культурами [Артеменко, 1967, с. 124, 125]. Такое мнение, как правильно отметили П.Н.Третьяков [Третьяков, с. 84], основывалось на сравнении среднеднепровской и фатьяновской культур в целом, без учета их хронологии.

Сторонники гипотезы о сложении фатьяновской культуры в результате расселения среднеднепровских племен обращают внимание на сходство ранних форм сосудов фатьяновской и среднеднепровской культур, орнаментированных отпечатками шнура и короткими насечками, образующими горизонтальные ряды и елочные узоры. Д.А.Крайнов подчеркивает большую близость памятников московско-клязьминской группы фатьяновской культуры памятникам среднеднепровской культуры, особенно ее днепро-деснинской группы. Он предполагает, что "памятники днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры связаны с памятниками московско-клязьминской группы фатьяновской культуры генетическими узлами" [Крайнов, 1972, с. 258-265].

Среди памятников московско-клязьминской группы Д.А.Крайнов выделяет ранние и поздние памятники [Крайнов, 1972, с. 225-228]. К ранним памятникам (I подгруппа) он относит грунтовые могильники: Ивановский, Давыдовский, Иванский, Моносеинский, Лоташинский, Лучинский и др., которые характеризуются отсутствием погребальных сооружений, захоронением умерших в простых могильных ямах по обряду труположения - в скорченном положении на боку, головой на запад, юго-запад и северо-запад (мужчины), на восток и юго-восток (женщины). В состав погребального инвентаря входят высоконейные сосуды и сосуды эсвидной формы, орнаментированные в верхней части отпечатками шнура, образующими горизонтальные линии и зигзаг, кремневые ножи, наконечники стрел треугольной формы с черешком, дротики и клиновидные топоры, а также обушковые и длиннообушковые каменные сверленные топоры.

По погребальному обряду и инвентарю близки названным и могильники московско-клязьминской группы, расположенные в южной части Калининской области (II подгруппа): Илхачевский, Тургиновский, Абушковский и др., которые Д.А.Крайнов считает более поздними, чем могильники I подгруппы, так как они отличаются преобладанием в орнаменте сосудов елочных узоров и большим количеством в погребениях кремневых орудий. Это, скорее, может свидетельствовать о локальных, чем хронологических различиях.

Новые раскопки памятников среднеднепровской культуры в Подесенье и Подсожье, а также выделение Д.А.Крайновым ранних памятников в московско-клязь-

минской группе фатьяновской культуры позволяют вновь рассмотреть вопрос о среднеднепровско-фатьяновских взаимоотношениях.

Погребальный инвентарь из ранних погребений московско-клязьминской группы фатьяновской культуры обнаруживает значительную близость к инвентарю из погребений среднеднепровской культуры Подесенья. Он позволяет говорить о том, что расселение среднеднепровских племен на территории будущей московско-клязьминской группы и ее сложение могло происходить в период, когда для керамики среднеднепровской культуры был характерен простой одно- и двухзонный орнамент из отпечатков шнура и коротких насечек, образующих горизонтальные линии, зигзаг, елочные узоры и треугольники с опущенной вниз вершиной. Многозонный орнамент из прерывчатых линий, образующих пояса из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, характерный для второй половины среднего этапа среднеднепровской культуры и не встречающийся в орнаменте керамики фатьяновской культуры, в это время отсутствовал. Такая керамика известна сейчас в Подесенье из погребений Бельнецкого, Луневского и других могильников первой половины среднего этапа среднеднепровской культуры.

В погребениях курганных могильников среднеднепровской культуры Подесенья — Луневском (курган № 17 погребение 2), Бельнецком (курган № 6 погребение 1; курган № 11 погребение 4 и др.) найдены высокошейные сосуды с округлым корпусом и ямкой на дне, украшенные горизонтальными отпечатками шнура и короткими насечками в елочку [Артеменко, 1976, с. 158, 159, рис. 3; с. 162, 163, рис. 5]. Аналогичные сосуды найдены в погребениях Икшанского и Ивановского (погребение 3) могильников московско-клязьминской группы фатьяновской культуры [Крайнов, 1963, табл. II и IV].

Из грунтовых погребений в могильниках среднеднепровской культуры Курякин Бор, Мыс Отчинский, Брасово и других и полкурганных захоронений Бельнецкого и Луневского могильников происходят небольшие круглодонные приземистые сосуды с короткой прямой или отогнутой наружу шейкой, не украшенные или украшенные отпечатками шнура, образующими заштрихованные треугольники с опущенными вниз вершинами [Артеменко, 1977, с. 33]. Форма и орнамент их близки сосудам московско-клязьминской группы, особенно сосуду из Детчинского могильника фатьяновской культуры [Крайнов, 1963, табл. IV].

Высокошейные сосуды с эсвидным профилем и кубковидные высокошейные сосуды фатьяновской культуры также находят аналогии среди керамики начала среднего этапа среднеднепровской культуры Подесенья (Бельнец, курган № 6 погребение 2) [Артеменко, 1976, с. 159, рис. 3, 4].

Каменные и кремневые изделия московско-клязьминской группы фатьяновской культуры идентичны не только по форме, но и технике обработки среднеднепровским. Д.А.Крайнов отмечает, что наконечники стрел и дротиков встречаются только в могильниках московско-клязьминской группы и почти отсутствуют в памятниках других групп фатьяновской культуры.

Сходство основных форм сосудов и типов каменных и кремневых изделий московско-клязьминской группы фатьяновской культуры, а иногда и тождество с керамикой, каменными и кремневыми изделиями первой половины среднего этапа среднеднепровской культуры может быть объяснено не непосредственными (как предполагалось ранее), а генетическими связями фатьяновской культуры со среднеднепровской. Различия между ними наблюдаются в погребальном обряде. Для московско-клязьминской группы характерны грунтовые могильники с труположением, погребения с трупосождением встречаются редко (Истринский, Ошурковский, Тургиновский могильники), а среднему этапу среднеднепровской культуры характерны курганные и грунтовые могильники с труположением и трупосождением. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Таким образом, новые исследования памятников среднеднепровской культуры

в Верхнем Поднепровье, особенно в Подесенье, подтверждают существовавшую гипотезу о сложении фатьяновской культуры, прежде всего ее московско-клязьминской группы, на основе среднеднепровской культуры. Можно предполагать, что московско-клязьминская группа складывалась в результате продвижения на эту территорию части населения среднеднепровской культуры с Подесенья в первой половине среднего этапа, то есть не позднее конца III тыс. до н.э. В связи с этим нижняя дата московско-клязьминской группы фатьяновской культуры (конец первой четверти II тыс. до н.э.), предложенная Д.А.Крайновым, нуждается в уточнении.

Для характеристики связей между племенами среднеднепровской и фатьяновской культур значительный интерес представляет погребальный инвентарь, особенно глиняные сосуды, из погребений Ханевского могильника московско-клязьминской группы фатьяновской культуры, исследованного Н.А.Кирьяновой близ дер. Ханево Можайского р-на Московской обл. [Кирьянова, с. 143-154].

В погребениях 4, 5 и 6 найдены глиняные сосуды, которые по форме и орнаменту аналогичны сосудам среднеднепровской культуры. По мнению Н.А.Кирьяновой, в этих сосудах "как бы переплетаются черты двух культур", что "может объясняться не только территориальной близостью Ханевского могильника к памятникам среднеднепровской культуры, но какими-то более сложными и глубокими процессами, вызвавшими такое органичное смешение в инвентаре погребений черт двух близких культур" [Кирьянова, с. 154]. Следует отметить, что в указанных сосудах прослеживаются черты только среднеднепровской культуры. Что же касается инвентаря (каменного и кремневого) погребений, то в нем действительно имеются черты двух культур - среднеднепровской и фатьяновской. Д.А.Крайнов отмечает, что эти сосуды "тождественны сосудам среднеднепровской культуры, но не привезены с другой территории (среднеднепровской), а сделаны фатьяновцами. Подобные факты тождественности и схожести форм нельзя объяснить простыми связями" [Крайнов, 1972, с. 107]. Если Н.А.Кирьянова под выражением "более сложные и глубокие процессы", а Д.А.Крайнов - "нельзя объяснить простыми связями" предполагают для этого могильника генетические связи фатьяновской и среднеднепровской культур, то с этим нельзя согласиться, так как могильник относится ко времени, когда фатьяновская культура уже существовала. В погребениях этого могильника уже имелись погребальные сооружения, что свидетельствует не о раннем, а о следующем за ним этапе развития московско-клязьминской группы фатьяновской культуры. Н.А.Кирьянова считает возможным датировать Ханевский могильник временем около середины II тысячелетия до н.э. [Кирьянова, с. 154].

Наличие в погребении 5 двух сосудов, один из которых по форме и орнаменту типично фатьяновский, а второй (как и сосуды из погребений 4 и 6) находит прямые аналогии среди сосудов второй половины среднего этапа среднеднепровской культуры, позволяет говорить не о генетических связях, а о близких контактах племен среднеднепровской и фатьяновской культур в первой четверти II тыс. до н.э. Именно этим временем можно датировать сосуды среднеднепровской культуры Ханевского могильника.

С конца среднего и на позднем этапе (XIII-XV вв. до н.э.) среднеднепровской культуры прослеживаются связи среднеднепровских племен с племенами Прибалтики - висло-неманской (жуцевской) культуры. Они проявляются в основном по находкам в погребениях среднеднепровской культуры украшений из прибалтийского янтаря, а в памятниках висло-неманской культуры - керамики среднеднепровской культуры.

В погребении 2 могильника Стрелица найдена янтарная подвеска в виде плоского кружка с большим отверстием в центре, а из погребения 1 кургана № 11 в уроч. Мышка близ с. Ходосовичи происходит ключесобразная подвеска из янтаря

[Артеменко, 1977, с. 54, рис. 41, 1, 2; с. 56]. Эти погребения относятся к среднему этапу среднеднепровской культуры, ближе к его концу. Подобные по форме подвески известны с поселений Лубанской равнины в Латвийской ССР [Дозе, с. 115-117, табл. IV, 2-4; III, 1-2], а также из коллекции Кюдранте (район Клайпеды) [Klebs, Taf. III, VII].

В погребениях позднего этапа среднеднепровской культуры у с. Печурки Смоленской обл. найдено 20 зубовидных подвесок из янтаря, в погребении 43 могильника Стрелица - 21 подвеска, в погребении у пос. Пролетарият Гомельской обл. - 9 подвесок [Артеменко, 1977, с. 37, рис. 26, 2; с. 54, рис. 41, 3]. Все они находят прямые аналогии среди янтарных зубовидных подвесок Восточной Прибалтики, особенно с поселений Лубанской равнины [Дозе, с. 114-115; с. 194, табл. IV, 3-16, 21].

Существует мнение, что племена среднеднепровской культуры принимали участие в формировании прибалтийских культур боевых топоров. Х.А.Мооре предполагает, что с верховьев Днепра культура боевых топоров (среднеднепровская культура.- И.А.) распространилась на запад и северо-запад в Прибалтику, на север - вплоть до Прильменья [Моора, с. 15]. Со среднеднепровской культурой связывает, в частности, сложение висло-неманской (жуцевской) культуры, памятники которой распространены в Юго-Восточной Прибалтике и в бассейне Немана.

И.Килиан, отмечая наличие в висло-неманской культуре поднепровских элементов, как и А.Европеус и другие, считает, что эта культура сложилась в результате продвижения в Юго-Восточную Прибалтику части населения с запада, из Центральной Европы, и генетически связана с саксо-тирингской культурой. Появление в этой культуре элементов среднеднепровской культуры он объясняет результатом меновых сношений [Kilian].

Х.А.Моора, не соглашаясь с И.Килианом, предполагает, что появление в висло-неманской культуре элементов среднеднепровской культуры следует объяснять не торговыми, а, скорее всего, генетическими связями. По его мнению, основной поток, положивший начало висло-неманской культуре, исходил из Приднепровья, а не из Центральной Европы [Моора, с. 16].

В последние годы в висло-неманской (жуцевской) культуре выделяются две локальные группы: западная и восточная. Различия между ними состоят прежде всего в том, что в западной группе больше черт, связанных с культурой одиночных погребений и среднеевропейскими группами шнуровой керамики, а в восточной - элементов фатьяновской и среднеднепровской культур. Предполагается, что ранние памятники западной группы хронологически древнее восточной и здесь происходило сложение этой культуры [Tetzlaff, s. 365].

Среди керамики висло-неманской культуры (западной и восточной групп) имеются сосуды, близкие по форме и особенно орнаменту к сосудам среднеднепровской культуры. Они украшены многозонным орнаментом, состоящим из отсков шнура, прочерченных или нарезных линий, а также поясов из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, разделенных горизонтальными прочерченными или нарезными линиями. Эти сосуды могут быть сопоставлены с сосудами второй половины среднего и позднего этапов среднеднепровской культуры [Praehistorie, с. 371, рис. 227, 1-2].

На поселениях Лубанской равнины Асне 1, Лагажа, Эйни и др., особенно на поселении Абора 1, среди шнуровой керамики и поздней пористой керамики имеется много элементов среднеднепровской культуры. Это коротко- и высокочейные сосуды и сосуды эсовидной формы с отпечатками шнура, коротких нарезных линий в елочку, горизонтальных линий, горизонтальных поясов из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, а также сосуды, орнаментированные отскоками перевитого шнура (или нитки) в виде "гусенички" или "колечей проволоки" [Дозе, с. 82-87, 93-99, табл. XXXVII, XXXVIII, XLII, XLIII]. Сосуды со шнуровым и

нарезным горизонтальным и алочным орнаментом известны на территории Литовской ССР, на поселениях Пянтотай, а также Эйтуляй, Вершвай, Лауменай, Дубичай, Рапкяй и др. [Римантене]. В среднеднепровской культуре близкие по форме и орнаменту сосуды известны из поселений и погребений второй половины среднего и особенно позднего этапов [Артеменко, 1977, рис. 9, 13-15; 17, 1; Артеменко, 1970, с. 94-97, рис. 30], позволяющие предполагать участие этой культуры в формировании висло-неманской культуры. Связующим между ними звеном являются поселения Осовац I-III и Кривина в среднем течении Западной Двины в Витебской области, на которых найдена керамика среднего и позднего этапов среднеднепровской культуры [Чернявский, с. 12-14]. Следует, однако, отметить, что в керамике висло-неманской культуры прослеживаются и черты культуры шаровидных амфор, а также культур шнуровой керамики Центральной Европы, но их роль в сложении этой культуры еще окончательно не определена.

Племена среднеднепровской культуры позднего этапа ее развития имели тесные связи с племенами Волыни, в частности, племенами здолобичского этапа горопекско-здолобичской культуры. В жилище II здолобичского этапа на поселении Зозов I и в культурном слое этого и других подобных поселений найдены фрагменты керамики позднего этапа среднеднепровской культуры [Свешников, 1974, с. 162]. Близ с. Осова (в 3 км к северо-востоку), в уроч. Накоты Костопольского р-на Ровенской обл. на небольшой развешенной дине найдены развалы двух сосудов позднего этапа среднеднепровской культуры, происходящих, вероятно, из разрушенных погребений.

Во второй четверти II тыс. до н.э. соседями среднеднепровских племен на юго-западе были племена стижковской и позднего этапа подкарпатской культур. Они находились, вероятно, в тесном контакте. Об этом свидетельствует клад медных украшений, найденный в Клеве во время земляных работ на ул. Героев Революции. Он состоял из диадемы, дуновидной подвески и трех височных колец квадратной формы [Артеменко, 1977, с. 123, рис. 75]. Височные кольца относятся к группе украшений, найденных в погребениях позднего этапа подкарпатской культуры [Свешников, 1974, с. 46, рис. 10, 4; с. 70, рис. 19, 7], в памятниках почанского типа, в кладе из Стеблевки и в погребениях стижковской культуры [Свешников, 1974, с. 76, рис. 22, 3-4; 138, рис. 50, 10-14, 24, 25]. Вероятно, от племен стижковской культуры [Свешников, 1974, с. 136, рис. 49, 2-6] среднеднепровским населением Верхнего Поднепровья была получена и многоцветная фаянсовая бусина, найденная в погребении 40 могильника Стрелица [Артеменко, 1977, с. 91, рис. 54, 1], у с. Гречаники Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. найден бокаловидный сосуд цилиндрической формы со шнуровым орнаментом [Артеменко, 1977, с. 75, рис. 44, 2], аналогии которому имеются среди бокаловидных сосудов позднего этапа подольской группы подкарпатской культуры [Свешников, 1974, с. 62, рис. 15-16].

В погребениях могильников Колосовичи, Стрелица, у пос. Пролетарият позднего этапа среднеднепровской культуры найдены 14 предметов - шилья, браслеты, гвязны, диадемы, височное кольцо, грубчатые пронизи и незаконченный косяк, изготовленных, по определению Е.В.Черныка, из почти чистой меди с незначительной (естественной) примесью серебра, железа и никеля [Артеменко, 1977, с. 38, табл. 1]. Химический состав этих предметов близок к составу металла карпатской горнометаллургической области. Кроме того, в погребениях могильников Колосовичи (курган № 12 погребение 1) и Стрелица (погребение 88) найдены нож и браслет, изготовленные из сплава меди с оловом (10 и 1,2 %) - бронзы. В составе металла имеется также незначительная примесь железа, свинца, сурьмы, мышьяка и никеля [Артеменко, 1977, с. 39, табл. 4]. Судя по составу металла, можно предполагать, что перечисленные предметы изготовлены из карпато-трансильванского металла, выделенного Е.Н.Черных [Черных, 1976, 14

с. 17-23]. Однако большинство предметов из чистой меди и из бронзы среднеднепровской культуры не имеет аналогий в других культурах этого времени. Вероятно, среднеднепровские племена получали из Карпатской горнометаллургической области в результате обмена не готовые металлические изделия, а слитки металлов, из которых у себя на месте изготовляли необходимые им предметы. Свидетельством существования у среднеднепровских племен собственной металлообработки является находка в могильнике Стрелица (погребение 20) двух детских диадем, изготовленных в результате переплавки предметов из металла кавказского и карпатского происхождения [Артеменко, 1977, с. 39, табл. 3].

На позднем этапе среднеднепровской культуры продолжались контакты среднеднепровских племен с племенами катакомбной культурно-исторической области. В этот период по каким-то причинам прекратилось поступление к среднеднепровским племенам кавказского металла через посредство катакомбных племен, произошла переориентировка связей среднеднепровских племен с целью получения металла. Однако связи этих племен хорошо прослеживаются при анализе керамики с южных правобережных поселений среднеднепровской культуры типа Исковщина и левобережных поселений типа Бортнички. Поселения типа Исковщина существовали на пограничной территории с катакомбными племенами, и их жители испытывали влияние последних, которое проявляется в появлении на керамике среднеднепровской культуры, как и на поселениях типа Бортнички, орнамента в виде отпечатков тесмы — орнаментального приема, характерного для катакомбных племен, а также некоторых сюжетов орнамента (полукруглые фестоны). Встречаются на южных среднеднепровских поселениях и сосуды катакомбной культуры. В то же время, вероятно, в результате связей катакомбных племен с племенами среднеднепровской культуры среди катакомбной керамики появились высоейные сосуды, орнаментированные отпечатками простого и перевитого шнура в виде елочек и соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников.

Рассмотренные связи среднеднепровских племен на имеющемся археологическом материале, конечно, далеко не полностью отражают существовавшие у них генетические связи, контакты с соседними племенами, связи с целью обмена и получения, прежде всего, металла в виде слитков, которого не было на месте, и металлических изделий. Новые исследования памятников среднеднепровской культуры и соседних культур позволят более полно охарактеризовать связи их племен, что имеет большое значение для синхронизации и хронологии культур, а также изучения уровня социально-экономического развития племен среднеднепровской культуры.

- Артеменко И.И. Новый могильник среднеднепровской культуры в Верхнем Поднепровье // КСИА АН СССР. — 1970. — Вып. 123. — С. 94-97.
- Артеменко И.И. Балынецкий могильник (раскопки 1970-1971 гг.) // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. — М., 1976. — С. 155-175.
- Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы // ММА. — 1967. — № 148. — С. 1-138.
- Березанська С.С., Ілліньська В.А. Мар'янівсько-боншаркинська культура // Археологія Української РСР. — Київ, 1971. — Т. 1. — С. 363-373.
- Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. — Киев, 1982. — 212 с.
- Воеводский М.В. Городища Верхней Десны // КСИИМК. — 1945. — Вып. 24. — С. 47.
- Горошцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. — Изд. 1-е. — М., 1927. — Т. 7. — С. 610-626.
- Кирьянова Н.А. Фатьяновский могильник у д. Ханево // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. — М., 1976. — С. 143-154.
- Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // Археология СССР. — М., 1963. — (САИ. — Вып. VI-19). — 70 с.
- Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. — М., 1972. — 274 с.
- Куртин В.А. К вопросу о древних корнях грузинской культуры на Кавказе // Вестник Гос. музея Грузии. — 1944. — Т. 12-В. — С. 305. — Рис. 8, 5.
- Левильский І. Памятки мегалітичної культури на Волині // Антропология. — 1929. — Т. 2. — С. 201-202.
- Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. — Рига, 1979. — 180 с.

- Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. - 1960. - № 93. - 151 с.
- Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатны-кале) // Древности Чечено-Ингушетии. - М., 1963. - С. 136-138.
- Моора Х.А. О древней территории расселения балтийских племен // СА. - 1963. - № 2. - С. 9-33.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Археологические памятники близ с. Карабулак-кент (Дагестанская АССР) // МИА. - 1958. - № 68. - С. 151, 154, 167-169.
- Пассек Т.С. К вопросу о среднеднепровской культуре // КСИИМК. - 1947. - Вып. 16. - С. 42-44. - Рис. 13, 7-8.
- Римантене Р. Периодизация и топография поселений каменного и бронзового веков в Литве (по данным поселений центральной Литвы). - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Вильнюс, 1962.
- Салымханов И.Р. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. - Баку, 1960. - С. 140. - Табл. 52.
- Свешников И.К. История населения Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III - на початку II тисячоліття до нашої ери. - К., 1974. - 207 с.
- Свешников И.К. Культура шаровидных амфор // Археология СССР. - М., 1983. - (САИ. - VI-27). - 90 с.
- Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. - М., 1966. - С. 84.
- Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. - М., 1966.
- Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. - М., 1976. - 204 с.
- Чернявский М.М. Исследование неолитических поселений Кривинского торфяника // Древности Белоруссии: Докл. к конф. по археологии Белоруссии (март 1969 г.). - Минск, 1969. - С. 12-14.
- Kilian L. Hauffkrietenkultur und Ursprung des Balten. - Bonn, 1955.
- Klebs R. Der Bernstein Schmuck der Steinzeit von der Bagger bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens. - Königsberg, 1882. - Taf. III, 1, 3, 6, 8-13, 20, 21; VIII, 8-10, 12.
- Osawowski G. Materialy do paleoetnologii kurhanow ukraińskich. - ZWAK. - 1889. - T. 13. - S. 12.
- Prahistoria ziem Polakich. - Neolit. - 1979. - T. 2. - S. 370-371. - Рус. 226, 1, 2; 227, 1.
- Tetzlaff W. The Kucsewo Culture. // The Neolithic in Poland. - Kraków, 1970. - S. 365.

А. Д. Нечитайло

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ УКРАИНЫ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ ЗНЕОЛИТА - РАННЕЙ БРОНЗЫ

Вопросы культурно-экономических связей степной Украины и Северного Кавказа изучаются уже более столетия. В настоящее время эта проблема стала предметом исследования специалистов разного профиля. Достигнуты значительные успехи в этом плане и сделаны общие выводы. Прежде всего эти связи определены как традиционные, установлено, что они основаны на зависимости степного населения от металлообрабатывающих очагов Северного Кавказа и поэтому обусловлены необходимостью регулярного обмена. Достаточно четко выметились направления связей и пути, по которым они осуществлялись. Все в большей степени раскрывается двухсторонний характер связей. Гораздо меньше уделяется внимания проблеме взаимосвязей, взаимовлияния, обусловленности обоюдной значимости их. Поэтому основная цель нашей статьи уделить особое внимание межконтактам названных областей, при учете взаимодействия последних на особенности развития каждой в эпоху ранней бронзы.

Впервые максимально использован известный к настоящему времени комплекс археологических объектов (четко выделяемых) как показатель реальных связей. При этом вместе сопоставлены источники всех видов: керамика, металл, кость, камень, культурно-идеологические факты. При анализе материала мы пытались дифференцировать вещи явно инородного происхождения, а именно кавказские, в среде степных культур, степные - в материалах ранней бронзы Северного Кавказа и предметы со следами влияний в материальной и духовной сфере.

При исследовании отбирались определенные образцы, причем показатели учитывались комплексно. С одной стороны, фиксировалась их степень сходства, с другой - предполагался поиск аналогичных технологических признаков в слу-

чае изготовления на месте. При отборе керамики критериями сходства выступают: форма, глиняная масса, характер поверхности, стиль украшения. У металла учитывались форма, химический состав и технология изделий, когда это было возможно.

Анализ конкретных фактов связей при соответствующей обработке всей совокупности имеющихся источников позволяет выделить среди них фиксирующие возможность проявления непосредственного обмена, когда конкретный предмет имеет четкие признаки определенного происхождения; технико-культурной принадлежности предметов к инородной группе при исполнении не местным мастером; отчетливого влияния культурной специфики, когда исполнена вещь на месте и местным мастером; наличие следов воздействия культурно-идеологических факторов, отражающих принципиально новые моменты в жизнедеятельности конкретных племен.

Первые две группы фактов свидетельствуют о непосредственных контактах племен изучаемых областей, третья — об опосредованном влиянии, четвертая объясняется как конкретной формой связей, так и опосредованной. Отмеченные факты связей прослеживаются в обеих линиях влияний степной и кавказской.

Рассматривая линию кавказского влияния в памятниках ранней бронзы степной Украины, необходимо заметить, что она более четко выявлена в керамике и металле, хотя имеется и другие источники.

Сравнительно-технологический анализ керамических изделий в памятниках ранней бронзы степной Украины, выделяющихся по своему характеру из комплексов местной керамики, позволил вычленил их в самостоятельную группу, не только инородную в указанной среде, но близкую к майкопской [Нечитайло 1984, с. 127-137]. Сопоставление этих изделий с майкопской керамикой дало возможность проследить явную близость для целой группы сосудов, которые не только по форме, но и тесту соответствуют майкопским (Херсонская область, с. Михайловка, поселение, нижний слой; Николаевская область, с. Соколовка, к. 1, п. 6а, нижнемихайловская культура; Крымская область, Капш-Коба, случайная находка, с. Целинное, к. 12, п. 6, янная культура). Такая связь позволяет считать их импортами. Кроме того, группа сосудов, которые по сумме признаков (форма, характер поверхности) близки майкопской, но отличаются от нее некоторыми деталями, выделяется в серию образцов подражаний (Крымская обл., Марьино, к. 1, п. 5, Звонеровое, к. 14, п. 6, Рисовое к. 1, п. 65, Танковое к. 9, п. 17; Донецкая обл., Александровский курган; Херсонская обл., Любимовка, к. 7, п. 5, Первоконстантиновка, к. 18; Днепропетровская обл., Широкое, к. 1, п. 18; Одесса — Слободка — Романовка, к., п. 20). Все они в основном происходят из погребений ямной культурно-исторической общности.

Распространение керамики со следами майкопских воздействий имеет неравномерный характер. Если на раннем этапе нами фиксируются только единичные образцы (три), то на среднем их количество возрастает (девять), а на позднем несколько уменьшается (шесть). Наиболее интенсивное распространение кавказской керамики может быть связано, по-видимому, со средним этапом майкопской культуры. Это говорит о более углубленных контактах именно в средний период, так как в это время расширяется не только число импортов, но и появление подражаний им.

В керамике с чертами кавказских влияний четко прослеживаются временные изменения в стиле и формах, которые соответствуют по времени изменениям в керамике майкопской культуры, что свидетельствует о прямых непосредственных контактах племен названных областей, о распространении изделий в результате обмена, об устойчивости связей. Реакцией на эту устойчивость является производство местной керамики под влиянием майкопской культуры. Распространение керамики майкопского типа в степной Украине свидетельствует о многолинейности влияний, которые с Северного Кавказа веерообразно направляются на обла-

сти Северного Причерноморья от южного Крыма до черты современного г. Днепрпетровск. Некоторые сосуды из бассейна Днепра, в частности позднегетского этапа, могут служить фактом контактов степной Украины не только с западной, но и с прилегающей к нему центральной частью Северного Кавказа. Картографирование материалов позволило установить конкретные пункты, которые, как можно предположить, имели контакты с майкопской культурой. Наблюдение над размещением компонентов по бассейнам рек, впадающих в Азовское и Черное моря, а также локализации керамических импортов и образцов подражания в большей степени в Нижнем Поднепровье и Крыму позволяют считать, что последний является той ближайшей областью, через которую и осуществлялись контакты степного Поднепровья с Северным Кавказом.

Таким образом, даже имеющийся в настоящее время комплекс керамики, несущей майкопские влияния, несмотря на относительно малочисленность доказательно фиксирует сложный и двусторонний характер культурно-экономических связей двух рассматриваемых областей.

Наиболее активным фактором в развитии этих связей выступал металл. "Распространителем" его являлся Кавказ. Степная Украина принимала его по-разному в разные периоды. Для эпохи ранней бронзы намечается проникновение металлических изделий в область степной Украины и подражание кавказским образцам. Характер распространения металла для этого времени детально исследован И.Р.Селюкхановым, Е.Н.Черных, С.Н.Кореневским, что позволяет широко использовать приводимые ими данные.

Изучение имеющихся археологических материалов свидетельствует о росте в рассматриваемом периоде тенденции подражания. Одним из конкретных источников, фиксирующих факт этого явления, выступают "проушние", или втульчатые, топоры. С.Н.Кореневский выделял среди них три группы, причем первая соответствует раннему этапу майкопской культуры, вторая и третья - новосвободненскому этапу [Кореневский, 1974, с. 14-32]. Единственным образцом раннемайкопского времени на Украине считается топор, найденный у Балаклавы в Крыму [Кореневский, 1917, с. 17, рис. 3, 5]. Ко второй майкопской группе относятся 4 топора: с. Стайки Киевской обл. [Кореневский, 1974, с. 21], г. Верхнеднепровск Днепрпетровской обл. [Кореневский, 1974, с. 20-21, рис. 6, 6], беспаспортный топор в ГИМе УССР [Кореневский, 1974, с. 21], с. Балки Запорожской обл. [Савовский, 1977, с. 97-98, рис. 2, 9]. К третьей группе отнесен топор из с. Долинка Крымской обл. [Черных, 1977, с. 42, рис. 5].

Все топоры, за исключением Балаклавского, отлиты из не кавказской в основном чистой меди, но по кавказским образцам или в формах, сходных с кавказскими. Наличие таких форм на Украине подтверждается находкой двух глиняных матриц (половинки от разных форм, незначительно отличающихся размерами), которые обнаружены А.А.Щепинским в погребении литейщика кемп-обинской культуры из Золотого кургана у г. Симферополя [Щепинский, 1975, с. 15]. На наш взгляд, крымские матрицы по размерам, конструкции, открытости с бортами близки двухстворчатой форме, полученной на Галгалатлинском поселении Дагестана [Таджиев, 1963, с. 33-34, рис. 16, 1]. Причем по замечанию С.Н.Кореневского, последняя "детально повторяет очертания топоров самого распространенного вида (группа 2)" [Кореневский, 1978а, с. 45]. Полное исследование крымских форм (к сожалению, они не опубликованы) позволит выявить новые возможности при сопоставлении их с кавказскими. А пока наличие литейных форм в кемп-обинском погребении Крыма и образцы подражаний майкопским топорам (группа 2) можно связывать с местным производством, свидетельствующим о профессиональной организации литейного дела в степях под влиянием Кавказа. Крымские литейные формы и были предназначены для отливки именно такого типа топоров. Следовательно, в данном случае мы с уверенностью можем расценивать эти факты как от-

четливое влияние культурной специфики Кавказа при исполнении вещей на месте и местным автором. Только балаклавский топор пока можно считать раннемайкопским импортом.

В связи с общим характером статьи нет необходимости останавливаться на всех видах металлических изделий, распространенных в памятниках ранней бронзы степной Украины и вычлененных нами как импорт и подражание. Достаточно сказать, что они разного характера. Среди них орудия труда — топоры, тесла, долота, шелья, ножи; предметы быта — бритвы, оружие — кинжалы; украшения — бляхи, подвески. Причем в большинстве своем это хозяйственные орудия, инструменты, изготовленные, как установлено специалистами, из мышьяковистой бронзы и по кавказским образцам [Черных, 1978, с. 60—63; Корневский, 1978, с. 33—48]. По сходствам форм можно констатировать общие связи с кавказским металлообработывающим производством, не реконструируя их в деталях. Более определенно можно говорить о происхождении тесла, полученного на Михайловском поселении Херсонщины, состав металла которого вписывается в общую геохимическую характеристику металла изделий первой майкопской группы, по Е.Н.Черных [Черных, 1966, с. 37—39, рис. 13 и с. 126, табл. IX, 430]. Вероятно, только это тесло можно считать импортом. Так как технология изготовления большинства орудий пока не известна, то наши заключения носят предварительный характер. В основном орудия, характеризующие кавказские влияния, представлены подражаниями. Местная металлообработка доказывается массовостью распространения изделий, таких, например, как листовидные ножи, хотя они по составу металла и форме связаны с кавказскими.

На разных этапах эпохи ранней бронзы отмечается неравномерность распространения металлических изделий. Если первый представлен единицами (Балаклава), то второй и третий — значительным количеством. Причем если на раннем — это топор и тесло, то на последующих — топоры, тесла, вилки, долота, ножи, шелья. То есть идет увеличение ассортимента изделий кавказского типа. Металл в виде украшений фиксируется пока только для позднего периода раннего этапа. Это объясняется тем, что сначала возникает производственная потребность в металле, а затем удовлетворялись иные запросы. В частности, к позднемайкопскому импорту относятся и предметы вооружения — а именно два кинжала. Это черенковый кинжал со следами ребер посредине клинка из Новой Каховки 2 Херсонской обл. [Куйбышев, Дорофеев и др., 1978, табл. CV] и кинжал с цельнометаллической узорчатой рукояткой и двулезвийным кованым клинком из Старогорожено Николаевской обл. [Шапошникова, Фоменко, Балушкин, 1977, с. 112, рис. 9, 1; 10, 1].

Таким образом, движение кавказского материала (импорт и подражания) имеет пульсирующий характер и представляет достаточно сложное содержание.

Другие источники материальной культуры менее показательны, в частности предметы быта, изготовленные из другого материала. Так, для эпохи ранней бронзы среди находок, фиксирующих кавказский импорт, известен каменный браслет, полученный из верхнего слоя Михайловского поселения [Лагодовська, Макаревич, Шапошникова, 1962, с. 139—140, рис. 39]. Считается, что этот браслет попал на Украину в результате обмена [Формозов, 1965, с. 121] на позднем этапе майкопской культуры.

Исследование связей степной Украины и Северного Кавказа с целью установления их взаимовлияния и общего воздействия предполагает анализ не только экономического фактора (хозяйственные моменты и бытовые) в развитии этих связей, но и культурно-идеологического. Проявлением последнего при изучении кавказской линии влияний выступают погребения, представляющие комплекс вещественного материала, несущего в своей совокупности культурно-этническую нагрузку. Два из них известны по материалам Северско-Донецкой экспедиции, это

Световский /Братченко, Шарфутдинова, Смирнов, 1974, с. 10-11, рис. 13/ и Петровский /Писларий, Филатов, 1972, с. 64-65; Формозов, 1980, с. 320/ комплексы в Ворошиловградской обл.; кроме того, погребение в Приазовье у с. Константиновка Мелитопольского р-на Запорожской обл. /Михайлов, 1974, с. 308-309/ и погребение в Крыму у с. Вилино /Храпунов, 1981, с. 317/. Весь комплекс вещей, представленных в этих погребениях, свидетельствует о большой нагрузке кавказского компонента. Так, в частности, погребение у Константиновки сопровождалось сосудом майкопского типа, нефритовым топором-клездом и кремневыми стрелами, характерными для майкопской культуры. Поскольку перечисленные комплексы несут устойчивые традиции кавказской культуры, можно предполагать проникновение отдельных групп кавказского населения на эту территорию. Эти факты способствуют выявлению направлений движения конкретных групп кавказского населения и раскрытию взаимосвязей изучаемых областей.

Характеризуя линии воздействия кавказского компонента в этих связях, важно подчеркнуть следующие моменты.

Влияние кавказского компонента на племена степной Украины, отмечаемое исследователями как устойчивое явление в эпоху ранней бронзы, прослеживается в активном и постоянном движении разнохарактерного материала (керамика, металл, камень, культурно-идеологические традиции).

Проникновение кавказского металла представлено различными вариантами (орудия труда, быта, оружие, украшения), из которых орудия труда выделяются особо и связываются с производственными потребностями степных племен.

Распространение элементов майкопской культуры, как свидетельствуют керамические и металлические находки, идет во времени по нарастающей.

Освоение технологии кавказских образцов металла и керамики на местной базе свидетельствует о глубоком характере влияния Кавказа.

Важным моментом в характеристике распространения кавказского влияния является фронтальный его характер. Это выражается в находках керамики, металла и др. по всей территории степной Украины.

Картографирование исследуемого источника позволило вслед за Д.Я. Талагиным утверждать особую насыщенность контактов через Крым, то есть в качестве одной из ведущих линий контактов можно считать территории их современных Прикубаны - Керчи - Симферополя - Нижнего Поднепровья.

Второй стороной в процессе взаимодействия двух рассматриваемых культурно-исторических областей является Кавказ. Он выступал не только в качестве обладателя металла, но нес прогрессивные тенденции в его производственном освоении. Это обеспечивало его активную позицию в контактах двух рассматриваемых сторон. Она выражалась не только во влиянии на степную Украину, но и в восприятии культурных импульсов со стороны последней. Важную роль в этом плане играли непосредственно контакты племен ямной культурно-исторической общности в пограничной зоне. В последней намечаются общие моменты в характеристике материала /Мерперт, 1968, с. 23-28/.

Восприятие степных традиций проявляется в подражании степной керамике, наличию импортных украшений и распространения культурно-идеологических элементов.

В ряде памятников Северного Кавказа обнаружена керамика с чертами, не свойственными местной традиционной посуде. В числе таких признаков - остродонная форма изделий и орнаментация - веревочный узор. Такая керамика нами зафиксирована в трех пунктах. Часть изделий происходит из курганов и поселения среднего этапа майкопской культуры у г. Усть-Джегута Карачаево-Черкесской автономной области /Никитайло, 1978, с. 29, 30, рис. 12, 4, 5, 11/. Один фрагмент с отпечатками веревочки в два ряда найден в майкопском слое Тамлянского поселения г. Ставрополя /Охонько, 1961/. Аналогичный толстостен-

ный красноглиняный обломок с четырьмя рядами отпечатков веревки получен с майкопского поселения Большетагинское близ станции Отрадной Краснодарского края [Каминская, 1984, с. 40]. Необходимо заметить, что выделенные образцы по тесту, характеру поверхности типично майкопские, а вот по форме и стилю — украшения степице. То есть выделенная керамика из Усть-Джегутских курганов и названных поселений не принесена извне, а изготовлена на Северном Кавказе, в частности в Верхнем Прикубанье, местными мастерами с типичными для них приемами, но с заимствованием формы и декора.

Среди находок, фиксирующих степной импорт, можно назвать костяные трубочки-пронизки (6 экз.) со спиральной нарезкой из нижнего слоя майкопского поселения Мешоко [Формозов, 1965, с. 140, 122, рис. 60, 1, 2]. До настоящего времени, ни в одном майкопском погребении подобные пронизки не были обнаружены. По форме, орнаменту, материалу они связаны только со степными районами и в результате обмена попали в предгорья Северного Кавказа.

Воздействие факторов культурно-идеологического плана проявилось в восприятии кавказскими племенами идеи курганного обряда и идеи антропоморфного изваяния.

Ни у кого не вызывает сомнений, что основной зоной распространения курганов всегда оставалась степь. На широком Волго-Дунайском просторе они появились еще в IV тыс. до н.э. Если их возникновение до последнего десятилетия связывалось с формированием ямной культурно-исторической общности, то в настоящее время зарождение курганного обряда в указанном регионе зафиксировано в доянных разнокультурных энеолитических комплексах — Ворошиловград [Шоларий, Кротова, Ключко, 1976, с. 21-28], Кировоград [Даниленко, 1972, с. 42-45], Суворово [Даниленко, Пшаглия, 1972, с. 5], Кайнары [Мовша, Чеботаренко, 1969, с. 45]. Особую группу составляет серия вытянутых постмарипольских погребений под насыпями в Левобережной Украине в междуречье Орели и Самары, которые предшествуют раннеямным [Ковалева, 1983, с. 22-23; Марина, 1982, с. 10]. Подкурганные погребения этой поры известны и в Предкавказье [Трифонов, 1983, с. 8-9].

Племенные группы ямной культурно-исторической области уже полностью переходят к курганному обряду, широко разнося его идеи по степным просторам Евразии. По мнению В.Н.Даниленко, не они были ее создателями, а каспийско-прикавказские энеолитические животноводы, которые не позднее середины IV тыс. до н.э. принесли в Северное Причерноморье "не только обряд подкурганного захоронения, но ... и знакомство с прирученным конем" [Даниленко, 1974, с. 104]. На сегодня древнейшие курганные погребения зафиксированы по всей северокавказской полосе от Чечено-Ингушетии до дельты Кубани: Новый Аргитти [Мунчаев, 1961, с. 139-140, 143], Грозный [Мунчаев, 1975, с. 147], Веселая Роща [Романовская, 1982, с. 173-175]; Суворовская [Нечитайло, 1972, с. 83-86], Батуринская [Шарафутдинова, 1983, с. 18-19]. Однако четких оснований для утверждения, что они древнее северопричерноморских, у нас пока нет. Р.М.Мунчаев предполагает появление курганного обряда в степях Северного Причерноморья раньше, чем в Предкавказье [Мунчаев, 1975, с. 309]. В настоящий момент можем констатировать, что курганный обряд был знаком различным животноводческим племенам Юго-Восточной Европы еще в раннем энеолите и возникновение его связано с глубокими изменениями в социально-экономической жизни общества. В силу подвижного характера хозяйства эти группы постоянно контактировали с племенами соседних областей, в частности, с предгорными и горными районами Кавказа и способствовали распространению "культурных и идеологических" феноменов [Мерперт, 1984, с. 242]. Курганный обряд легко воспринимался там, где общество было подготовлено к нему. Более высокая развитость в экономической и социальной жизни кавказских племен обеспечивала быстрое усвоение новой традиции. Вот по-

чему громадные раннемайкопские насыпи фиксируются почти одновременно от Кубани до Каспия: Майкопский курган в Краснодарском крае (выше 10 м), Усть-Джегутинские в Ставропольском крае (12-18 м), Нарганский в Кабардино-Балкарии (выше 13 м), Топрак-Кала в Дагестане (выше 6 м). Ближайшие к майкопским по времени и не уступающие им по объему курганы зафиксированы в Азербайджане (Уч-Тепе в Мильской степи) и в Грузии (Марткопские и Алазано-Беденские сооружения). В Грузии наиболее ранние курганы связаны с заключительным этапом куро-аракской культуры, хотя для последней они будто бы и не характерны. Э.М.Тогодзе предполагает, с одной стороны, зарождение их в недрах куро-аракской культуры (Сачхерские, Тквишские погребения), а с другой - допускает их северное происхождение [Тогодзе, 1972, с. 93-94, с. 10].

Восприятие курганного обряда северокавказскими и закавказскими племенами, выражавшееся в почти одновременном создании огромных насыпей на территории предгорных и горных степей, отражало выделение определенной группы людей, занимавших в обществе высокое социальное положение, имевших право на особое отношение к ним. Архитектура Майкопского, Усть-Джегутинских, Нарганского, Уч-Тепинского и Марткопских курганов по своему стилю близка между собой, хотя и встречаются различия в деталях. Общее выражается в грандиозных насыпях и ямах, каменных и деревянных конструкциях, огромных трудозатратах. Это не единичные случаи, а эпохальное явление, характерное для Кавказа в раннебронзовый век. Курган выступал как момент престижности и в этом его однозначность для Кавказа.

В то же время сама форма организации курганного обряда несет собственно идеологическую нагрузку, отражая понимание мироздания. Курган, вероятно, являлся "символическим образом космоса" [Делегов, 1976, с. 15], созданием мира для усопшего, что и предопределяло его устройство и содержимое могил, наличие роскоши и богатства, уцелевшего в отдельных случаях (Майкоп, Марткопи).

Кроме того, эта идея на заре своего зарождения оказалась не столько молчаливой (основанной на общих связях), сколько приемлемой для скотоводческо-земледельческих обществ, стоявших на одной ступени развития социально-экономических отношений и занимавшихся кочевым скотоводством в степной зоне и полукочевым или отгонным в горных и предгорных районах Кавказа. Это, естественно, требовало "отчуждения" могильников от поселений на далекие расстояния и сохранения с ними зримой связи из поколения в поколение.

Новые религиозные представления и выразились прежде всего в переходе к новым культовым традициям и сооружениям. Смена погребального обряда у кавказских племен могла произойти на основании изменения социальных явлений и в результате влияния связей в системе идей. Восприятие курганного обряда, вслед за другими исследователями, связываем прежде всего с изменениями в социально-экономической жизни общества и социальной дифференциации его [Массон, 1976, с. 164].

Влияние культурно-идеологических представлений степных племен на Кавказ проявляется и в таких археологических памятниках, как антропоморфные изваяния. Их идея в среде кавказского населения распространилась позднее, чем курганный обряд.

Образ человека в монументальном искусстве в степной зоне Северного Причерноморья впервые известен в конце IV - начале III тыс. до н.э., а самые ранние статуи найдены в новоданиловских памятниках [Телегин, 1974, с. 3-14] и в нижнемайкопской культуре. Затем они широко встречаются в кеми-обинских и изредка в раннекатакомбных памятниках Украины. Но большинство антропоморфных статуй связано с ямной культурой. Вот почему находки каменных изваяний в предгорных районах центрального Кавказа дали основание И.М.Чеченову предполагать, что идея их создания проникла на территорию Кабардино-Балкарии из Причерно-

морья "под влиянием племен ямной культуры" [Чеченов, 1973, с. 60]. Этот тезис сейчас можно уточнить и конкретизировать. Находки стел к настоящему времени зафиксированы от Кубани до Кобанстана. Их появление относится в основном ко второму этапу майкопской культуры. Обнаружены они в нескольких районах Северного Кавказа: западном, центральном и восточном.

В Верхнем Прикубанье, точнее Прикурупье, у с. Рудь близ Отрадной Краснодарского края в 1982 г. на кургане найдено одно антропоморфное изваяние [Дожкин, 1982, с. 45].

В Кабардино-Балкарии известно 77 стел, связанных в основном с курганными насыпями (г. Налчик, сел. Кашпек, Нартан, Лечинкай, Чегем) [Чеченов, 1984, с. 211-220].

В Приморском Дагестане выявлены три изваяния. Два из них (весьма примитивных) обнаружены в 1965 г. В.Г.Котовичем в уроч. Шахсенгер близ с. Башлыкент Каякентского района [Котович, 1965]. Кроме того, одна антропоморфная стела с более реалистичной передачей тела найдена в 1968 г. близ Экибулака Буйнакского района [Гаджиев, Маммаев, 1977, с. 52-57].

Таким образом, эти памятники находятся в трех основных предгорных районах Северного Кавказа. Однако наибольшее их сосредоточение оказывается в центральной части, а именно в Кабардино-Балкарии. Статистические подсчеты показывают, что количество майкопских стел составляет немногим более 16 % от всех изваяний (свыше 300), найденных к настоящему времени в степной Украине. Зафиксированные находки стел от Отрадной до Шахсенгера в Дагестане как бы фиксируют путь проникновения идеи антропоморфных идолов к предгорной полосе с эпицентром в районе Центрального Кавказа. Именно этот район в силу своего географического положения имеет более широкие выходы в степь и более других, вероятно, был подвержен ее влияниям.

Идея изображения человека майкопским племенам была знакома на самом раннем этапе их существования. Она проявилась, например, в изображении стилизованного человеческого лица на посуде из Усть-Джегутинского курганного могильника, исследованного нами [Нечитайло, 1978, с. 23-26, рис. 8, 5; 9, 1, 2; 10, 2]. На плечике одного из сосудов нанесен кружок с двумя точками, передающими глаза, и углублением вместо рта. Имеется фрагмент сосуда с процарапанным на плечике кружком с глазком, а на двух сосудах процарапаны глазки в полуовале. Среди раннемайкопской керамики это первые находки изображения человеческих лиц, что сочетается с появлением мелкой пластики [Формозов, 1965, с. 128-129], а позднее с монументальной каменной скульптурой. Изображение стилизованного человеческого лица на керамике и мелкая пластика в виде глиняных статуэток с майкопских стоянок [Нелмаев, 1982, с. 15] предшествовали каменной скульптуре.

Несомненно, идея создания монументальной антропоморфной пластики соответствовала появлению новых элементов в идеологии майкопского общества в период усклившейся его дифференциации и была им усвоена, видимо, с некоторым переосмыслением, так как сами майкопские стелы не идентичны северопрichernоморским, а имеют свои специфические особенности.

В этом памятнике человеку нашло обобщенное отражение понятие вычленения какой-то группы над основной массой населения, выделения ее права на создание идолов.

Культ антропоморфизма, как и курганный обряд, был воспринят уже подготовленным к этим явлениям обществом. И то, и другое выступает как показатель более емких, более длительных межконтрактов, как непосредственных, так и опосредованных.

Итак, в развертывании культурно-экономических связей степных и северокавказских племен влияние первых в наибольшей степени проявляется в сфере ду-

ховной культуры. Эти взаимоотношения предполагают более сложные формы и условия взаимодействий племен разных культурно-исторических общностей. С одной стороны, культурно-идеологические факторы могут иметь какие-то общие исторические корни, например, вера в загробный мир, а с другой — несут этнокультурные тенденции. Наибольшая вероятность передачи культурных элементов и действия культурно-идеологических факторов проявляется в условиях непосредственных контактов. В то же время наблюдается, как они в переработанном, освоенном, каком-то трансформированном виде распространяются вглубь Кавказа и становятся местной традицией. Именно в этом случае проявляется наиболее глубокое взаимодействие племен.

Таким образом, линия степного влияния на северокавказские культуры, в частности на майкопскую, имела иной характер, однако само действие его было общезначимым как для степного, так и для кавказского населения на "заре бронзового века".

В истории развития культурно-экономических связей степной Украины и Северного Кавказа период ранней бронзы занимает особое место. Это определяется тем, что именно с ним связано развитие крупных общностей, активно практикующих производящие формы хозяйства. Практически все исследователи фиксируют зримый рубик в изменении потенциала этих связей. С этого времени начинается новый этап межконтактов изучаемых областей.

Дифференцированный подход к выделенному материалу позволяет проследить характер динамики связей в рассматриваемый период. При этом необходимо выделить следующие моменты.

Усиление контактов в эпоху ранней бронзы, отмечаемое всеми исследователями, связывается с расширением сферы включаемых в эти связи археологических явлений и изменением позиций контактирующих сторон.

Развитие культурно-экономических связей носило прогрессивно направленное, хотя и пульсирующий характер, и имело тенденцию к увеличению объема.

Характерна обобщенная активная позиция контактирующих сторон. Однако характер этой активности выглядит по-разному (для степей — восприятие элементов материальной культуры, для Кавказа — элементов идеологических представлений).

Спектр воздействий кавказских влияний в разных сферах жизни степных племен достаточно широк, однако связан прежде всего с производственными потребностями племен ямной культурно-исторической общности.

Степные влияния проявились прежде всего в сфере духовной культуры, они распространялись в освоенном виде и становились местной традицией у кавказских племен.

Таким образом, уже в эпоху ранней бронзы культурно-экономические контакты населения степной Украины и Северного Кавказа выглядят как процесс становления нового уровня взаимосвязей, которые обеспечивали новую ситуацию торгового развития этих областей — "превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества" [Энгельс, с. 165].

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С. 23-178.

Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С., Смирнов А.М. Отчет левобережного отряда Северско-Донецкой экспедиции за 1974 год // НА ИА АН УССР, ф.в. 1974/13а.

Гаджиев М.Т., Мамаев М.М. Каменное антропоморфное изваяние из Экибулака // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. — Махачкала, 1977. — С. 52-56.

Гаджиев М.Т. Население горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. — Махачкала, 1983. — С. 6-42.

Готшалк Э.М. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. — Тбилиси, 1972. — 149 с.

Данчленко В.Н., Шмаглия М.М. Про один поворотный момент в истории неолитического населения Швейцарии // Археологія. — 1972. — Вып.6. — С.3-20.

- Данкilenko В.Н. Энеолит Украины. - Киев, 1974. - 176 с.
- Каминская И.В. Раскопки курганов эпохи бронзы близ ст. Отрядной на Уру-ге // XII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (Тез. докл.). - Майкоп, 1984. - С. 39-40.
- Ковалева И.Ф. Вытянутые энеолитические погребения Днепровского ареала // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. - Ростов-на-Дону, 1983. - С. 21-24.
- Кореньевский С.Н. О металлических топорах майкопской культуры // СА. - 1974. - № 3. - С. 14-32.
- Кореньевский С.Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. - Махачкала, 1978а. - С. 39-45.
- Кореньевский С.Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. - 1978б. - № 2. - С. 33-48.
- Котович В.И. Отчет о работе 3-го разведочного отряда ДАЗ в 1965 году // Научный архив Даг-го филиала ИИА АН СССР, ф. 27, оп. 1, л. 24, 24 а-б.
- Кубишев А.И., Доробеев В.В., Симоненко А.В. и др. Отчет о работе Харсонской экспедиции ИА АН УССР в 1978 г. // ИА АН УССР. - ф.э. 1978/17.
- Лагодовська С.Ф., Макаревич Н.Л., Шапошников О.Г. Михайлівське поселення. - Киев, 1962. - 246 с.
- Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. - М., 1965. - 160 с.
- Делеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточных народов Средней Азии // История и культура народов Средней Азии. - М., 1967. - С. 7-18.
- Дожкин М.И. Древние каменные статуи Приуралья // XII "Крупновские чтения". - М., 1982. - С. 44-46.
- Марина З.П. Энеолит - ранний бронзовый век степного левобережья Днепра: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1982. - 23 с.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. - М., 1976. - 191 с.
- Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III - начало II тыс. до н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 1968. - 84 с.
- Мерперт Н.Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1984. - С. 234-246.
- Михайлов Б.Д. Раскопки на р. Молочной // Археологические открытия за 1973 год. - М., 1974. - С. 308-309.
- Мовша Т.Р., Чеботаренко Г.Ф. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии // КСИА АН СССР. - 1969. - Вып. 115. - С. 45-49.
- Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. - 1961. - № 100. - 164 с.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. - М., 1975. - 415 с.
- Нечитайло А.Л. Найдавніше поховання з тріпанованим черепом на Ставрополі // Археологія. - 1972. - Вып. 6. - С. 83-86.
- Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. - Киев, 1978. - 150 с.
- Нечитайло А.Л. О сосудах майкопского типа в степной Украине // СА. - 1984. - № 1. - С. 127-137.
- Нехаев А.Л. Новое поселение эпохи ранней бронзы в Прикубанье // Конференция по археологии Северного Кавказа. XII "Крупновские чтения" (Тез. докл.). - 1982. - С. 14-15.
- Охонько Н.А. Отчет об археологических работах на Ташлинском поселении и городище в г. Ставрополе. 1981 г. // Архив Ставропольского краеведческого музея, ф. 1, л. № 1632.
- Писларий И.А., Филатов А.П. Тайны степных курганов. - Донецк, 1972. - 133 с.
- Писларий И.А., Кротова А.А., Ключко Т.Н. Погребение энеолита в Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. - Киев, 1976. - С. 21-28.
- Романовская М.А. Об одном погребении эпохи ранней бронзы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев, 1982. - С. 173-175.
- Савосвський І.П. Археологічні розвідки в районі села Балки на Запоріжжі // Археологія. - 1977. - Вып. 24. - С. 96-100.
- Телегін Д.Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Там же. - 1974. - Вып. 4. - С. 3-17.
- Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1983. - 26 с.
- Формозов А.А. "Марковина В.И. Дольмены Западного Кавказа. - М., 1978". Рецензия // СА. - 1980. - № 3. - С. 317-321.
- Храпунов И.Н. Работы в Крымской области // Археологические открытия за 1980 год. - М., 1981. - С. 317-318.
- Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. - М., 1966. - 144 с.
- Черных Е.Н. О Европейской зоне Циркумпонтийской металлургической провинции (ИМП) // Acta Archaeologica Caesariensis. - 1977. - Т. 17. - С. 29-51.
- Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация раннего металла на территории СССР // СА. - 1978. - № 4. - С. 53-82.
- Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кашпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. - Нальчик, 1984. - С. 164-253.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балущкин А.М. Курганная группа близ Старогорожено // Древности Поингуля. - Киев, 1977. - С. 99-145.
Шарафутдинова Э.С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубайе // КСИА АН СССР. - 1983. - Вып. 176. - С. 15-23.
Шепицкий А.А. Энеолит Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1975. - 24 с.

С. С. Березанская
АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ
(МИГРАЦИИ ИЛИ КОНТАКТЫ)

Абашевская культура (или абашевская культурно-историческая общность), занимавшая во II тыс. до н.э. огромную территорию - от Верхней Волги до степных районов Каспийского и Черного морей, от Урала до Дона, являющаяся одним из основных культурных образований бронзового века Восточной Европы, сыграла большую и важную роль в ее древней истории. Наиболее западной группой абашевских памятников является донская, сконцентрированная главным образом в Лесостепном Подонье, в районе Воронежа. В последние годы на территории нынешней Украины обнаружено небольшое количество памятников, поселений и погребений с абашевскими чертами. Их выявление и характеристика будут способствовать уточнению западной границы абашевской культуры, а также выяснению взаимоотношений между такими культурами, как абашевская, кмк* и срубная.

На территории Украины пока не известно поселений, о которых можно было бы уверенно сказать, что они оставлены племенами абашевской культуры. Выявлено около 15 пунктов, где во время разведок или раскопок найдена типично абашевская керамика. При этом почти во всех случаях она обнаружена вместе с другой керамикой, относящейся либо к кмк, либо к срубной. В нескольких случаях удалось проследить стратиграфическое соотношение этих групп, позволявшее судить об их хронологическом соотношении. Несколько слов об этих пунктах. 1) в с. Реутец на берегу р. Реут Д.А.Липкинг во время разведки собрал абашевскую керамику [Прикин, 1976]. 2) в с. Успенка на правом берегу р. Сейм А.Е.Алихова проводила небольшие раскопки; здесь вскрыта площадь 110 м² с мощностью культурного слоя до 1 м. Среди керамики колоколовидные горшки и банки, изготовленные из глины с примесью толченой ракушки [Либеров, 1973, с.119-120]. 3) с. Проходнянское на р. Харьков. Б.А.Шрамко пишет, что при обследовании Травянского водохранилища в трех местах была встречена абашевская керамика [Шрамко, 1972]. 4) с. Серпиково 2. Небольшое количество абашевской керамики имеется в коллекции из раскопок Е.В.Пузакова [Прикин, 1976, с. 65]. 5) с. Оскол. А.Д.Прикиным обнаружено поселение, на котором собрана керамика кмк, срубной и абашевской культур [Прикин, 1976, с. 65]. 6) с. Новосимоновка на р. Оскол. Отсюда происходит абашевская керамика, собранная Г.Ф.Денисенко [Прикин, 1976]. 7) с. Шудьгинка на р. Айдар. Абашевская керамика происходит из сборов П.Д.Либерова [Либеров, 1969]. 8) с. Александрия Купянского р-на Харьковской обл. Поселение занимает мыс бортовой террасы левого берега р. Оскол. Раскрыта площадь 1200 м². Поселение многослойное, в верхнем слое обнаружена керамика кмк, срубная и абашевская [Телегин, 1959]. 9) с. Капитаново Новоайдарского р-на Ворошиловградской обл. На поселении срубной культуры, расположенном на поднятом береговом участке р. Ольховки, в культурном слое и в жилище обнаружена срубная керамика и керамика абашевской культуры [Чередищченко, 1970]. 10) с.-Ильичевка на р. Северский Донец Краснолиманского р-на Донецкой обл. Поселение занимает длинную возвышенность в пойме левого берега Северского Дона. Оно в основном срубное. Стратиграфически выделен нижний, названный автором раскопок Г.А.Шаповаловым, абашевско-многоваликовый горизонт. Раскопано

* Культура многоваликовой керамики.

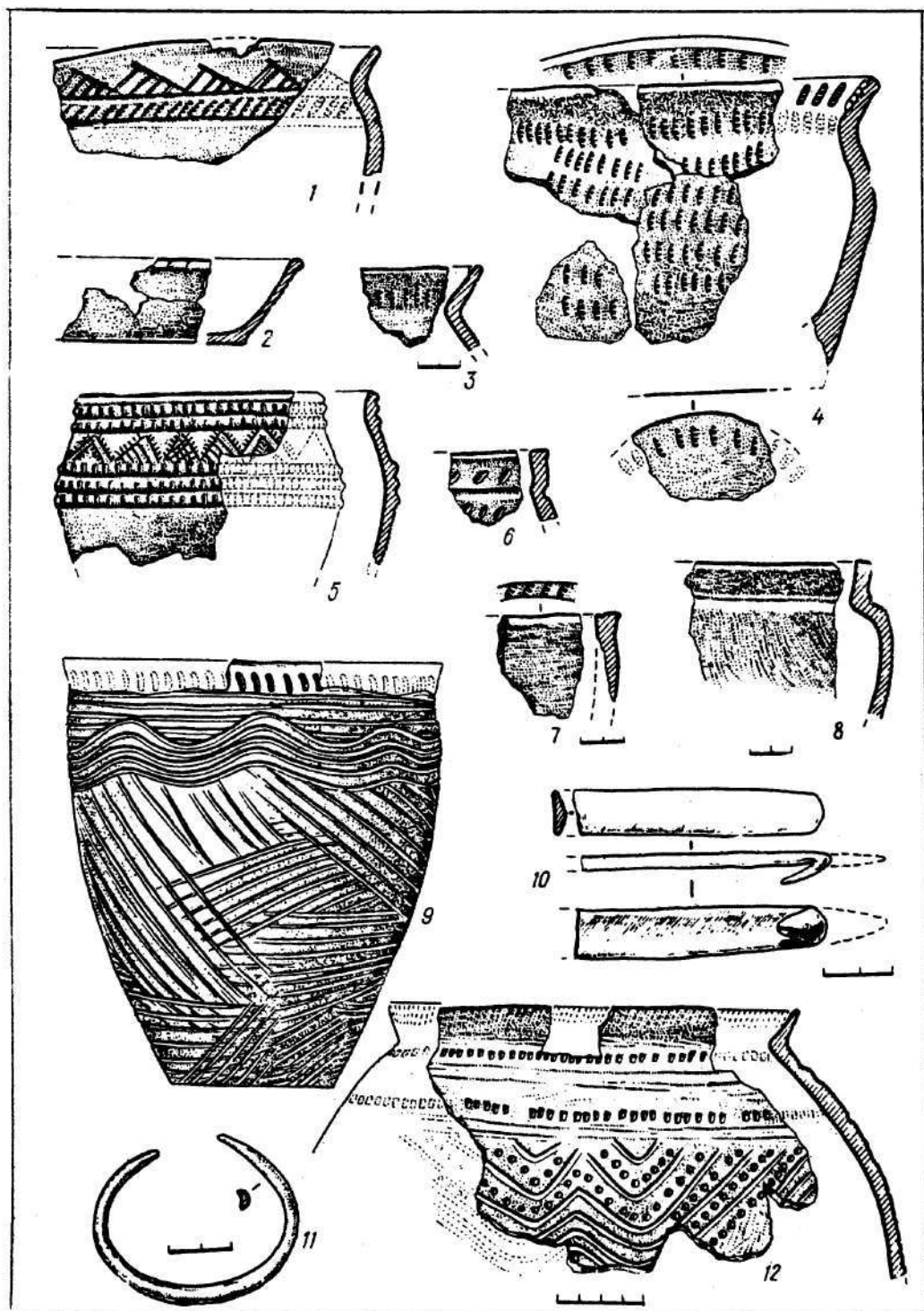

Рис. 1. Абашевская керамика и бронзовые браслеты, обнаруженные на поселениях:
 1, 5 - Ильичевка; 2-4, 7, 8 - Бабино III; 6, 9, 11 - Александрия; 10, 12 - Усово Озеро

одно относящееся к нему жилище - землянка глубиной 1,3 м, прямоугольной формы, площадью около 80 м² с тремя открытыми очагами. В керамике, происходящей из жилища, примерно половину составляет абашевская, остальная принадлежит кмк [Шаповалов, 1976, рис. 1, 1, 5]. 11) уроч. Усово Озеро на Северском Донце у с. Ямполь Краснолиманского р-на Донецкой обл., раскопки С.С.Березанской.

Поселение в основном срубной культуры, расположено на длинной возвышенности в пойме левого берега. В трех местах прослежена стратиграфия. В двух случаях жилища срубной культуры перекрывали ямы со смешанной абашевско-многоваликовой керамикой. В третьем случае под культурным слоем срубного времени находилось скопление "чистой" абашевской посуды (рис. 1, 12). Небольшое количество абашевской керамики, вернее, керамики смешанного срубно-абашевского облика найдено в нескольких наиболее ранних срубных жилищах поселения. Вблизи одной из построек найден обломок бронзового желобчатого браслета, характерного для абашевской культуры (рис. 1, 10). 12) на поселении кмк Бабино III Херсонской обл. вместе с многоваликовой керамикой обнаружена группа (около 25 фрагментов) типично абашевской посуды. Эти фрагменты достаточно отчетливо выделяются из остальной керамики по технологии, формам и орнаменту. Они изготовлены из глины с примесью ракушки, поверхность покрыта расчесами. Среди форм - колоколовидные сосуды и обломок сосуда на поддоне, орнамент, сделанный крупным зубчатым штампом, и т.д. (рис. 1, 2-4, 7, 8).

В основном, сказанным исчерпываются сведения о поселениях с абашевской керамикой на территории Украины. Не вызывает сомнений, что количество таких поселений будет увеличиваться. Можно говорить о том, что большинство из них были кратковременными, поскольку имели тонкий слабонасыщенный культурный слой. Для топографии более характерны пойменные возвышенности. Однако имеют место и поселения, расположенные на сравнительно высоких мысах боровой террасы (Александрия). Жилища, судя по раскопкам в Ильичевке, имели вид неглубоких землянок.

Коллекция абашевской керамики, происходящая с указанных поселений, однородна и выразительна. Это обломки от крупных плоскодонных сосудов, изготовленных из глины с примесью толченой ракушки. Последняя особенность является отличительным признаком для мелких фрагментов, которые не могут быть опознаны ни по форме, ни по орнаменту. При этом нельзя утверждать, что абашевская керамика всегда содержит примесь ракушки. Некоторые несомненно "абашевские" черепки имеют примесь мелкого песка. В большинстве случаев керамика легкая и пористая, цвет - коричневый или красноватый с серыми и черными пятнами. Характерная обработка поверхности сосудов либо только с внешней, либо с обеих сторон грубыми беспорядочными расчесами, иногда носящими вид глубоких борозд. В ряде случаев такие борозды нанесены крупнозубчатым гребенчатым штампом. По небольшим обломкам лишь немногие формы реконструируются. Среди них - горшки с округлым и ящевидным корпусом (рис. 1, 8), колоколовидные сосуды (рис. 1, 19), банки с конически расширяющимися стенками. Характерны венчики сосудов - высокие, прямо стоящие или чуть вогнутые внутрь с утолщенным прямо срезанным краем. Иногда утолщение (воротничок) имеет вид примазанного с внутренней стороны валика. В этих случаях с наружной стороны ему соответствует желобок. Своеобразен орнамент, отличающийся мелкоузорчатостью и сочетанием на одном сосуде различных приемов. Наиболее часто орнамент нанесен прочерченными линиями, реже - гребенчатым штампом, несколько фрагментов украшены валиками и оттиском шнура. Среди композиций преобладают горизонтальные или волнообразные пояса из линий, обычно оконтуренных аккуратными круглыми или овальными вдавлениями. Встречаются треугольники и зигзаги (рис. 1, 1-9, 12). На Ильичевском поселении встречены фрагменты с примесью толченой ракушки и типичным многоваликовым орнаментом в виде характерных для кмк треугольников, обращенных вершиной вверх (рис. 1, 5).

Кроме описанных поселений известно около двух десятков погребений, которые на основании найденной в них керамики и некоторого своеобразия погребального обряда могут быть отнесены к абашевской культуре или, что будет точнее, к погребениям с чертами абашевской культуры. Большая часть таких погребений

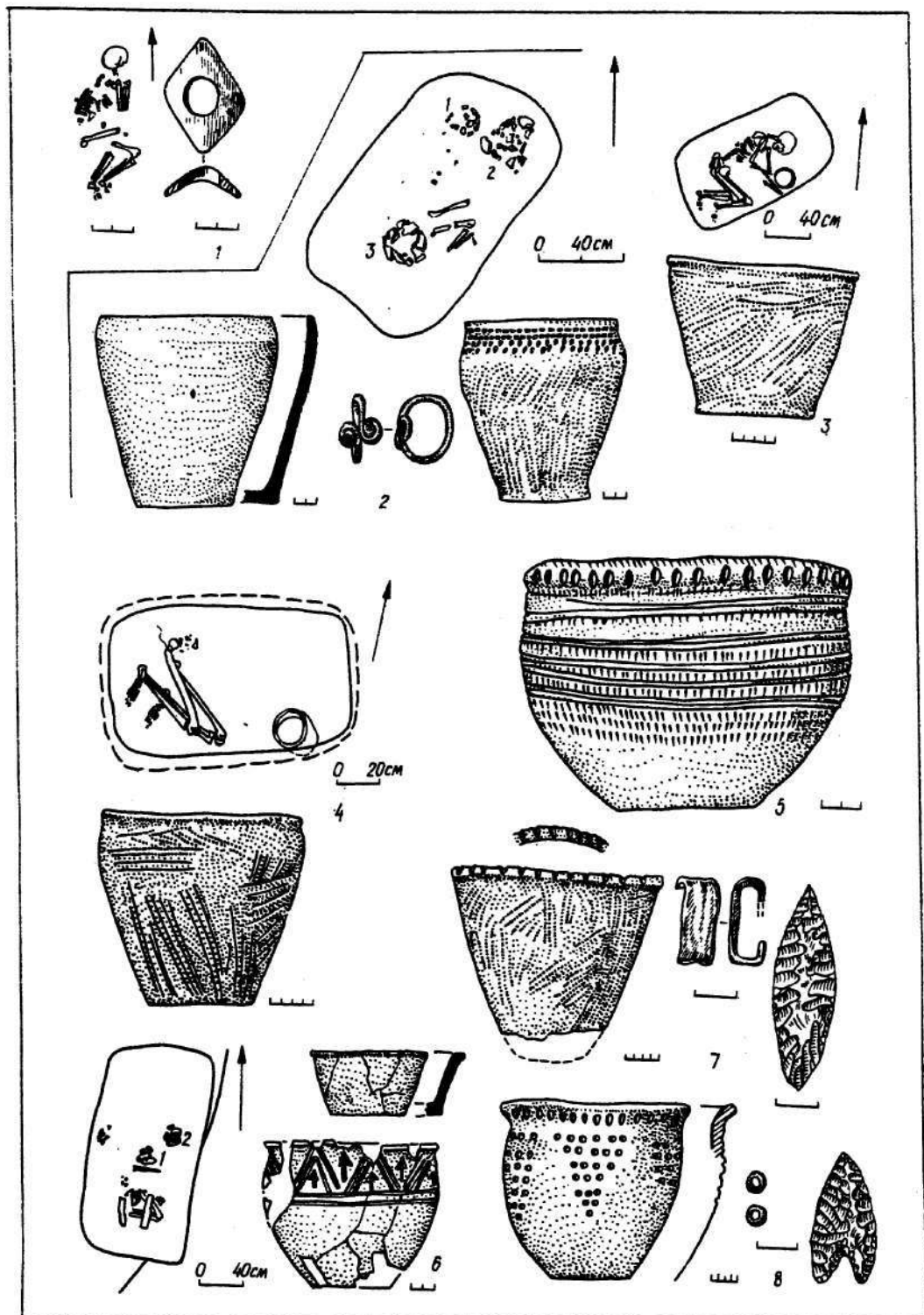

Рис. 2. Погребения абашевской культуры:

1 - Пршиб, к. 2, п. 23; 2 - Ворошиловград, трикотажная фабрика, к. 1, п. 12; 3 - Николаевка, п. 11; 4 - Николаевка, п. 8; 5 - Бахмутовка, к. 2, п. 4; 6 - Кулешовка, к. 426, п. 5; 7 - Кулешовка, к. 425, п. 56; 8 - Кулешовка, к. 425, п. 56

обнаружена в лесостепных районах Донецкой и Ворошиловградской областей, то есть там же, где и поселения. Однако единичные пункты оказались оторванными от очерченного скопления и зафиксированы в Приазовье и Поднепровье. Как

и для поселений, известно несколько случаев, позволяющих судить о стратиграфическом положении абашевских погребений по отношению к погребениям кмк и срубным. Перечислим их: 1) с. Бахмутовка Новоайдарского р-на Ворошиловградской обл. В 1979 г. С.Н.Братченко раскопал здесь курганный могильник. В курганах 2, 3 и 4 было обнаружено более 10 погребений с абашевской посудой и несколько отличными от остальных (срубных) чертами погребального обряда [Братченко, 1979] (рис. 2, 5); 2) Нижняя Бараниковка Беловодского р-на Ворошиловградской обл. В кургане № 5 одно из погребений (№ 12) следует признать абашевским и по обряду захоронения, и по сопроводительному сосуду [Братченко, 1977]; 3) с. Петровка II Новоайдарского р-на Ворошиловградской обл. В 1980 г. Донецкая экспедиция раскопала курган № 1, в котором погребение № 2, основываясь на характере погребального обряда и типе сосуда, является абашевским [Братченко, 1980]; 4) г. Ворошиловград. Во время раскопок Ворошиловградской экспедицией могильника, расположенного в районе трикотажной фабрики в кургане № 1, обнаружено погребение (№ 12) абашевской культуры. Оно было совершено в прямоугольной яме с закругленными углами. Скелет плохой сохранности, по-видимому, скорчен на левом боку, головой ориентирован на север. У головы и у ног стояло по сосуду. Один из сосудов абашевского облика с примесью ракушки в виде высокого горшка с чуть суженой горловиной и утолщенным срезаемым изнутри венчиком. Поверхность покрыта грубыми расчесами. Под венчиком орнамент, нанесенный гребенчатым штампом. Второй сосуд — обычная высокая банка. В головах покойного найдено бронзовое кольцо с концами, свернутыми в спирали, направленными в противоположные стороны [Черлапниченко, 1972] (рис. 2, 2); 5) с. Александровка Донецкой обл. В кургане XI, погребение № 29, обнаружен сосуд абашевского облика. Он находился при погребенном, лежащем в скорченной позе на левом боку, с кистями, поднятыми к лицу. У головы стоял баночный сосуд, укрепленный под венчиком линией ногтевых впадин, а ниже — пояском из оттисков крупного гребенчатого штампа; 6) с. Пришиб Славянoserбского р-на Ворошиловградской обл. В 1977 г. Донецкая экспедиция провела здесь раскопки курганно-могильника. В кургане № 2 обнаружено 22 погребения эпохи бронзы, относящиеся к кмк, абашевской и срубной культурам. Прослежена их стратиграфия [Гершкович, 1982].

Древнейшими являются пять погребений кмк, следующую хронологическую группу, залегающую выше погребений кмк, и ниже срубных, составляют семь захоронений абашевской культуры. Все абашевские погребения находились в прямоугольных ямах. В них прослежены остатки дерева. Скелеты сохранились плохо. По их фрагментам можно заключить, что погребенных клали в скорченном положении на левом боку головой на север и северо-восток. Среди инвентаря — сосуды, многие из них изготовлены из глины с примесью ракушки, поверхность покрыта расчесами. Керамика различных форм: высокие банки, горшковицинные сосуды колоколовидной формы, чаша. Орнамент нанесен желобчатыми линиями, гребенчатым штампом. Среди композиций ромбы, треугольники, вертикальные бороздки. В одном из погребений найдена характерная для абашевской культуры ромбическая костяная пряжка с двумя круглыми отверстиями (рис. 2, 1); 7) с. Николаевка Волновасского р-на Донецкой обл. В 1975 г. был раскопан курган [Привалова, Привалов, 1975], высота кургана 1,3 м, диаметр 18 м. В кургане обнаружено 12 погребений, 11 из них, по-видимому абашевской культуры, находились в материке и одно срубное, вшунное в насыпь. Таким образом, в кургане прослежена стратиграфия — абашевские погребения находились внизу, а срубное — над ними. Абашевские погребения совершены в грунтовых ямах глубиной 0,5–1,2 м от уровня древнего горизонта. Ямы прямоугольной формы с закругленными углами, немного расширяющиеся ко дну. Сверху ямы перекрыты каменными плитами, на дне прослежены следы подстилки из растений и кожи. В заполнении и на дне встречались

отдельные угольки. В нескольких погребениях на дне обнаружена зола. Скелеты сохранились плохо. Создается впечатление сознательного расчленения трупов. В одном из погребений (№ 9) рядом с остатками скелета находилась кучка кальцинированных костей, среди которых обнаружены фрагменты черепа и трубчатых костей человека. Во всех случаях, когда удавалось проследить положение погребенных, скелеты лежали на левом боку в слабоскорченном положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях. При всех погребениях (кроме одного) найдены сосуды. В двух погребениях № 2 и 7 кроме сосудов найдены бронзовые кольца. В погребении № 2 — два височных овальных кольца с несомкнутыми концами, в погребении № 7 — простое круглое колечко из круглой в сечении тонкой проволоки (рис. 2, 3, 4); 8) с. Кулешовка Пирятинского р-на Полтавской обл. Н.Е.Бранденбург раскопал здесь десять курганов /Качалова, 1974/. В двух из них обнаружены погребения, которые, вероятно, следует определить как абашевские. Поскольку из известных в настоящее время это наиболее западный пункт и поскольку абашевская принадлежность пирятинских погребений может вызвать вопросы и возражения, остановимся на них подробнее. В кургане № 425 обнаружено 8 погребений, вырытых в материке. Можно предполагать, что наиболее древним среди них является погребение № 5г, в котором обнаружен сосуд, типичный для кмк. Среди остальных погребений к абашевской культуре с большим или меньшим основанием можно отнести погребения № 4, 5, 5б и 5в. Погребение № 4 парное; два скелета лежали рядом в скорченном положении головой на юго-запад. Один на спине с подогнутыми ногами, правая рука согнута в локте, кисть у лепа, левая чуть согнута в локте, вытянута вдоль туловища; второй скелет лежал на левом боку, одна рука протянута вдоль туловища, вторая отсутствует, у ног второго скелета сосуд колоколовидной формы с маленьким уплощенным дном желтовато-серого цвета. В глине примесь песка. Погребение № 5 обнаружено в центре кургана на глубине 3,3 м. В яме размером 2,1х1,4 м находилось два скелета, один головой на запад, другой на восток. Над плохо сохранившимися костями — остатки дерева. У черепа первого скелета — сосуд конической формы с обломанным дном и орнаментированным косыми насечками венчиком. Глиняное тесто с примесью песка и шмота. На внешней и внутренней поверхности четкие следы грубого полосчатого заглаживания. Возле ног этого же скелета маленький обломок бронзового предмета. Возле второго скелета — крупная кремневая стрелка миндалевидной формы. Погребение № 5б обнаружено на глубине 3,3 м в материковой яме размером 2,1х1,4 м. Скелет лежал в вытянутом положении головой на запад. На костях следы дерева, очевидно, от перекрытия ям. В погребении находился сосуд, орнаментированный треугольниками, и кремневый наконечник стрелы с глубокой выемкой.

Кроме сосудов и кремневых стрелок, находящих близкие аналогии в абашевских памятниках, о культурной принадлежности кулешовских погребений говорит следующее: в кургане № 425 на одном уровне с ними, составляя, возможно, один могильник, находилось погребение кмк, большие размеры и глубина могильных ям, вытянутое или слабоскорченное положение скелетов, наличие парных захоронений (рис. 1, 6, 7, 8).

В обобщенном виде характеристика всех известных в настоящее время погребений выглядит следующим образом. Это курганы, в которых абашевские захоронения являются либо основными, либо впущены в более древние насыпи, сооруженные носителями ямной, катакомбной и кмк. Типичным следует считать, что абашевские погребения редко встречаются в курганах по одному. Чаще они образуют небольшие могильники, состоящие из пяти — десяти захоронений, расположенных полукругом (Пришиб, Николаевка, Бахмутовка, Кулешовка). Погребальные ямы обычно сооружены в материке, их глубина 0,5—1,5 м от дренней поверхности, они имеют либо прямоугольную форму с закругленными углами (Пришиб, Николаевка, Ворошилов-

град), либо овальную (Бахмутовка). Обычно ямы имеют большие размеры: от 1,5х1,2; 1,8х1,1 м до 1,9х2,6; 3х1,8 м. В оформлении ям использовалось дерево для облицовки стен или в виде перекрытий-накатов. Прослежено, что накаты чаще сооружались поперечно, а не продольно положенными плахами или бревнами (Бараниковка) и каменными плитами (Николаевка).

На дне многих погребальных ям прослежены остатки растительной подстилки, коры, кусочки кожи, охра. Большая часть скелетов из абашевских погребений находится в скорченном положении на боку, чаще левом, с руками, согнутыми в локтях, и кистями, поднятыми к лицу. Небольшая группа захоронений (по-видимому, более ранних) лежит на спине в вытянутом (Кулемовка) или слабо скорченном положении (Пришиб, Николаевка).

Следует отметить, что по какой-то неясной причине кости в абашевских погребениях вообще сохраняются плохо, что затрудняет характеристику погребального обряда. Ориентированы абашевские скелеты на север, северо-запад, северо-восток и восток. Исключение составляет несколько кулемовских захоронений, ориентированных головой на запад.

В расположении инвентаря погребений, который по сравнению с инвентарем лямк и срубной культуры довольно богат, можно заметить некоторую закономерность. Маленькие сосуды, как правило, стоят у головы умершего, большие располагаются у ног или таза.

Наиболее отличительным признаком абашевских захоронений все же является керамика. Среди отличительных особенностей ее технологии прежде всего назовем примесь толченой ракушки и обработку поверхности рашесами, иногда носящими беспорядочный характер. Среди форм острореберные сосудики небольших размеров с перегибом посередине или в нижней части корпуса; высокие горшки с мягким перегибом в верхней части корпуса (рис. 2, 2, 4); низкие баночные сосуды (рис. 2, 3, 5); сосуды с выраженной колоколовидностью (рис. 2, 6, 7, 8).

Среди орнаментальных мотивов - желобки под венчиком (рис. 1, 3); желобки, обрамленные короткими вдавлениями из отпечатков крупнозубчатого штампа; треугольнички; након; насечки по венчику (рис. 2, 2, 5, 6, 7, 8). По форме и технике орнаментации керамика, обнаруженная в погребениях Украины, находит многочисленные аналогии в посуде абашевской культуры Среднего Подонья и Поволжья (Либеров, 1964, рис. 8, 1, 14, 17; Пришкин, 1971, с. 77, рис. 7, 1; Сеницын, 1959, рис. 24, 14; Ефименко, Третьяков, 1968, рис. 18, 1, 27 и многие другие).

Кроме керамики, с абашевской культурой следует связывать несколько типичных бронзовых украшений. На поселениях Александрия и Усово Озеро найдены два браслета. Браслет из Александрии изготовлен из круглой в сечении проволоки, его концы заострены, размеры 7х4,5 см. Второй браслет (сохранилась лишь часть) изготовлен из узкой, слегка выпуклой бронзовой ленты шириной 1,2 см, конец заострен (рис. 1, 10, 11). Оба браслета имеют аналогии в абашевском могильнике Алгаша (Ефименко, Третьяков, рис. 17, с. 70) и во многих других пунктах.

В погребении у Ворошилограда найдено бронзовое колечко с обращенными в противоположные стороны спиралевидными концами (рис. 2, 2). В одном из погребений Пришибского могильника найдены круглые подвески из круглой в сечении проволоки, в другом - маленькие бронзовые скобы для скрепления или украшения деревянных сосудов. Подобные скобы обнаружены и в Кулемовском захоронении. Для облицовки деревянных сосудов, по-видимому, служила также и тонкая бронзовая пластина округлой формы с остатками сохранившихся гвоздиков-заклепок, найденная в погребении Бахмутского могильника. В жилище многовалевково-абашевского горизонта Ильичевского поселения обнаружено бронзовое четырехгранное шило.

Костяные изделия представлены шилами, происходящими из того же Ильичев-

ского поселения, и ромбической пряжкой с двумя отверстиями из могильника Пришиб (рис. 2, 1). Ромбические костяные пряжки известны в абашевских погребениях Подонья [Синиц, Килейников, 1976].

В Пришибском, Николаевском и Кулешовском могильниках найдены мелкие пасовые бусы, широко известные в абашевских погребениях Поволжья [Смирнов, 1959, с. 224].

Из инвентаря, обнаруженного в абашевских погребениях, отметим три кремневых наконечника для стрел, найденные в Кулешовском могильнике (рис. 2, 7, 8). Похожие стрелы, для которых характерны крупные размеры, миндалевидная форма, тщательная стручатая ретушь, известны в ранних памятниках абашевской культуры Среднего Поволжья [Ифименко, Третьяков, 1961, с. 57, рис. 8, 4].

Перечисленные выше материалы в основном происходят из бассейна Северского Донца и верхнего течения Сейма. При этом наибольшая концентрация памятников с абашевскими чертами фиксируется в лесостепном районе между левобережными притоками Северского Донца — Айдаром и Осолом. В меньшем количестве они известны на Сейме. И лишь единичные пункты, притом погребения, открыты в более отдаленных районах, например на Ворскле или на Орели. При этом нельзя исключать, что отдельные абашевские погребения или поселения с небольшой примесью абашевской керамики будут обнаружены еще западнее, во всяком случае, вплоть до Днепра, о чем свидетельствует поселение Бабино III. В этой связи еще раз хотелось бы подчеркнуть, что чистые абашевские поселения, то есть поселения, оставленные племенами абашевской культуры, на территории Украины не известны даже в бассейне Северского Донца (рис. 3). Такие абашевские черты, как характерная керамика, обряд погребения, украшения и др., во всех известных случаях встречены совместно с элементами одной из двух культур — либо кмк, либо срубной. Такие памятники, как Бабино III, Ильичевка, Усово Озеро, Александрия, Пришиб и Кулешовка, где кроме абашевских хорошо и обильно прослеживаются черты кмк, уверенно свидетельствуют о том, что впервые абашевские элементы проникают на территорию Украины еще в предсрубный период, в то время, когда здесь господствовала культура многоязыковой керамики.

Учитывая то, что количество абашевских материалов на Украине в целом невелико, трудно говорить о его различии во времени. Однако некоторые наблюдения все же имеются. Можно отметить, что для наиболее ранних проявлений абашевской культуры характерны погребения с вытянутыми или слабо скорченными скелетами, парные захоронения, ориентация погребенных на север и запад. Отмеченные черты считаются ранними и для абашевской культуры в Поволжье и Подонье [Приякин, 1976]. В керамике этих памятников либо примесь песка и шамота, либо обильная примесь толченой ракушки, особенно ярко выраженная колоколовидность форм, наличие высоких прямых (катакомбных) венчиков. В орнаменте такие архаические черты, как мелкоузорчатое покрытие всего корпуса оттиском гребенки, волнистые линии в обрамлении мелких наколов и др.

Время первого проникновения абашевских черт на Украину определяется хронологией кмк. Несмотря на то, что имеются случаи стратиграфии, свидетельствующие, что на Украине и, вероятно, в Подонье кмк на каком-то этапе предшествовала абашевской культуре, точнее, что абашевские племена проникли сюда уже тогда, когда здесь была распространена кмк, в целом можно утверждать, что это синхронные культуры.

Наиболее бесспорным доказательством одновременности кмк и абашевской являются погребения и поселения, в которых совместно найдена керамика той и другой культур. Такие памятники известны не только на Украине, о чем речь шла выше, но и в Подонье, где также известны могильники (Кондратовка, Ведуга, Введенка) и поселения (Масловское), где в одних погребениях и в одних жилищах обнаружена абашевская посуда и посуда кмк. Совместное нахождение сосу-

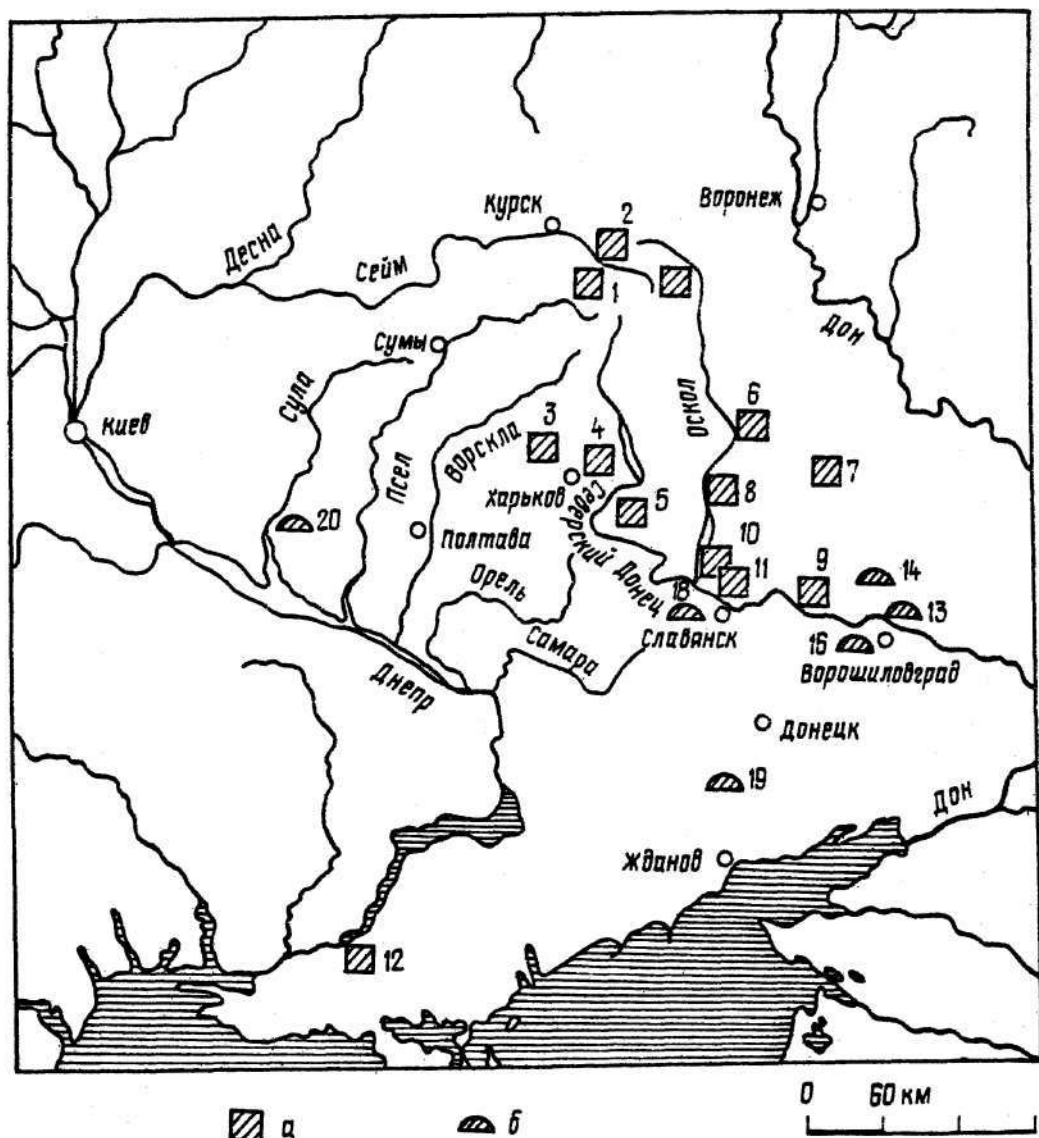

Рис. 3. Карта памятников с чертами абашевской культуры (а - поселения; б - погребения):
 Поселения: 1 - Реутец; 2 - Успенка; 3 - Прихольнянское; 4 - Сердюково 2; 5 - Оскол; 6 - Новосимоновка; 7 - Шульгинка; 8 - Александрия; 9 - Капитаново; 10 - Ильичевка; 11 - Усово Озеро; 12 - Бабино III.
 Погребения: 13 - Бахмутовка; 14 - Нижняя Бараниковка; 15 - Петровка II; 16 - Ворошиловград, трикотажная фабрика; 17 - Александровка; 18 - Пришиб; 19 - Николаевка; 20 - Кулешовка

дов абашевского типа и кмк зафиксировано и в памятниках Новокумакского и Синташтинского типов. Об одновременности этих культур свидетельствует также распространение в их среде значительной серии одинаковых изделий из металла, камня, кости. Среди металлических изделий следует назвать: вислообушнные топоры, тесла, ножи с намечавшимся перекрестием. Среди изделий из кости наиболее показательны псалы двух типов: дисковидные и желобчатые, а также пряжки с двумя разновеликими отверстиями. Среди каменных изделий - своеобразные крупных размеров наконечники стрел и выпрямители для древков стрел, среди украшений - браслеты, височные кольца, подвески, однако в наборе и характере украшений сравниваемых культур значительно больше различия и своеобразия, чем в наборе орудий труда и оружия. Так, абашевской культуре неизвестны

бляшковые бусы, получившие широкое распространение в кмк. С другой стороны, в кмк ни разу не были встречены лепестковидные бляшки-розетки, маленькие нашивные полукруглые бляшки и другие характерные для абашевцев украшения. Это подтверждает мнение тех исследователей, которые полагают, что украшения являются тонким показателем культурных различий.

Для датировки кмк имеются достаточно серьезные основания. Используя возможность синхронизации кмк с рядом хорошо датированных культур Карпато-Дунайского бассейна и с Микенскими древностями, время существования кмк можно определять в границах второй половины - конца XV-XVI вв. до н.э. [Березанская, 1986]. Появление на Украине абашевских памятников следует относить, по-видимому, к началу XVI в. до н.э., поскольку в кмк этого периода еще не ощущается влияние микенской цивилизации.

Вторая группа памятников с элементами абашевской культуры относится к более позднему времени и связана с раннесрубным периодом на Украине. О чистой абашевской культуре теперь говорить еще труднее, чем для предшествующего времени. Практически речь идет о смешанных комплексах, в которых тесно переплетены, но не потеряли своей специфики черты абашевской и срубной культур. Случаи стратиграфии, приведенные выше в погребениях и на поселениях, свидетельствуют о том, что срубные погребения с абашевскими чертами и срубные горизонты с абашевской керамикой на поселениях перекрывают погребения и поселения, оставленные кмк, и памятники смешанного многоваликового-абашевского облика. Для этих более поздних и как будто бы более многочисленных памятников можно считать характерными следующие черты: одиночные захоронения в скорченном положении с руками, согнутыми в локтях с кистями перед лицом, северной с отклонениями и восточной ориентировкой. В погребениях этого периода чаще встречаются деревянные срубы и наматы. В керамике уже не всегда находится примесь ракушки, и количество последней уменьшается. Среди форм выделяются: высокие сосуды с едва выпуклыми плавно-изогнутыми боками, украшенными оттисками грубого гребенчатого штампа; колоколовидные сосуды низких пропорций с маленьким, отогнутым наружу венчиком; низкие конические банки с проглаженной линией под венчиком, острореберные сосуды с перегибом в нижней части.

Отмеченные черты погребального обряда и некоторые черты керамики, в частности грубые беспорядочные расчесы, покрывающие поверхность сосудов, в одинаковой мере типичны для смешанных срубно-абашевских комплексов и для остальных раннесрубных памятников Украины. На таких поселениях, как Ильичевка (жильца раннесрубного горизонта), Капитаново, Усово Озеро, и многочисленных могильниках Северского Донца встречена керамика, покрытая расчесами, и острореберные сосуды. Для погребений ранней срубной культуры Украины, свободных от абашевских черт, характерными являются деревянные срубы, рамы или перекрытия, скорченное положение на левом боку с кистями перед лицом, восточная и северо-восточная ориентировка. Датировка раннесрубных памятников на Украине основана на многочисленных металлических изделиях, обнаруженных на поселениях, в погребениях и могилах. Вислобужные топоры; ножи с намечавшимися перегребстинами, псалки, костяная кольцевидная бляха с микенским узором позволяют датировать их концом XVI-XV вв. до н.э. К этому же времени, очевидно, следует относить вторую, более позднюю волну, приведшую к появлению абашевских элементов на территории Украины.

Резюмируя, подчеркнем следующее: карта распространения памятников с абашевскими чертами и их характеристика позволяют говорить о том, что западную границу абашевской культуры или абашевской культурно-исторической общности следует проводить по Северскому Донцу и верховьям Сейма. К северу она, очевидно, пройдет в направлении Десны (район Брянска), где известно несколько пунктов с типичной абашевской керамикой [Артеменко, Пронин, 1976].

Западнее этой границы чистых абашевских памятников практически нет. Здесь между Северским Донцом и Днепром, сохранившись в западном направлении, представлены смешанные комплексы, сначала (XVI в. до н.э.) абашевско-много-валиковые, позднее (конец XVI-XV вв. до н.э.) абашевско-срубные.

На более позднем (сабакиновском) этапе срубной культуры - в XIV-XIII вв. до н.э. абашевские черты уже не прослеживаются.

Изучение абашевского компонента в культурах эпохи бронзы Украины только начато. Многие остаются пока неясными. Не вполне ясен и сам характер исторического процесса, приведшего к появлению на Украине абашевских элементов. Можно высказать следующее предположение: хронологическая и культурная близость между абашевской культурой и кмк привела к тесным двусторонним связям. Не исключено, что одним из проявлений таких связей было эпизодическое проникновение отдельных групп населения кмк на территорию абашевской культуры, а абашевских племен на территорию кмк. Тот факт, что аналогии ранним абашевским памятникам Украины находятся на территории Среднего Поволжья (Алгаш, Абашево и др.) [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 54-55] и даже на уральских памятниках (Баланбаш, Чебаркуль) [Сокольников, 1967] позволяет думать, что продвижения абашевцев на ранней стадии их истории могла происходить из отдаленных районов.

Появление на Украине второй, более поздней волны абашевских элементов носит иной характер. Во-первых, между первой и второй волнами прошел какой-то отрезок времени, за который почти бесследно исчезла кмк. Во-вторых, абашевские черты появились теперь вместе со срубной культурой. В культуре пришельцев абашевский элемент прослеживается в уже ассимилированном виде. Создается впечатление, что основной процесс ассимиляции срубных и абашевских племен происходил не на территории Украины, а где-то в другом месте, возможно, на Дону или в Нижнем Поволжье, где также известны смешанные срубно-абашевские памятники [Качалова, 1976].

В связи с изучением абашевских памятников на Украине необходимо коснуться еще одного вопроса. Проблема происхождения абашевской культуры все еще далека от своего решения. В конце 60-х годов П.П.Ефименко и П.Н.Третьяков написали о генетическом родстве абашевских и среднеднепровских памятников [Ефименко, Третьяков, 1968]. В той или другой степени эту точку зрения поддерживали и другие археологи [Евтихова, 1961; Мернерт, 1961]. По их представлениям, среднеднепровская культура на каком-то этапе своей истории начала продвижение далеко на восток. Причем движение это протекало двумя путями. Одна группа, более северная, продвинулась в Верхнее Поволжье и в своем развитии дала начало фатьяновской культуре. Вторая, более южная, двигавшаяся вдоль Оки, в результате дальнейшего развития и трансформации привела к сложению абашевской культуры [Ефименко, Третьяков, с. 89]. При дальнейших исследованиях абашевских древностей эта мысль не получила распространения и развития. Не подтверждаются предположения о значительных передвижениях среднеднепровских племен на восток. Напротив, в настоящее время появились свидетельства широкого расселения абашевской культуры в южном и юго-западном направлениях, частично включающего территорию среднеднепровской культуры. Установлено также, что среднеднепровская и фатьяновская культуры в основном синхронны, а не являются продолжением одна другой. Наконец, более полное изучение памятников абашевской культуры показывает также существенные ее различия со среднеднепровской культурой, которые, по-видимому, исключают прямую генетическую преемственность между ними.

Однако при всем сказанном какая-то нить, связывающая среднеднепровскую, как и родственную ей фатьяновскую культуру, с абашевской, несомненно существует. Черты сходства прослеживаются прежде всего в погребальной керамике, в ко-

локоловидности и круглолопастности сосудов, прямых коротких венчиков и особенно орнаменте - богатом, мелкоузоровчатом, для которого характерны зональность и сочетание различных элементов. Сходство орнаментов прослеживается и в деталях, например, в широком распространении крупного зубчатого штампа или в манере окаймлять узоры рядами маленьких аккуратных ямок.

Сходные элементы можно выявить и при сравнении орудий труда и украшений. В абашевской культуре и в среднеднепровской (ее позднем этапе) известны бронзовые вислообушленные топоры, наконечники копий со свернутой втулкой, отковидные подвески, близкие по форме и технике кремневые изделия.

Напомним, что поздний этап среднеднепровской культуры в настоящее время датируется второй четвертью II тыс. до н.э., то есть так же, как и абашевская культура. Все сказанное свидетельствует о синхронности абашевской и позднего этапа среднеднепровской культур и об оживленных связях между племенами, обитавшими в сходных экологических условиях.

- Артемченко Г.И., Пронин Г.М. Памятники абашевской культуры на Десне // Археология. - 1976. - № 20. - С. 66-76.
- Березанская С.С. Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. - 1978. - Т. 221. - С. 82-84.
- Братченко С.Н. Отчет о работе Донецкой экспедиции в 1977 г. - НА ИА АН УССР. - № 1977/12.
- Братченко С.Н. Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1979 г. у сел Рудовка, Бахмутовка, Царевка, Десненково Ворошиловградской обл. // НА ИА АН УССР. - № 1979/15.
- Братченко С.Н. Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1980 г. // НА ИА АН УССР. - № 1980/5.
- Гершкович Я.П. Абашевские погребения в бассейне Северского Донца // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. (Тез. докл. конф.). - 1980. - С. 64-65.
- Гершкович Я.П. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней-поздней бронзы кургана у м. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. - 1982. - С. 46-59.
- Евтухова О.Н. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. - 1961. - Вып. 97. - С. 27-42.
- Ерменко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. - 1968. - Вып. 97. - С. 43-110.
- Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Бранденбурга // САИ. - 1974. - Вып. 4-12. - С. 5-17.
- Качалова Н.К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСТЗ. - 1976. - С. 5-17.
- Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. - М., 1969. - 208 с.
- Либеров П.Д. Памятники абашевской культуры в Курской области // Кавказ и Восточная Европа в древности. - М., 1973. - С. 28-35.
- Мерперт Н.Я. Абашевские курганы Северной Чувашии // МИА. - 1961. - Вып. 97. - С. 141-156.
- Привалов А.И., Привалова О.Н. Отчет о раскопках в 1975 г. кургана у с. Николаевка Волновашского р-на. - НА ИА АН УССР. - № 1975/12.
- Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. - Воронеж, 1971. - 215 с.
- Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. - Воронеж, 1976. - 168 с.
- Пряхин А.Д. История древних скотоводов II тыс. до н.э. лесостепных регионов Подонья, Поволжья и Южного Урала: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 1976. - 18 с.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. - М., 1967. - 352 с.
- Синюк А.Т., Клейников В.В. Курганы у с. Введенка на Дону // СА. - 1976. - № 1. - С. 167-168.
- Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Полтавотдельское // МИА. - 1959. - Вып. 60. - С. 206-322.
- Телегин Д.Я. Неолитические памятники среднего течения Северского Донца // СА. - 1959. - Т. 29/30. - С. 159-171.
- Черданченко Н.Н. Поселение срубной культуры на Луганщине // СА. - 1970. - № 1. - С. 233-238.
- Черданченко М.М. Питание хронологии абашевской культуры Среднего Дона // Археология. - 1972. - № 6. - С. 20-29.
- Щаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Неолит и бронзовый век Украины. - Киев, 1976. - С. 150-172.
- Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях в зоне Травянского водохранилища в 1972 г. // НА ИА АН УССР. - № 6211. - С. 3-5, 15.

Настоящая статья посвящена украшениям культуры многоваликовой керамики (далее — кмк). Ее основной задачей является составление полного свода и систематизация украшений, а также создание их приблизительной типолого-хронологической классификации. Кроме того, изучение украшений кмк представляет особый интерес, так как кроме керамики и ее орнаментации является одним из критериев выделения этой своеобразной археологической культуры эпохи бронзы. Типологический анализ украшений может помочь более конкретно и четко представить черты, подчеркивающие оригинальность культуры, а выделение местных украшений и тех, что попали в пределы культуры от соседних племен, дополняет картину связей племени кмк с окружающими соседями.

Кмк занимала довольно большую территорию — значительную часть Степной и южные районы Лесостепной Украины, Молдавию и бассейн Дона. Наибольшее скопление памятников кмк отмечается в междуречье Днепра и Северского Донца. На Правобережье Украины памятники распространены в степных районах, на Левобережье — северная граница культуры проходит по Сейму, верховьям Сулы, Северского Донца и Оскола. Восточной границей является левый берег Дона. Отдельные памятники кмк обнаружены далеко за пределами очерченной территории — на Волыни, в Румынии, на Волге.

Стратиграфические данные, прослеживаемые на поселениях и могильниках, свидетельствуют о том, что кмк на Украине следует за катакомбной культурой и предшествует срубной и, возможно, частично сосуществует с последней. Также есть основания для синхронизации кмк со среднеднепровской культурой, культурой шнуровой керамики, Монтеорю, памятниками Новокумакского хронологического горизонта, абашевской, андроновской культурами, шахтными гробницами Микен (Березанская, 1932, с. 28).

Несмотря на большую территорию распространения кмк, ее украшения немногочисленны, в большинстве случаев они происходят из погребений и лишь единичные находки встречаются на поселениях и входят в состав кладов.

В целом украшения кмк насчитывают около 60 экз. (без бус). Это изделия из бронзы, фаянса, кости, серебра. Среди них можно выделить: височные подвески; амулеты-подвески; бусы, пронизи; гривны; браслеты; перстни; булавы; пряжки-кольца; металлические скобы, украшающие деревянные сосуды. Выделение некоторых типов украшений условно, так как не всегда можно с полной уверенностью говорить о назначении отдельных изделий. Далее краткое описание всех выделяемых типов украшений.

1. Височные подвески. Они встречаются в мужских, женских и детских погребениях, где (в тех случаях, когда это удалось проследить) они располагались по одной-две в районе головы. Изготовлены из бронзы. Всего найдено девять подвесок, которые можно разделить на четыре типа.

Первый тип представлен подвесками округлой формы из круглой в сечении проволоки, скрученной в 1,5 оборота спирали, со слегка утолщенными приоспиренными концами. Известны 3 экз. Два из них происходят из Янковецкого могильника (курган 60 Винницкой обл.) (Ardłowski, рис. 26) и одна из балки Таволжаная близ кут. Орлова, район Днепровских порогов (Бодянский, 1949-1953) (рис. 1, 1, 2).

Ко второму типу относятся подвески округлой и овальной формы, изготовленные из круглой в сечении проволоки с сомкнутыми или слегка разомкнутыми концами. Известны 3 экз. Два из них найдены у с. Петро-Михайловка Токмакско-

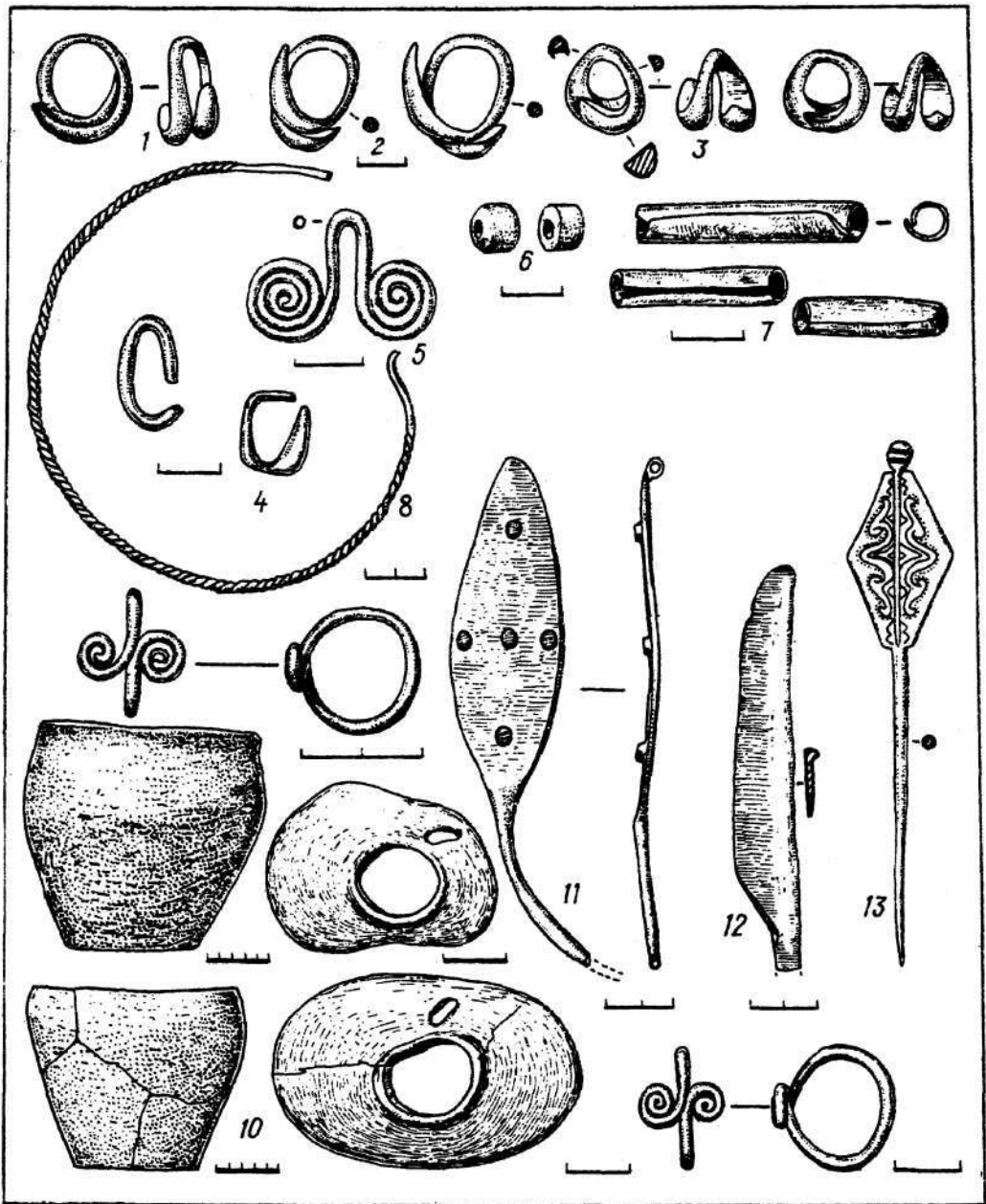

Рис. 1. Украшения раннего и позднего периода кмк:

1 - балка Таволжаная; 2 - Яковича, к. 60; 3 - Гноровское, к. 1, п. 6; 4 - Петро-Михайловка, к. 11, п. 6; 5 - Новофилиповка, к. 2, п. 2; 6 - Бабьно III; 7 - Новофилиповка, Глейки; 8 - Хохольское, к. 1, п. 1; 9 - Царичанка, к. 1, п. 4; 10 - Новопоцкряж, кург. гр. III, к. 1, п. 7; 11, 12 - Вышетарасовка; 13 - Бородино

го р-на Запорожской обл. (курган 11, погребение 6) [Отрошенко, 1981, табл. 100, 17] и одна в с. Холмское (курган 8, погребение 5) (рис. 1, 4).

Третий тип составляют бронзовые литые подвески округлой формы, в 1,5 оборота спирали с полукруглыми в сечении расширенными приотстренными концами и желобчатой средней частью (рис. 1, 3). Известны 2 экз., найдены у с. Гноровское Токмакского р-на Запорожской обл. (курган 1, погребение 6) [Отрошенко, 1981, табл. 100, 17].

К четвертому типу относится так называемая очковидная подвеска из круглой в сечении проволоки, найденная в единственном экземпляре у с. Новофили-

повка на левом берегу р. Молочной (курган 2, погребение 2) (рис. 1, 5) /Визьмитина, Ильинская, Покровская, Тереножкин, Ковпаненко, с. 32, рис. 11, 3/.

Височные подвески первого и второго типов появляются очень рано, бегут от позднего Триполья (серебряные и медные из Усатово) и на протяжении всего бронзового века. Несколько отличаются от них подвески из Гноровского. Близкие им подвески, но изготовленные из серебра известны на памятниках абашевской культуры /Ерменко, Третьяков, 1961, рис. 9, 1, 2, 3; 12, 1-3/, также похожие подвески известны в Комаровском могильнике, но там они изготовлены из золота /Бвиганков, рис. 2, 22/. Откованная подвеска имеет многочисленные аналогии во многих западных культурах эпохи энеолита и бронзы Польши, Венгрии, Югославии, а также в погребениях среднеднепровской, абашевской и андроновской культур /Giric, табл. VII, 4; VIII, 2; XVII, 1; XVIII, 4; XIX, 1; XXI, 3; Артеменко, рис. 47, 28, 29; Ерменко, Третьяков, рис. 12, 7; 9, 12, 13; 15; Сальников, рис. 5, 8/.

2. Подвески из зубов, клыков и костей, имитирующие зубы животных, известны в 4 экз. Их можно разделить на два типа: подвески из зуба акулы или других животных со сквозным отверстием в корневой части найдены на поселении Бабина Гора близ с. Салище Каневского р-на Киевской обл. в погребении кмк и у с. Огородное Болградского р-на Одесской обл. /Максимов, Бончарь, рис. 19; Суботин, Загинайло, Шмаглей, рис. 9, 5-7, к. 1, п. 7/. На поселении Бабина Гора подвеска из зуба акулы найдена на груди погребенного и служила, вероятно, подвеской-амулетом. В области таза находились две костяные пряжки с одним отверстием. У с. Огородное подвеска из зуба животного обнаружена в комплексе с костяной пряжкой с одним отверстием и костяным кольцом.

Второй тип составляет две подвески из кости, по форме имитирующие зубы оленя, со сквозным отверстием в уплощенной "корневой" части (рис. 2, 1). Они найдены вместе с костяной цилиндрической пронизью в курганной группе II (курган 1, погребение 12) у с. Преображенка Днепропетровской обл. /Ковалева, 1983, рис. 310/.

Подвески из зубов и имитирующие зубы животных типичны для многих культур энеолита и раннебронзового времени (ямной, катакомбной, подкарпатской, среднеднепровской и др.). Сохраняются они и в более позднее время, являясь частой находкой в погребениях среднего и позднего периодов эпохи бронзы. В погребениях кмк встречаются вместе с костяными цилиндрическими пронизями, кольцами и пряжками с одним отверстием.

3. Бусы являются одними из самых распространенных украшений кмк, различающихся по материалу. Они изготовлялись из бронзы, пасты, фаянса и кости. Известно около 80 экземпляров бус. По форме их можно разделить на восемь типов.

К первому типу относятся двурогие бусины в виде короткого цилиндрика с двумя рогами, расположенными в одной плоскости (рис. 2, 4, 5), из Соколово Новомосковского р-на Днепропетровской обл., Компанец, Бабино III на Нижнем Днепре, Заплавки Днепропетровской обл. /Ковалева, Марина и др., рис. 311; Махно, Братченко, рис. 3; Добровольский, с. 40-45; Ковалева, 1983/. У с. Никольское Соловьянского р-на Днепропетровской обл. в насыпи кургана также найдены 2 экз. двурогих бронзовых бус, имитирующих пастовые /Телегин, с. 79/ (рис. 2, 6).

Второй тип составляют бородавчатые бусины в виде длинного цилиндра с четырьмя рядами шишечкообразных выступов, расположенных на одинаковых расстояниях в двух плоскостях (рис. 2, 8). Найдены у с. Соколово Днепропетровской обл.

Третий тип представлен биконическими в разрезе бусинами, известными из погребения у с. Соколово, Компанец с. Стрельче Городенковского р-на Ровенской обл. (рис. 2, 4) /Свешников, 1973/.

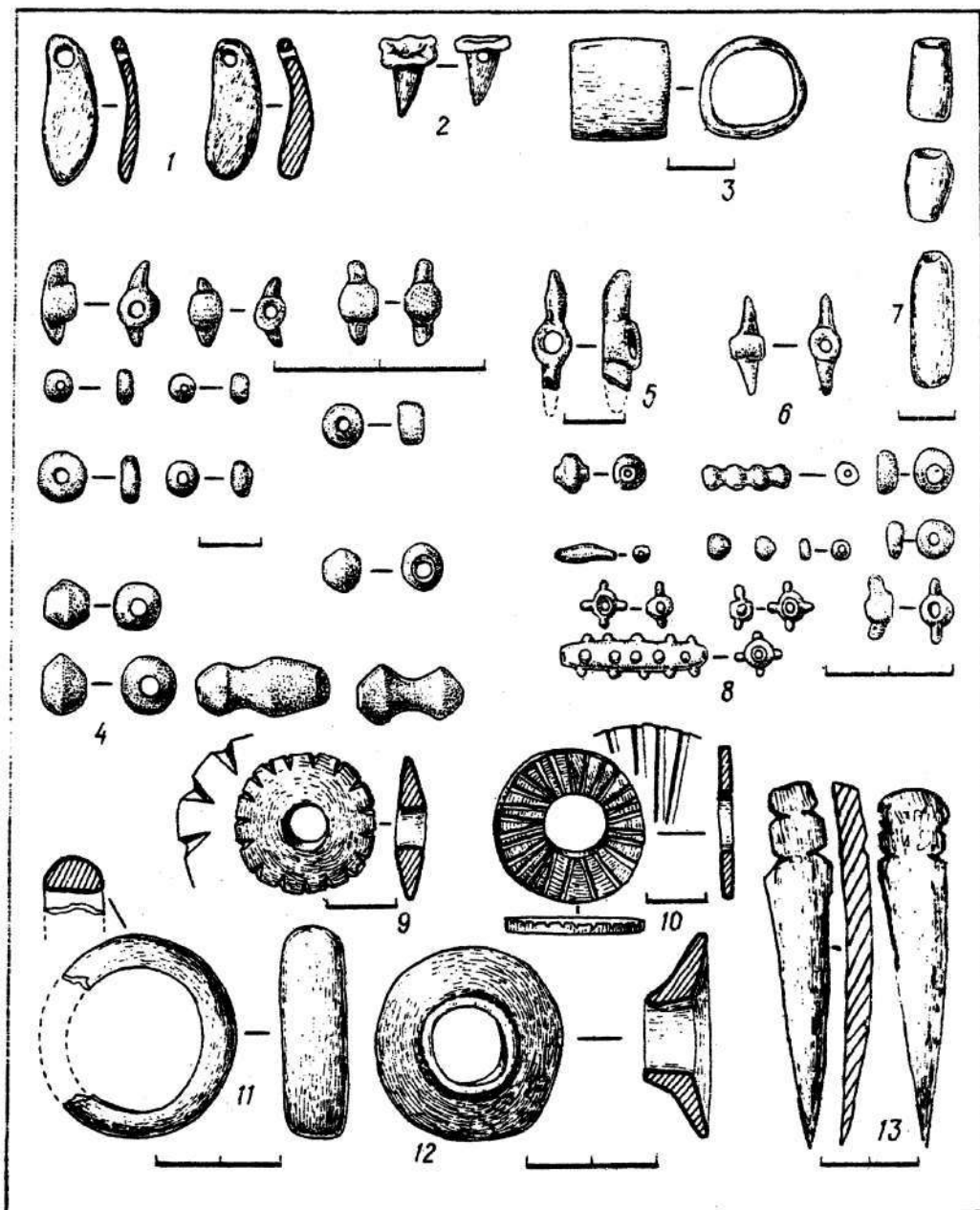

Рис. 2. Украшения раннего периода кмк:
 1, 3 - Преображенка, кург. гр. Ц, к. 1, п. 12; 2, 12 - Бабина Гора; 4 - Ком-
 панеец; 5 - Бабино III; 6 - Никольское; 7 - Говоруха; 8 - Соколово; 9 - Ново-
 подкряж; 10 - Магдалиновка, кург. гр. 33, к. 6, п. 4; 11 - Говоруха, к. 2,
 п. 3; 13 - Каменка

Четвертый тип - цилиндрические короткие и длинные бусины из Компанеец, Соколово, Бабино III, Говорухи (рис. 2, 4, 7; 1, 6) [Писларий, 1975-1976].

Пятый тип составляют дисковидные в разрезе бусины из Компанеец, Соколово, Говорухи (рис. 2, 4, 8).

Шестой тип - сегментовидные в разрезе бусины из Соколово, Компанеец (рис. 2, 4, 8).

Седьмой - спаренные узловатые (рис. 2, 4) или в виде нескольких округлых бусин, соединенных в одну, из Соколово, Компанеец и Говорухи (рис. 2, 8).

И восьмой тип представлен бронзовыми шаровидными бусинами с круглым

сквозным отверстием, найденными на поселении Бабкино III, жилище 2 (3 экз.).

Находки бус почти всех типов из пасты, похожей на стекло, или фаянса многочисленны в культурах эпохи бронзы в Западной Европе (Венгрия, Чехословакия, Польша и др.), но типы другие и бородавчатые на этих территориях не встречаются. Вторая известная область распространения бус из пасты и фаянса — Северный Кавказ, где они появляются в энеолите, в ранней бронзе получают широкое распространение и в это время появляются на Украине (катакомбное погребение у с. Лисимовка Херсонской обл. и др.). Для Северного Кавказа характерны и бусы с выступами-рожками — бородавчатые и короткие цилиндрические с двумя — четырьмя рожками (Нальчикский могильник, Элиста, Триалетти, курган 1, 3, 5, погребение 10 могильника Верхняя Рутка и др.); изготовленные не только из пасты, но и из металла, которые могут составить ближайшие аналоги для бородавчатых и других бус южн. Также на Северном Кавказе известны аналоги и сегментовидным бусам из погребений южн. (Багутский мог., курган ст. Суворовской). Бородавчатые, биконические, дисковидные, другие бусы известны также из погребений позднекатакомбной культуры Донецчаны. Фаянсовые бусы подобных типов встречаются в погребениях андроновской культуры (спаренные узловатые, биконические, цилиндрические, дисковидные), в Синташтинском могильнике (другие).

Пронизы. Среди бус в особую группу могут быть выделены пронизы. Известно всего 5 экземпляров пронизей, которые можно разделить на три типа: первый — бронзовая в виде двух соединенных цилиндров из кургана 10, погребения 13 с. Пелинное Джанкойского р-на Крымской обл. (Корпусова, табл. 77, 17) — 1 экз.; второй тип — из свернутых прямоугольных листочков бронзы, встречены 3 экз. (рис. 1, 7) (Вязьмитина, Ильинская и др., рис. 11, 37). И третий тип составляет костяная цилиндрическая пронизь на сечении трубчатой кости из кургана 1, погребения 14 с. Преображенка Днепропетровской обл. (рис. 2, 3) (Ковалева, 1978, табл. 1, 37).

Костяные цилиндрические пронизы, как и подвески из зубов животных, встречаются на памятниках многих культур энеолита и бронзы. У с. Преображенка в погребении южн. такая пронизь найдена вместе с костяной подвеской, описанной выше. Пронизы в виде трубочек, свернутых из бронзового листа, встречаются на памятниках абашевской и андроновской культур (Сорокин, 1966/7).

4. Гривны. Известна одна гривна — бронзовая, из круглой в сечении проволоки, витая в средней части, с крючкообразными гладкими концами. Она обнаружена в детском погребении у с. Гноровское (курган 1, погребение 6) вместе с подвесками в 1,5 оборота спирали, описанными выше (Отрошенко, 1981, табл. 100, 37). Размер гривны: 11,5x12,5 см, диаметр проволоки на концах 0,3 см, на середине — 0,6 см. Аналогичная ей гривна происходит из кургана 1, погребения 1 у с. Хохольское Воронежской обл. (рис. 1, 8), относится авторами раскопок И.Д.Прыкиным и А.Т.Сининым к абашевской культуре (Дражин, Синик, рис. 2, 37). Многочисленные аналоги ей имеются также на памятниках ряда западных культур — позднего периода унетшской, раннего периода лужицкой и др. (Geld, с. 165, табл. IV, 3, 5; Dabrowski J., Gardawski A., с. 104, табл. XXV, 3; Gardawski A., Gassowski J., Rajewski Z., с. 136/7).

5. Браслеты. В кургане 5 у с. Александровка Новомосковского р-на Днепропетровской обл. были найдены два бронзовых спиралевидных браслета в три и пять оборотов спирали из овальной в сечении проволоки с приотранными слегка утолщенными концами (диаметры браслетов 6,5 и 7 см). Вместе с ними обнаружены два однотипных бронзовых втульчатых вислособушных топора с удлиненным, сильно расширенным к лезвию клином и уплощенным брешком (рис. 3, 1) (Ковалева, Волковой, Костенко, Шелобудов, 1978, рис. 17). В кургане было девять погребений, относящихся к южн. и срубной культуре. Основное погребение катакомб-

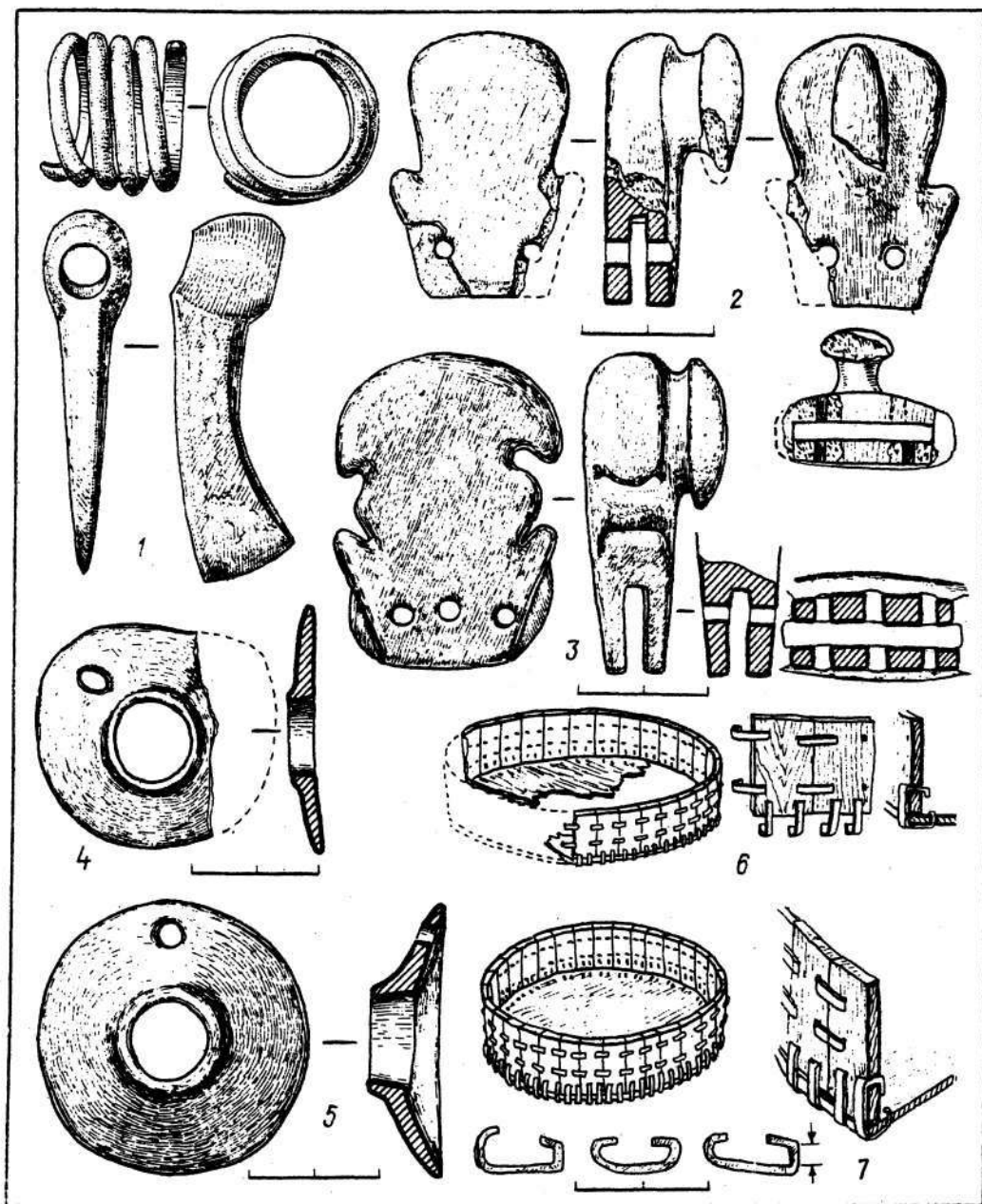

Рис. 3. Украшения раннего и позднего периода кмк:
 1 - Александровка, к. 5; 2 - Новоамвросиевка, к. 3, п. 2; 3 - 4 - Липовец,
 к. 264, п. 3; 5 - Бабино III; 6 - Веселое, к. 1, п. 1; 7 - Спасское, к. 3,
 п. 2

ной культуры. В поле кургана на глубине 0,8 м от поверхности недалеко от двух погребений кмк и одного срубного найден вышеописанный клад, который автор раскопок относит к кмк [Ковалева, 1981, с. 26, 27]. Спиралевидные браслеты подобного типа находят аналогии на западе в ряде погребений Мокринского могильника в Кюславии [Giric, табл. VIII, 2, 3; XXIII, 3; XXXII, 3; I LI, 6; I LIV, 6; XCVI, 2], относящегося к раннему периоду эпохи бронзы; на памятниках XVI-XV вв. до н.э. Западной Украины; на Северном Кавказе [Марковин, рис. 46, 47; Деген, рис. 35, 3], а также на памятниках абашевской культуры (Алгаши, курган 1, погребение 3; Тауш-Касы) [Щименко, Третьяков, рис. 9, 12, 13]. Топоры, входящие в состав злада, находят аналогии среди топоров подобного типа из Колонтаевского и Ры-

баковского кладов, относимых С.Н.Кореневским и Э.Н.Черняком к кмк [Кореневский, 1976].

6. Перстни. Известен один тип перстней — бронзовые из круглой в сечении проволоки с концами, имеющими вид спирали, направленной в противоположные стороны (рис. 1, 9, 10). Известны два таких перстня — с. Паричанка, курган 1, погребение 4 и с. Новоподряз, курганная группа III, курган 1, погребение 7 Днепропетровской обл. [Ковалева, Волкобой, Костенко, Шалобудов, 1978, табл. 1, 3]. Перстень из с. Новоподряз встречен в основном погребении совместно с бечевным сосудом и типичной для кмк костяной пряжкой с двумя разновеликими отверстиями. Авторы раскопок относят это погребение к раннему этапу срубной культуры, сравнивая перстень с таким же из погребения у г. Ворошиловграда, относимым автором раскопок к старшей покровской ступени срубной культуры [Чередищченко, с. 5, рис. 18], но на основании сосуда, происходящего из Ворошиловградского погребения, его, скорее, следует относить не к срубной, а к абашевской культуре. Основываясь на аналогиях таким перстням в дунайских комплексах (культура Монтеору Ia), перстень из с. Новоподряз можно датировать XVI—XV вв. до н.э., по В.Денелю, что не противоречит дате кмк (XVII—XVI вв. до н.э.), и относить к этой культуре, исходя из наличия в этом же погребении костяной пряжки с двумя разновеликими отверстиями. Аналогичный инвентарь и перстень найдены также в кургане 1, погребении 14 у с. Паричанка (рис. 1, 9). Перстни со спиралью на концах, направленными в противоположные стороны, имеют также аналогии в раннем периоде дунайской культуры [Gimbutas, 1965].

7. Булавки. С культурой многоваликовой керамики можно связывать булавку, входящую в состав знаменитого Бородинского клада. Она серебряная, легкая, с ромбической головкой, украшенной узором из золотых накладных нитей, и гладким стержнем (рис. 1, 13). Публикации клада и его анализу посвящено множество работ, но его культурная принадлежность долго оставалась неизвестной. В настоящее время этот клад рядом исследователей связывается с кмк [Березанская, 1982, с. 28; Черняков, с. 58, 59]. Все предметы, входившие в состав клада, кроме булавки, встречены в различных памятниках кмк. Но на керамике кмк есть орнаментация, аналогичная орнаменту на булавке (Бабина III). Подтверждением правомочности отнесения бородинской булавки к кмк может быть и находка бронзовой булавки у с. Верхнетарасовка [Бояльский, 1949—1953]. Булавка из Верхнетарасовки типологически сопоставима с бородинской, хотя, несомненно, представляет собой более упрощенный вариант. Это булавка с ромбической головкой, украшенной пятью крупными жемчужинами (четыре — по углам и одна — посередине) с закрученной верхней частью (рис. 1, 11). Для выяснения культурной принадлежности этой булавки существенен факт, что, по данным автора отчета, вместе с булавкой обнаружена типичная многоваликовая керамика и нож с горбатой спинкой (рис. 1, 12). Подобный нож происходит из с. Большая Андрусовка, где он был найден совместно с обломками сосудов, украшенных многоваликовой орнаментацией [Максимов, Петровская, табл. 1, 2].

Аналогии булавкам подобного типа известны в витенбергской, комаровской (Комаров, курган 6), восточнотимецкой культурах (Гуляйгород, курган 41) [Березанская, 1972, с. 158, рис. 18].

Второй тип булавок составляют костяные булавки (или подвески?) из поселения кмк в Восточном Крыму Каменка [Рибалова, рис. 10, 2—5]. Это булавки с полукруглой или трапециевидной плоской головкой и с одной или двумя парами выемок под ней, по-видимому, для привязывания. Концы острые, сильно заполированные. Булавки изготовлены из расчлененных трубчатых костей, острие в разрезе овальное или круглое, головка плоская (рис. 2, 13). Подобные изделия известны на памятниках и других культур — срубной и сабатинской (пос. у с. Рубцы на Осколе, с. Палагеевка курган 1, погребение 20, поселение Новорозанов-

ка 1 и др.) /Березанская, 1956, табл. XIV, 2; Шарафутдинова, 1968, с. 25-26; Шарафутдинова, 1977, рис. 9, 4/. Аналогией для вышеописанных изделий в какой-то мере может служить и набор костяных изделий (подвесок-амулетов и похожих булавок) из Тарашанского р-на, относимый С.С.Березанской к эпохе ранней бронзы /Березанская, 1982, рис. 77, 1/.

8. Особо следует остановиться на костяных пряжках, часто встречающихся в погребениях кМК на поясе или у груди погребенных. В определенном смысле их также можно относить к украшениям. Пряжкам кМК, их культурной принадлежности и назначению посвящен ряд работ /Отрошенко, 1978, с. 34-35; Гершкович, с. 59-60 и др./ . Пряжки имеют различную форму: круглые и овальные, с бортиком и без него, с одним-двумя отверстиями, с орнаментом в виде насечек и без него, зооморфные пряжки - особый тип с вырезом и двумя отверстиями для глухого крепления одного конца ремня и с выступом для закрепления другого, напоминающие голову животного, характерные для восточных областей распространения кМК (Северский Донец, Приазовье) (рис. 2, 12; 1, 9, 10; 3, 2, 3, 4, 5).

Зооморфные пряжки, а также пряжки с одним отверстием можно считать более ранними, о чем свидетельствует и стратиграфия залегания погребений с этим инвентарем, и то, что в некоторых погребениях они найдены вместе. Так, ряд погребений с зооморфными пряжками впушен в курган вместе с подпалеолитическими погребениями и в некоторых случаях перекрывается погребениями кМК, содержащими пряжки с двумя разновеликими отверстиями /Гершкович, с. 59/. В свою очередь, пряжки с одним отверстием в погребениях встречены вместе с амулетами из зубов животных, костяными кольцами и пронизьями, находящими аналогии на памятниках энеолитического и раннебронзового времени, о чем говорилось выше.

Костяные кольца. В погребениях кМК встречены три типа костяных колец, используемых, возможно, также в качестве пряжек. К первому типу относится кольцо круглой формы, плоское в разрезе с круглым отверстием в центре и насечками в виде лучей солнца от центра (рис. 2, 10), найденное в курганной группе 33, курган 6, погребение 4, у с. Магдалиновка Днепропетровской обл.

Ко второму - кольца круглой формы, полукруглые или круглые в сечении с большим отверстием посредине (рис. 2, 11) (Говорука, курган 2, погребение 3; Царичанка, курган 1, погребение 4; с. Огородное и др.).

И третий тип представляет кольцо дисковидной формы в разрезе с треугольными насечками по краю и круглым отверстием в центре (рис. 2, 9) (Новоподляк).

Происхождение костяных колец, очевидно, связано с близкими по форме и, вероятно, функциональному назначению янтарными кольцами северных культур, которые в большом количестве встречаются на памятниках второй половины III - первой половины II тыс. до н.э. в Латвии, Литве, Финляндии, а также на памятниках подкарпатской и среднеднепровской культур /Вангородская, с. 44-50/. В погребении среднеднепровской культуры у с. Ходосовичи встречена ключевидная янтарная подвеска в виде плоского кольца, с большим отверстием в центре, соединенного с пластинкой трапециевидной формы. Изделие украшено насечками в виде лучей солнца на кольце и древа жизни на трапециевидной пластинке /Артеменко, рис. 47, 30/. Это изделие в какой-то мере может служить аналогией для костяных колец кМК с насечками от центра. Насечки встречаются и на костяных пряжках кМК с одним отверстием - наклонные насечки от центра на пряжке из погребения 4, кургана 6, курганной группы XXXIII у с. Пролетарское и 16 насечек, расположенных по четыре на пряжке из погребения 5, кургана 1, курганной группы IX у с. Спасское /Ковалева, 1981/.

9. В погребениях кМК встречаются деревянные сосуды, скрепленные и одновременно украшенные при помощи бронзовых скоб, которые можно считать еще одним видом украшений. Сюда же относятся и металлические обкладки деревянных сосудов. Скобы изготовлялись из проволоки, круглой или плоской в сечении. Стен-

ки таких деревянных сосудов состояли из отдельных дощечек, скрепленных двумя-тремя рядами скоб, дно также могло быть деревянным или бронзовым, прикрепленным к дощечкам при помощи скоб более крупных размеров (рис. 3, 6, 7) (Спасское, курган 3, погребение 2; Новопокрай, курган I/IV, погребение 1; Новая Бараниковка; Веселое, курган 1, погребение 1; Николаевка, курган 1, погребение II и др.) [Никитин, Рубан, рис. 28; Братченко, табл. 46, 5; Привалова и др.]. Подобные скобы и накладки известны в ряде погребений абашевской культуры и раннесрубных [Братченко, 1977; Отрощенко, 1978]. Бронзовые бляхи для обкладки деревянных сосудов входят в состав Бородинского клада.

Такова фактическая основа, характеризующая украшения кМК. Набор украшений кМК и их анализ, прежде всего в плане привлечения аналогий, позволяет сделать несколько общих замечаний. Можно констатировать, что кМК была наиболее древней культурой на территории Украины, племена которой пользовались уже широким набором украшений, изготовленных не только из кости, пасти и фаянса, но также из металла. Далее можно говорить о том, что племена кМК на всем протяжении своего существования поддерживали связи и культурные контакты с населением широкой территории, включавшей Кавказ, Подунавье, Прибалтику, Поволжье и Урал. Среди украшений кМК можно выделить группу изделий, имеющих, очевидно, местное происхождение, поскольку они известны в культурах предшествующего времени той же территории, генетическая связь с которыми прослеживается в керамике, погребальном обряде и в других элементах материальной культуры. Речь идет об украшениях, встречающихся в ямной, катакомбной и поздних шнуровых культурах. Местными, по-видимому, следует считать и костяные пряжки с одним-двумя отверстиями, костяные кольца, а также булавки (или подвески) из кости.

Этот вывод интересен в двух планах. Во-первых, он может подтверждать местное происхождение кМК на всей территории ее распространения, во-вторых, дает основание выделять более раннюю группу украшений, а следовательно, в определенной степени датировать памятники кМК.

К наиболее ранним типам украшений на основании аналогий, встречаемых в ямной и катакомбной культурах, прежде всего следует отнести: подвески-кlyчки, костяные цилиндрические пронизы (ямная, катакомбная культуры), пастовые бико-нические, дисковидные, двурогие и бородавчатые бусы (катакомбная культура); в средневолжской - отковинские подвески и костяные кольца, аналогичные яктарным; постшнуровых культурах: пастовые бусы, отковинские подвески, костяные пряжки с одним отверстием. Также к раннему периоду можно отнести и некоторые другие типы украшений: это костяные зооморфные пряжки и пряжки-кольца с одним отверстием, о чем говорилось выше; спиральные браслеты, находящие аналогию в Мокринском могильнике и памятниках первого периода северокавказской культуры.

В этот наиболее ранний период сложения и стабилизации кМК связи еще остаются прежними, характерными для культур раннего этапа эпохи бронзы. Прежде всего, это связи с Кавказом, откуда поступала основная часть изделий из металла, в том числе украшений (бородавчатые и двурогие пастовые, двурогие металлические бусы, браслеты и т.д.).

В более поздний период кМК увеличивается количество украшений из бронзы: перстни, гривна, булавки, пронизы и др. Отсутствие каких бы то ни было следов местного бронзолитейного производства на поселениях кМК, а также многочисленные аналогии этим украшениям в таких культурах, как тшинецкая, комаровская, Монтеорю, виттенберг и других, позволяет предполагать, что эти украшения попадали к носителям кМК в результате обмена и других культурных связей в готовом виде.

Трудно сказать, откуда именно они поступали, однако едва ли можно сомне-

ваться, что основным источником изготовления бронзовых украшений, находившихся в употреблении южк в поздний период, был Карпато-Дунайский металлургический центр.

В этот же поздний период в южк прослеживается влияние микенской цивилизации. Наиболее ярко оно выступает на предметах Бородинского клада, в частности, в орнаментации серебряной булавки.

Еще один вывод, к которому приводит изучение украшений южк, заключается в их близости к украшениям абашевской культуры. Совпадают и основной набор, и детали отдельных предметов, в том числе и украшений: костяные пряжки с двумя отверстиями, фаянсовые бусы, подвески в 1,5 оборота спирали, спиралевидные браслеты, гризена и др., но в то же время в составе и характере украшений южк и абашевской наблюдаются значительные различия, так, у южк нет желобчатых подвесок, блишек-розеток и других украшений, имевшихся у абашевцев, и все же в целом есть достаточно оснований говорить о том, что между южк и абашевской культурой существовали тесные культурные контакты. Также, основываясь на украшениях, следует сказать, что наиболее активные контакты с абашевской культурой прослеживаются в поздний период существования южк, когда абашевская культура, как и южк, испытывает влияние Карпато-Дунайского металлургического очага.

В поздний период существования южк прослажены контакты и с андроновской культурой, в погребениях которой встречены некоторые украшения, характерные и для южк: очковидные подвески, проножи из бронзовых пластинок, фаянсовые бусы, подвески из зубов животных.

Значительный интерес представляют и контакты южк с наиболее ярким памятником Новокумакского хронологического горизонта - Синташтинским могильником, инвентарь которого включает многие изделия из металла, кости и камня, известные в южк, в том числе и некоторые виды украшений (пастовые двурогие бусы, височные подвески и др.).

Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы // МИА. - 1967. - Вып. 148. - С. 1-138.

Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. - Киев, 1972. - 265 с.

Березанская С.С. Отчет о раскопках поселения срубного времени у с. Рубцы Краснолиманского р-на Сталинской обл. в 1956 г. // НА ИА АН УССР. - № 1956/4а. - Табл. XIV, 2.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. - Киев, 1982. - 212 с.

Болянский О.Б. Отчеты за 1949-1953 гг. // НА ИА АН УССР. - № 897-90.

Братченко С.Н. Отчет о работе Донецкой экспедиции в 1977 г. // НА ИА АН УССР. - № 1977/12. - С. 52, табл. 46, 5.

Вангородська О.Г. Вироби з янтарю в культурах неоліту і бронзи України // Археологія. - 1985. - № 50. - С. 44-50.

Вязьмитина М.И., Іллінська В.А., Покровська С.В., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу "Аккермень" // АП. - 1960. - Вып. 8. - С. 32-33.

Гершкович Я.П. Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы Ига Восточной Европы (тез. докл. конф.). - Донецк, 1979. - С. 59-60.

Деген Б.Е. Курганы в Кабардинском парке г. Налчика // МИА. - 1941. - Вып. 3. - С. 213-216.

Добровольский А.В. Поселение бронзового века Бабино III // КСИА АН УССР. - 1957. - Вып. 7. - С. 40-45.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА. - 1961. - Вып. 97. - С. 43-110.

Ковалева И.Ф., Волковой С.С., Костенко В.Н., Шелобудов В.И. Археологические исследования в зоне строительства системы утхоза "Самарский" // Курганские древности Степного Поднепровья. - 1978. - Вып. 2. - С. 4-32.

Ковалева И.Ф., Марина Э.П., Волковой С.С. и др. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы совхоза им. Еданава Ново-Московского р-на Днепропетровской обл. // НА ИА АН УССР. - Ф. 3. 8606-8607. - С. 96, 97.

Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). - Днепропетровск, 1981. - 116 с.

Ковалева И.Ф. Археологические исследования в зонах орошения Днепропетровской обл. в 1983 г. // НА ИА АН УССР. - № 1983/12. - Рис. 310.

- Кореневский С.Н. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. - 1976. - № 4. - С. 16-32.
- Корпусова В.В. Отчет о раскопках Северо-Крымской экспедиции в 1978 г. // ИА ИА АН УССР. - № 1978/12. - Табл. 77, 1.
- Максимов Е.В., Петровская Е.А. Археологические памятники в окрестностях с. Большая Андрусовка на Тясмыне // КСИА АН УССР. - 1959. - Вып. 8. - С. 22-27.
- Максимов Е.В. Отчет о работе Каневской археологической экспедиции в 1971 г. // ИА ИА АН УССР. - № 1971/146. - Рис. 19.
- Маркович В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. - 1960. - Вып. 93. - 151 с.
- Махно С.В., Братченко С.Н. Пастове намисто у катакомбному похованні на Компанійцівському могильнику // Археологія. - 1977. - № 24. - С. 53-60.
- Никитин В.И., Рубан Д.В. Отчет о работе Ингульской степной экспедиции Николаевского краеведческого музея в 1973 г. // ИА ИА АН УССР. - № 1973/63а. - Рис. 28.
- Отрошенко В.В. О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // Археологические исследования на Украине в 1976-77 гг. (Тез. докл. VII конф. ИА АН УССР). - Ужгород, 1978. - С. 34-35.
- Отрошенко В.В. Отчет Запорожской экспедиции за 1978 год // ИА ИА АН УССР. - № 1978/10. - Табл. 100, 1, 3; 126, 2.
- Отрошенко В.В. Отчет о работе Запорожской экспедиции за 1981 г. // ИА ИА АН УССР. - № 1981/10. - Табл. 100, 1, 3.
- Писларий И.А. Отчет о работе Северско-Донецкой экспедиции в 1975-1976 гг. // ИА ИА АН УССР. - № 1976/10.
- Привалова О.Я., Привалов А.И. О научно-исследовательской работе по археологии за 1976 год // ИА ИА АН УССР. - № 1976/92.
- Прякин И.Д., Синяк А.Т. Курганы эпохи бронзы у пос. Хохольский // СА. - 1983. - № 3. - С. 197-202.
- Рыбалова В.Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСТЭ. - 1974. - Вып. 16. - С. 19-49.
- Сальников К.В. Курганы на оз. Алакуль // МИА. - 1952. - № 24. - С. 51-72.
- Свешніков І.К. Звіт з роботи Західнодніпровської археологічної експедиції 1973 р. // ИА ИА АН УССР. - № 1973/74.
- Сорокин В.С. Андроновская культура // САИ. - 1966. - Вып. ВЗ-2. - 128 с.
- Суботин Л.В., Загинайко А.Г., Шмаглия Н.М. Курганы у с. Огородного // МАСП. - 1970. - Вып. 6. - С. 130-155.
- Телегін Д.Я. Дніпро-донецька культура. - К., 1968. - 259 с.
- Чередніченко М.М. Хронологія срубної культури Північного Причорномор'я // Археологія. - 1977. - № 22. - С. 3-21.
- Черняков И.Т. Бородинский культурно-хронологический горизонт в памятниках Северо-Западного Причерноморья // Археологические исследования на Украине в 1978-79 гг. (Тез. докл. VIII конф. ИА АН УССР). - Днепропетровск, 1980. - С. 58-59.
- Шарафутдинова И.Н. Поселение поздней бронзы Новорозановка I // Археологические исследования на Украине в 1967 г. - 1968. - Вып. 2. - С. 25-26.
- Шарафутдинова И.Н. Курганы у с. Пелагеевки // Древности Припугулья. - Киев, 1977. - С. 79-98.
- Budłowski A. Mogiły w Nowosiolce w powiecie Lipowieckim gubern. Kijowskiej // Światowit. - 1905. - Т. 6. - С. 1-30.
- Gardawski A., Gassowski J., Rajewski Z. Archeologia i pradzieje Polski. - Warszawa, 1957. - 136 S.
- Geld M. Archeologia pierwotna i wczesnosredniowieczna. - Krakow, 1973. - 165 S.
- Gisbutas M. Bronze age culture in central and Eastern Europe. - 1965. - 681 p.
- Girić M. Mokrin I neopola ranog bronzanog doba. - Beograd, 1971. - 272 p.
- Dabrowski J., Gardawski A. Wschodnia grupa terytorialna kultury lusońskiej // Prahistoria miast Polskich. - Т. 4. - С. 104-120.
- Świeszniak J. Kultura komarowska // AP. - 1967. - 12, z. 1. - S. 40-100.

Е. Е. Кузьмина

О ЗАПАДНЫХ СВЯЗЯХ АНДРОНОВСКИХ ПЛЕМЕН

Проблема взаимодействия срубных и андроновских племен поставлена М.П.Грязновым [Грязнов, 1927] и Б.Н.Граковым [Граков, 1930] еще в 30-х годах; в 50-е годы в срубных памятниках Поволжья И.В.Синицын [Синицын, 1947, с. 117, Н.Я.Мерперт [Мерперт, 1954; 1958, с. 93-98], О.А.Кривцова-Гракова [Кривцова-Гракова, 1955], К.Ф.Смирнов [Смирнов, 1957, с. 218, 219; 1964, с. 175-178] выявили сосуди с андроновскими чертами и трупосожжения и связали их с андроновским населением федоровского типа; Э.А.Федорова-Давидова [Федорова-Давидова, 1973]

исследовала фелоровские кремации на смешанных срубно-алакульских памятниках Зауралья; в 80-е годы В.В.Отрошенко [Отрошенко, 1976], И.Ф.Ковалева, С.С.Волковой [Ковалева, Волковой, 1976, с. 19-20; Волковой, 1979; 1980, с. 69-75], Э.П.Гершкович [Гершкович, 1978], С.С.Березанская [Березанская, Гершкович, 1983] и другие проследили андроновские элементы на Украине.

Однако И.Б.Васильев, Г.Р.Пятых [Васильев, Пятых, 1976], Л.Н.Сигулкина [Сигулкина, 1976], В.И.Пестрикова [Пестрикова, 1978] сочли доказанной датировку В.С.Стоколосом памятников фелоровского типа VIII в. до н.э., пришли к заключению о местном генезисе кремации на Волге, а сосуды из погребений второго этапа срубной культуры признали алакульскими.

Сейчас представляется целесообразным вернуться к проблеме срубно-андоновских связей, так как современное состояние изучения андроновской культуры зашло в тупик, гипотезы классификации и периодизации памятников остро дискуссионны (см. таблицу), что, с одной стороны, затрудняет интерпретацию андроновских материалов специалистами по срубной культуре, а с другой стороны, обращение к срубным материалам, хорошо стратифицированным и надежно датированным, скрывает перспективу возможности уточнять хронологию памятников фелоровского типа, дата которых колеблется от VIII-XVI вв. до н.э. [История Казахской ССР, с. 106, 134, 162; Максименков, с. 91-108] до VIII в. до н.э. [Стоколос, с. 168; Аванесова, с. 25; Зданович, 1984, рис. 2], а в крайних пределах даже до рубежа III-II тыс. до н.э. [Маргулян, 1979, с. 58] до VIII в. до н.э. [Членова, 1983, с. 32].

Классификация андроновских памятников Зауралья на фелоровский и алакульский типы разработана К.В.Сальниковым в 1947 г. на основе признаков, выделенных М.П.Гризиным и С.Н.Дурмановым; перенос схемы на другие территории обоснован М.Н.Комаровой [Комарова, с. 50-75]. Дальнейшие исследования показали недостаточность суммы признаков зауральской схемы для гигантского андроновского ареала, и для отдельных микрорайонов и локальных вариантов путем введения новых признаков и использования статистического метода анализа керамики были выделены другие типы: кокумбердинский в Западном Казахстане [Кривонова-Гракова, 1958, с. 149, 150; Кузьмина, 1963; 1965], семиреченский в Семиречье [Кузьмина, 1970], петровский, амангельдинский и бишкульский в Северном Казахстане [Зданович, 1973; 1975; 1984] и показано локальное своеобразие нуринского и атасуского типов Центрального Казахстана [Маргулян, Акшав, Капирбаев и др.]. Однако региональные схемы созданы не для всех территорий и не согласованы.

В 1981 г. нами предложена новая схема классификации по единому списку признаков, выработанных для разнообразностей памятников всего ареала [Кузьмина, 1982; 1983]. Классификация строится по корреляции признаков погребального обряда и керамики в закрытых комплексах погребений и последующему соотношению с комплексами поселений. Выделены чистые петровский, алакульский и фелоровский типы и скрытые локальные кокумбердинский, амангельдинский, атасуский, таутаринский, семиреченский, среднеазиатско-майдуреченский.

Классификация горшковидных сосудов около 250 памятников, основанная на анализе формы, технологии формовки по Е.М.Пещеревой [Пещерева], принципа построения декора по прямой или по косой сетке по С.В.Иванову [Иванов, рис. 100] и С.В.Зотовой [Зотова, с. 177-181] и элементов орнамента и их распределения по зонам по М.Н.Комаровой [Комарова, рис. 2-4], выявила корреляцию техники изготовления с формой сосуда и орнаментальной системой, позволила выделить в андроновской общности две различных керамических традиции: фелоровскую и алакульскую (рис. 1). Сосуды фелоровского типа изготавливались кольцевыми нажепами двумя различными способами: 1) первоначально изготавливался яйцевидный сосуд с округлым дном, затем поддевался сплошной или кольцевой полнок

Чу Классификация и персоналия памятников андроновской общности^а

Диплома	Вариант	1927	1947-1959	1960-1975	1976-1984
<p> I Две разновегичные культуры I. Федор.-Алак. I. Федор.-Алак, <u>XV-XII</u> вв. до н.э. II. 1) Федор. на Урале, <u>XV</u> в. 2) Федор.-Алак. с Урала, пришли в Сибирь в <u>XII</u> в. III. 1) Алак. на Урале, <u>XV-XIV</u> в. 2) Федор., Алашано, <u>XIII-XII</u> в. Федор. пришли на Урал из Сибири II Одна культура I. Зап. и вост. лок. вари-анты II. Эталп: 1) Федорово 2) Алакуль </p>	<p> Дурмын Федорова-Лавилова, 1960, 1968, 1973 Косарев, 1965, 1970, 1974 Стоколос, 1967, 1970, 1972 Членова, 1975 Черников, 1960 Сальников, 1967 Акшеш, 1966 Грязнов, 1968 Оразбаев, 1966 Максимова, 1961, 1962 Комарова, 1962 Сорокин, 1962 Маргулан, 1966 Рахимов, 1966 Максименков, 1969 Мартинков, 1968 </p>	<p> Чернецов, 1947, 1951, 1953 Федорова-Лавилова, 1960, 1968, 1973 Косарев, 1965, 1970, 1974 Стоколос, 1967, 1970, 1972 Членова, 1975 Черников, 1960 Сальников, 1967 Акшеш, 1966 Грязнов, 1968 Оразбаев, 1966 Максимова, 1961, 1962 Комарова, 1962 Сорокин, 1962 Маргулан, 1966 Рахимов, 1966 Максименков, 1969 Мартинков, 1968 </p>	<p> Федорова-Лавилова, 1960, 1968, 1973 Косарев, 1965, 1970, 1974 Стоколос, 1967, 1970, 1972 Членова, 1975 Черников, 1960 Сальников, 1967 Акшеш, 1966 Грязнов, 1968 Оразбаев, 1966 Максимова, 1961, 1962 Комарова, 1962 Сорокин, 1962 Маргулан, 1966 Рахимов, 1966 Максименков, 1969 Мартинков, 1968 </p>	<p> Федорова-Лавилова, 1960, 1968, 1973 Косарев, 1965, 1970, 1974 Стоколос, 1967, 1970, 1972 Членова, 1975 Черников, 1960 Сальников, 1967 Акшеш, 1966 Грязнов, 1968 Оразбаев, 1966 Максимова, 1961, 1962 Комарова, 1962 Сорокин, 1962 Маргулан, 1966 Рахимов, 1966 Максименков, 1969 Мартинков, 1968 </p>	<p> Федорова-Лавилова, 1960, 1968, 1973 Косарев, 1965, 1970, 1974 Стоколос, 1967, 1970, 1972 Членова, 1975 Черников, 1960 Сальников, 1967 Акшеш, 1966 Грязнов, 1968 Оразбаев, 1966 Максимова, 1961, 1962 Комарова, 1962 Сорокин, 1962 Маргулан, 1966 Рахимов, 1966 Максименков, 1969 Мартинков, 1968 </p>

III. Этапы:

- 1) Федорово, Кожумбердин
 - 2) Алакуль, Алексеевка
- III. Смесанные памятники

IV. Этапы:

- 1) Алак., XV-XIV в.
 - 2) Кожумб., XIV в.
 - 3) Федор., XIV-XIII в.
- IV. Смесанные памятники
- Переходные
- 1) Алакуль, XV-XIV в.
 - 2) Федорово, XIII в.
- V. Два типа, образующие единство (на окраине до XIII в.)
- Смесанные XIV-XIII вв.

Новоархангельская
культура
Федорово

Гракова, 1948

- Кузьмина, 1963,
1965а, б, 1970
Зданович, 1973,
1975
Кадыраев, 1974

- Аванесова, 1975,
1979, 1984
Зданович, 1977
Зданович, 1983,
1984

- Зотова, 1964, 1965
Кузьмина, 1962,
1983

* Схема основана на анализе памятников одного региона, всего Казахстана - материалов одной категории (в разрядку), памятников всех регионов (полукирным).

(эта техника крайне архаична и сохраняет энеолитические традиции; она особенно характерна для Центрального Казахстана, на Урале фиксируется редко); 2) первоначально изготовлялся корпус, затем внутрь стенок впрессовывалось маленькое плоское дно; при обоих способах ленты шейки и венчика накладывались со скосом наружу, что обуславливало округлую форму плеча; орнамент наносился зонально по венчику, шейке и плечу по косой сетке мелко- и средне-зубчатым штампами с квадратными треугольными и полудуговыми зубьями; штриховка орнаментальных лент горизонтальная.

Сосуды алакульского типа изготовлялись кольцевыми налепами способом донного начиня, часто с использованием матерчатого шаблона: на плоское дно с невысокими закраинами наращивались кольца корпуса, затем - кольца шейки и венчика, накладывавшиеся со скосом внутрь, что обуславливало форму плеча с резко подчеркнутым уступом и ребро ленты венчика, сохранившееся на раннеалакульских сосудах; орнамент наносился зонально по венчику и плечу по прямой сетке, гладким, реже - крупно- и среднезубчатым штампами с квадратными и прямоугольными зубьями; штриховка лент горизонтальная. Эта техника восходит к петровской /Смирнов, Кузьмина, с.34, 35; Кузьмина, 1983/.

На памятниках других типов керамики и погребальный обряд отражает скрещенные обеих исходных традиций, представших в различных сочетаниях. Так, горшки кожумбердинского типа сформованы алакульской техникой, хотя иногда дно впрессовано снизу, плечо заглажено и уступ отсутствует, что сближает форму с федоровской; орнамент выполнен чаще по косой, иногда по прямой сетке, по венчику и плечу; специфична косая или вертикальная штриховка орнаментальных лент /Кузьмина, 1983/.

Андроновские сосуды всех типов объединяются общим сходством

Тип	Форма горшка	Орнамент
Кожумберды		
Алакуль		
Федорова		

Рис. 1. Технология и типология керамики андроновской культуры

пропорций, обусловленным трехзонной структурой горшка, расположением декора по зонам, подчеркивающим его конструкцию; единством орнаментальных мотивов, резко отличающими андроновскую керамику от инокультурной и доказывающими существование общности.

Большинство элементов орнамента общеандоновские (горизонтальный зигзаг, елка, равнобедренные, реже — прямоугольные треугольники, меандр и его модификации). Своеобразие типов выражается в различии процентного соотношения каждого элемента, распределении их по зонам и, главное, в особом характере, обусловленном сеткой; выделяются и некоторые специфические элементы: ромб и прямая пирамка для алакульского типа, свисающие треугольники, обрамление треугольными фестонами и каннелюры для федоровского, их сочетание в косо заштрихованная лента для кожумбердинского (рис. 2).

В погребальном обряде памятников алакульского типа черт, отличных от общеандоновских, нет. Но в федоровских погребениях отмечаются специфические признаки: кремация, циста, ограда цистовой кладки, иногда — помещение ребер животного и блюда. В синкретическом кожумбердинском типе кремация — редкое исключение, но иногда при ингумации положены угли и ребра животных.

Четкая корреляция этнографически значимых деталей погребального обряда с федоровским или алакульским типом керамики, характеризующая две принципиально различные технологические и орнаментальные традиции, с учетом значения гончарства как важнейшего этнографического признака, исключает возможность рассматривать федоровский и алакульский типы как генетически связанные этапы единой культуры и дает объективные основания для выделения в андроновской

обшности близко родственных, но различных археологических культур, а в памятниках синкретических типов позволяет видеть результат их взаимодействия. Окончательному решению проблемы выделения культур препятствует многозначность термина "культура" в археологии^{*}, неразработанность хронологии и этнической атрибуции памятников федоровского типа, что заставляет сохранить пока термин "тип".

Указанные признаки керамики и погребального обряда рассматриваются в дальнейшем как определяющие при интерпретации андроновских элементов в комплексах срубной и абашевской культур; при оценке креманий особое внимание обращено на дополнительную аргументацию федоровской атрибуции (сочетание с сосудами, наличие блюд, ребер, животных, каменных конструкций). Своей задачей мы ставили рассмотрение лишь некоторых наиболее важных комплексов, а не сводку всех памятников с андроновскими элементами. Их картографирование показывает, что они тянутся на север и на запад цепочками вдоль стекающих с Урала рек /Шеннова, 1981, карта/ (рис. 3). В районе Магнитогорска трупосожения и федоровская керамика встречены в срубных могильниках Малокизыльский I, II и срубно-алакульских Спасское I, II, Агаповка II /Сальников, 1967, с. 258-273, 292, рис. 57, 17; 29, 1, 8, 9; Стоколос, с. 53, 116, 162, 164, рис. 15, 3, 5, 9; 16, 1, 4, 11/.

Северное направление продвижения андроновцев - в Башкирию - отмечают трупосожения в абашевских могильниках Нижнечуракаево, Чукраклинский и Кучумовский, где андроновское происхождение креманий подтверждается сооружением вокруг курганов каменных колец, а также в срубно-абашевском могильнике Метев-Тамак^{**}, где выявлены андроновские каменные ящики и перекрытия, низка бус на ногах, федоровский сосуд с каннелюрами; они датируются около середины II тыс. до н.э. по находкам в Чуракаево и Метев-Тамаке архаичных ножей и перстня с биспиральными концами /Сальников, 1967, с. 23, рис. 4, 10; Збруева, 1958, с. 29-36, рис. 2, 11, 13; Матвеева, 1963/.

Следы андроновского воздействия отмечаются и в срубных могильниках Башкирии: в Кашкаре (курган 7) при ингумации найден федоровский горшок с округлым плечом и свисающими треугольными фестонами и кости лошади; в Новобалтачево и Давлеканове (курган 1) - федоровские блюда, в последнем вместе с ребрами лошади; ребра есть также в Чубук-Каране и Новобаскакове, где в другой могиле найден алакульский сосуд; в Варваринском могильнике - частичное трупосожение.

^{*} Большинство специалистов, вслед за М.П.Грязновым, М.Н.Комаровой, К.В.Сальниковым, рассматривают совокупность андроновских памятников как единую моноэтническую культуру или общность, разделяемую на хронологические этапы и локальные варианты. По существу близка точка зрения Г.Б.Звановича /1983, 1984/, предполагающего генетическую преемственность последовательно сменявшихся культур одного этноса. По Е.Е.Кузьминой, федоровские и алакульские памятники - две близко родственные, но различные культуры, образующие вместе со смешанными типами общность, соответствующую языковому континууму единой языковой семьи. По В.Н.Чернецову и В.С.Стоколосу, андроновской культуры и общности не существует, андроновские памятники биэтничны: алакульские - иранские, родственные срубным; федоровские - фино-угорские. Попытка Т.М.Потемкиной вслед за В.С.Стоколосом выделить особую алакульскую культуру не убедительна, так как определение понятия "культура" не дано; признаки, по которым она выделяется, в действительности не специфические, а общеандоновские, или указаны ошибочно: так, на с. 14 не верны характеристика алакульского орнамента (не резной, а выполненный гладким штампом), ориентировки могил (господствует западная общеандоновская), типов погребальных сооружений; не точны представления о географическом распространении алакульских памятников (с. 14, 15, 19, рис. 1): они концентрируются не в Притоболье и Приимьяе, а в Центральном Казахстане, где их втрое больше, чем федоровских; в Западном Казахстане они не выявлены, а козубердинские включены в "алакульскую культуру" не правомерно; ошибочна характеристика памятников бронзового века Средней Азии; не разработана хронология.

^{**} К.В.Сальников /Сальников, 1967, с. 23/ отрицал наличие федоровских черт в комплексе; подтверждает точку зрения А.В.Збруевой федоровский тип сосуда с каннелюрами.

Түр зона		Алакуль	Кожумберды	Федорово
I венчик	1			
	2			
	3			
	4			
	5			
	6			
II шейка	1			
	2			
	3			
	4			
	5			
	6			
	7			
III плечо	1			
	2			
	3			
	4			
	5			
	6			
	7			
	8			

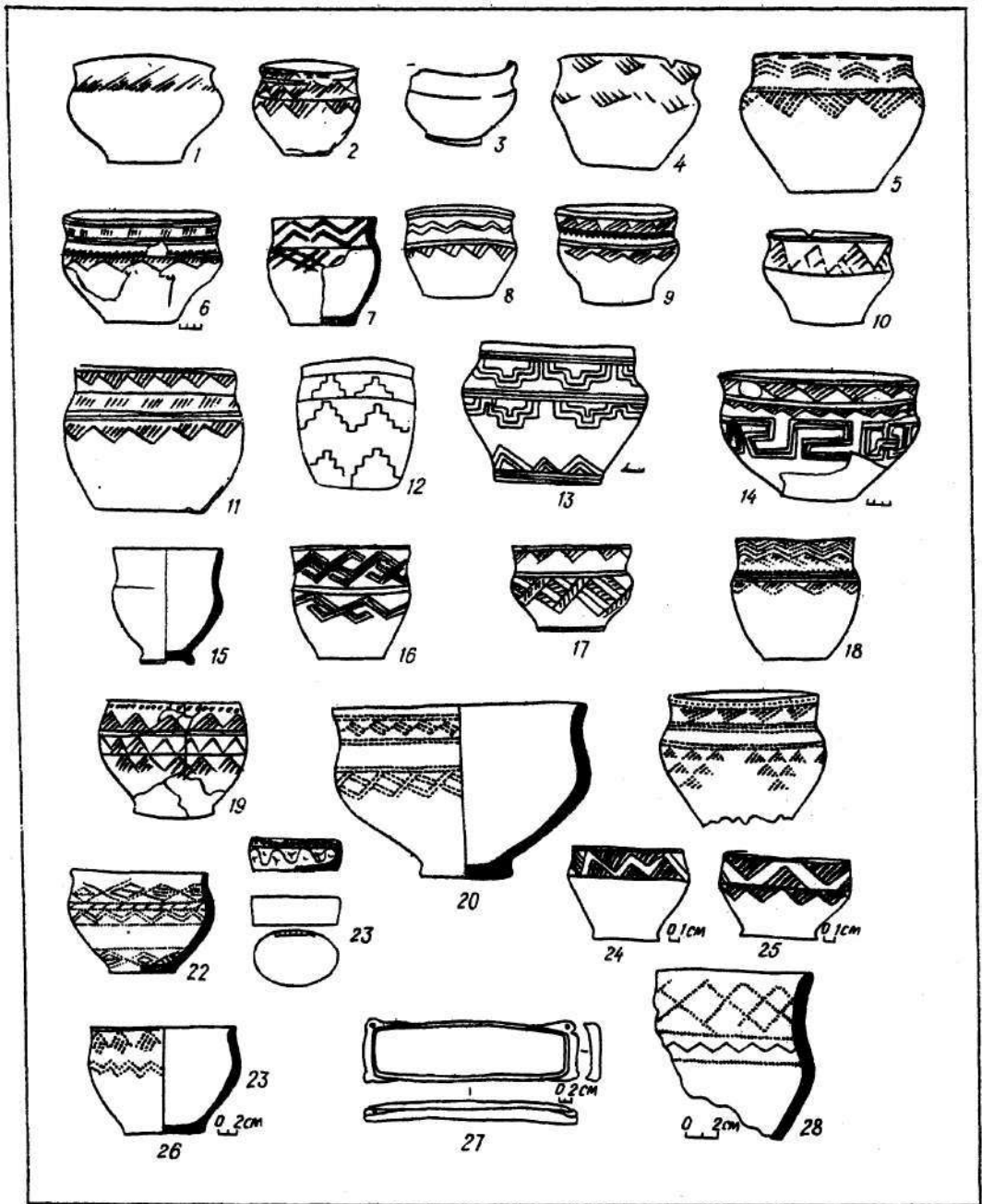

Рис. 3. Сосуды с андроновскими чертами из срубных комплексов Урала: 1, 4, 8 - У Бекешевский; 2 - Ишпаровский; 3 - Ишкуловский; 5, 11, 13 - III Комсомольский; 6, 14 - У Комсомольский; 7, 9, 10 - Пестровский; 12 - III Тавлыкаевский; 15-18 - Агаповка II; 19 - III Казбуруновский; 20 - II Малокызильский; 21-24, 25 - Кошкара; 22 - Верхнее Аташево; 23 - Новоболтачевский; 26-28 - Давлеканово

сожжение в результате поджога перекрытия, а в синхронных могильниках Комсомольский III; Бикешевский IV - андроновские каменные перекрытия и вымостки, алакульские лощенные сосуды с примесью талька; последние представлены также в Пестровском, Тавлыкаевском III и IV, Комсомольском V могильниках. Их культурная принадлежность устанавливается по корреляции формы сосуда с уступом со специфическими орнаментами: пирамида, прямой меандр, перевернутые треуголь-

ники. Особый интерес представляют комплексы Верхнеаташево и Алымкулметово I, курган 15: здесь на сосуди с округлым плечом нанесены ромбы и вертикально заштрихованные меандры кожумбердинского типа (Сальников, 1967, с. 167, 168, рис. 18, 13; 19, 7; 25, 1, 2, 6; 26, 8; Ахмеров, с. 81-91; Збруева, Ионов, с. 66, 69, рис. 10, 1; Морозов, Шенячник, с. 11-13, рис. 2; 3, 2, 3; 4, 1-3, 9; 5, 2, 6-10). Дата срубных могильников Башкирия, по обряду и инвентарю относящихся ко второму этапу срубной культуры, а по стратиграфии следующих за абашевскими, определяется третьей четвертью II тыс. до н.э. Таким образом, в Башкирии в XV-VIII вв. до н.э. фиксируются контакты абашевского населения с федоровцами, а у сменявшего его срубного населения - одновременное взаимодействие с федоровцами, алакульцами и кожумбердинцами.

Северо-западный путь продвижения андроновцев шел по р. Белой. Близком их воздействие был бассейн Оки: на поселении волосовской культуры Коломозина, относящемся к досефиминскому горизонту, найден федоровский сосуд на кольцевом поддоне с косыми треугольниками зубчатого шпала (Бабер, с. 327).

На юге Татарии и в Ульяновской обл. на левобережье Волги регулярные кострища и трупосожжения в больших могилках с деревянным накатом и иногда срубом выявлены на ряде могильников: Развез, Новый Урень, в других могилках которого найдены горшки с абашевскими чертами; Магдлашевский III (курган 6), основная могила 8; в Кайбалах (курган 24) в центре - костер-жертвенник, при нем острореберные сосуди и один ложенный андроновский; в кургане 23 кремации в основных больших могилках, а в других погребениях - горшки с андроновскими чертами: трапчастная форма, зональный декор, федоровские горизонтальная алка на округлом плече и криволинейные фигуры в сочетании с алакульско-кожумбердинскими ромбами и перевернутыми треугольниками (Халиков, с. 226, 227; Збруева, 1948, с. 25, 26, рис. 8, 3, 4; Мерперт, 1958, с. 92-94, рис. 6, 1, 2, 5-7/рис. 4).

Западное направление андроновской экспансии прослеживается из южного Приуралья по Самаре. В кремациях срубных могильников Черновка, Домашка, Новая Ешланка и других нет определяющих для андроновской культуры элементов. В срубно-алакульских могильниках Дубовое, Новобелогорка, совхоза им. Свердлова, Погромное, Герасимовка I, III, Краснохолм, Бурдигино могилки изредка ориентированы по-андоновски на запад и перекрыты каменными плитами или обложены каменным кольцом (Дубовое, Новобелогорка, Бурдигино, Ибрагимово) и содержат срубные и алакульские сосуди сол-шлепного варианта (Сальников, 1957, рис. 17, 33, 38; Федорова-Давыдова, 1973, с. 168-170, рис. 1, 1, 8-11; 1969, с. 163, 173, 174; Зудина, Кузьмина, с. 174). В Герасимовке I выявлено пять трупосожжений (курганы 8/1; 9/2; 13/14; 15/8, 15/9), сопровождаемых алакульскими с петровскими элементами и срубными сосудами. Федоровская принадлежность сожжений подтверждается находками ребер (курган 8/3). При кремациях в совхозе им. Свердлова и Бурдигино (в том числе - в сосуде и под обожженной площадкой) найдены сосуди с ребром, ромбами и меандром и с рядами равнобедренных треугольников, датруемые по костяному кольцу покровского типа вторым этапом.

В Погромном (курган 4/3) открыто сожжение, в других могилках - срубные и андроновские горшки кожумбердинского типа с косозаштрихованными зетобразными узорами и меандром (Сальников, 1950, с. 311-318, рис. 3, 7; Э.А.Федорова-Давыдова (Федорова-Давыдова, 1973, с. 172) синхронизировала комплекс с Герасимовкой, но, судя по отсутствию архаических черт, он более поздний²².

На стоянках Балейка и Ивановская (верхний слой) в Оренбуржье в комплексе со срубной керамикой без налепного валика найдены федоровские блинда²³.

²² Отнесение комплекса к черкаскульской культуре (Стоколос, с. 86-92) не правомерно из-за отличия погребального обряда и керамики.

²³ Находки В.И.Горяинова и Н.А.Габелко.

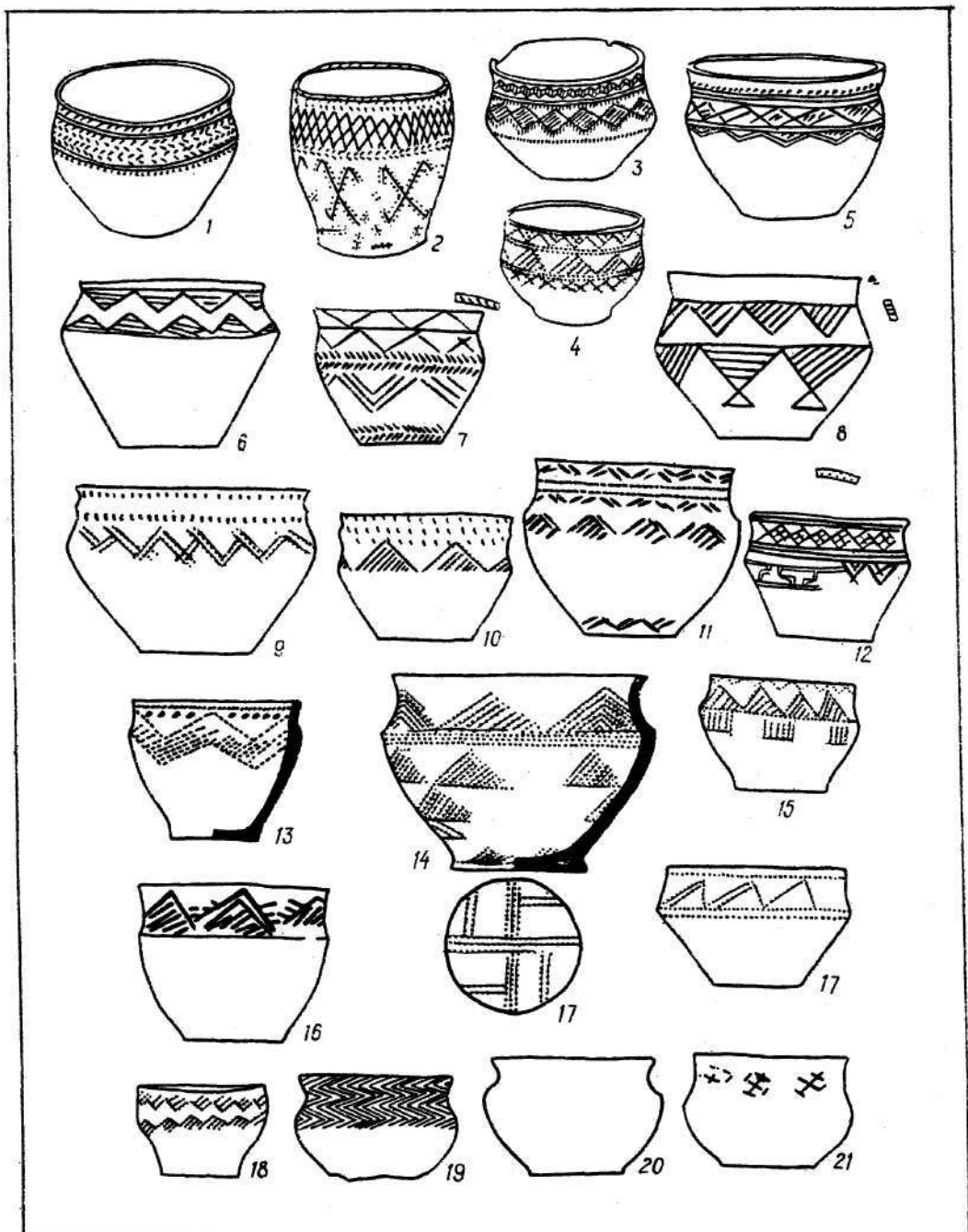

Рис. 4. Сосуды с андроновскими чертами из срубных комплексов Поволжья: 1-5 - Кайбелы; 4 - Луначарский; 7 - Преполовенка; 8 - Рождественский; 9, 10, 16 - Староивановский; 11, 12 - Золотая Нива II; 13 - Киевский; 14 - Васильевский; 15 - Каменный Врэг; 17 - Черновка III; 18 - Ягодное; 19, 20 - Кировское поселение; 21 - Андросовка I

Таким образом, в срубно-андоновском ареале Приуралья для некоторых группосожжений удостоверяется их федоровская принадлежность; сожжения синхронизируются с алакульским и кокумбердинским андроновскими типами и срубной культурой второго этапа.

Вниз по р. Илек и Урал различные проявления огненного ритуала, аналогичные выявленным в Куйбышевском Поволжье первого этапа, зафиксированы в Тербутаке, кордоне Деркульском; кремации на стороне - в Узеньях в погребениях в Коо-Оба и Мамай, датруемых вторым этапом по ножи, булаве, костяным из-

деллям покровского типа; в Новоаплавовке второго этапа сожжение перекрытия связывается с андроновским воздействием благодаря находкам сосудов с андроновскими чертами, что заставляет вспомнить кремацию в алакульском могильнике сользлянского варианта Мечетсай [Нефедов, с. 5, 17; Рыков, 1926, с. 107; Федорова-Давыдова, 1973, с. 167; рис. 1, 1, 3; Малезчиков, Кригер, Давыдова, с. 51, 4, Кушаев, Кожабаева, с. 536].

К западу от контактной срубно-андоновской зоны по левым притокам Волги в районе Куйбышева сожжения открыты в могильниках: Каменный Враг, Лузановка, Четирювка, Старая Ивановка, Хрящевка, Луначарский, Черновка, Нижнеозерецкое, Владимировка, Новоаплавовка, Солнечный, Андросовка, Кировский II, Новинки; андроновская, преимущественно федоровская посуда найдена на ранних поселениях Комаровском, Борок, Исакин [Васильев, 1976, 1977; Васильев, Лятых; Агапов, Васильев, 1983, с. 12, 13, 21-24, рис. 12; Егугулина, с. 73, 74; Зудина, 1981; Алихова, 1958, с. 177, рис. 5, 4; 13, 1-3; 1960, с. 100, рис. 1, 1, 8; Кривоцова-Гракова, 1948, с. 37, 47, рис. 7, 8-11]. В могильнике на множество ингумаций приходится одна-две кремации. Последние стратиграфически синхронны остальным срубным могилам или являются основными в курганах [Нижнеозерский 1/1, Луначарский 1/1; 2/1, Хрящевский 5/1; 7/1; Черновский 1, Владимировка 1/1] (рис. 5).

Куйбышевскими исследователями они разделены на два периода [Агапов, Васильев, с. 12, 13]. К первому синхронному бережковскому горизонту по Н.К. Качаловой, датируемому XVI в. до н.э., относятся могильники Нижнеозерецкий, Федоровский, Луначарский, Новоаплавовский, Солнечный. Для них характерны многообразные проявления культа огня: костер на жертвенной площадке, огонь на перекрытии могилы, зольное заполнение ямы, помещение зольи на органической подстилке или охристой подсыпке. Эти элементы огненного ритуала чужды федоровской традиции, но отмечается на памятниках петровского [Зданович, 1983, с. 55, 57] и ситаштинского [Тенинг, с. 71] типов, объединяемых нами в новокумакский горизонт, синхронизируемый с бережковским. И.Б. Васильев, С.С. Волковой и Р.С. Багаутдинов возводят истоки этих обрядов к ямной эпохе [Васильев, Волковой, 1978; Багаутдинов, 1984]. С этим, видимо, следует согласиться. Орнамент некоторых сосудов нижнеозерецкого могильника, на наш взгляд, сопоставим с петровским (трехзонная композиция, имитация каннелюр), как и сосуды из Луначарского, Преполовненки и Рождественского [Зудина, 1981, рис. 3, 5; 5, 7, 8].

Ко второму, синхронному покровскому горизонту и датируемому XV-XIV вв. до н.э., относятся могильники Лузановка, Староивановский, Четирювка, Подстепки, в которых 2 % составляют аналогичные федоровским кремации на стороне и имеются сосуды с андроновскими чертами, найденные также в Золотой Ниве, Андроновском II, Черновском, Киевском, Васильевском, Ягодном и на ряде поселений. Эту посуду И.Б. Васильев признал алакульской, В.Н. Зудина выявила в ней сочетанные алакульских и федоровских элементов [Агапов, Васильев, 1983, с. 21-24; Зудина, 1981, с. 105].

По нашей классификации алакульскими являются сосуды, сформованные (по наблюдениям В.Н. Зудиной и нашим) с использованием матерчатого шаблона и алакульским приемом наложения лент, образующих уступ; особенно интересны два сосуда из Староивановки с ребром на соединении лент венчика и шейки - раннеалакульским признаком, сосуды из Золотой Нивы с ромбами на венчике и пирамидой на плечике и горшки из Старой Ивановки, Золотой Нивы с равнобедренными треугольниками; некоторые сосуды алакульской формы украшены федоровским декором (например, из Лузановки с уступом и свисающими треугольниками на плечике и зигзагом, образованным противлежащими косыми треугольниками на шейке [Агапов, Васильев, 1983, рис. 12, 1; Зудина, с. 90, рис. 1, 2, 4; 3, 2; 4, 6; 5, 6].

К федоровским могут быть отнесены горшки с округлым плечом и декором

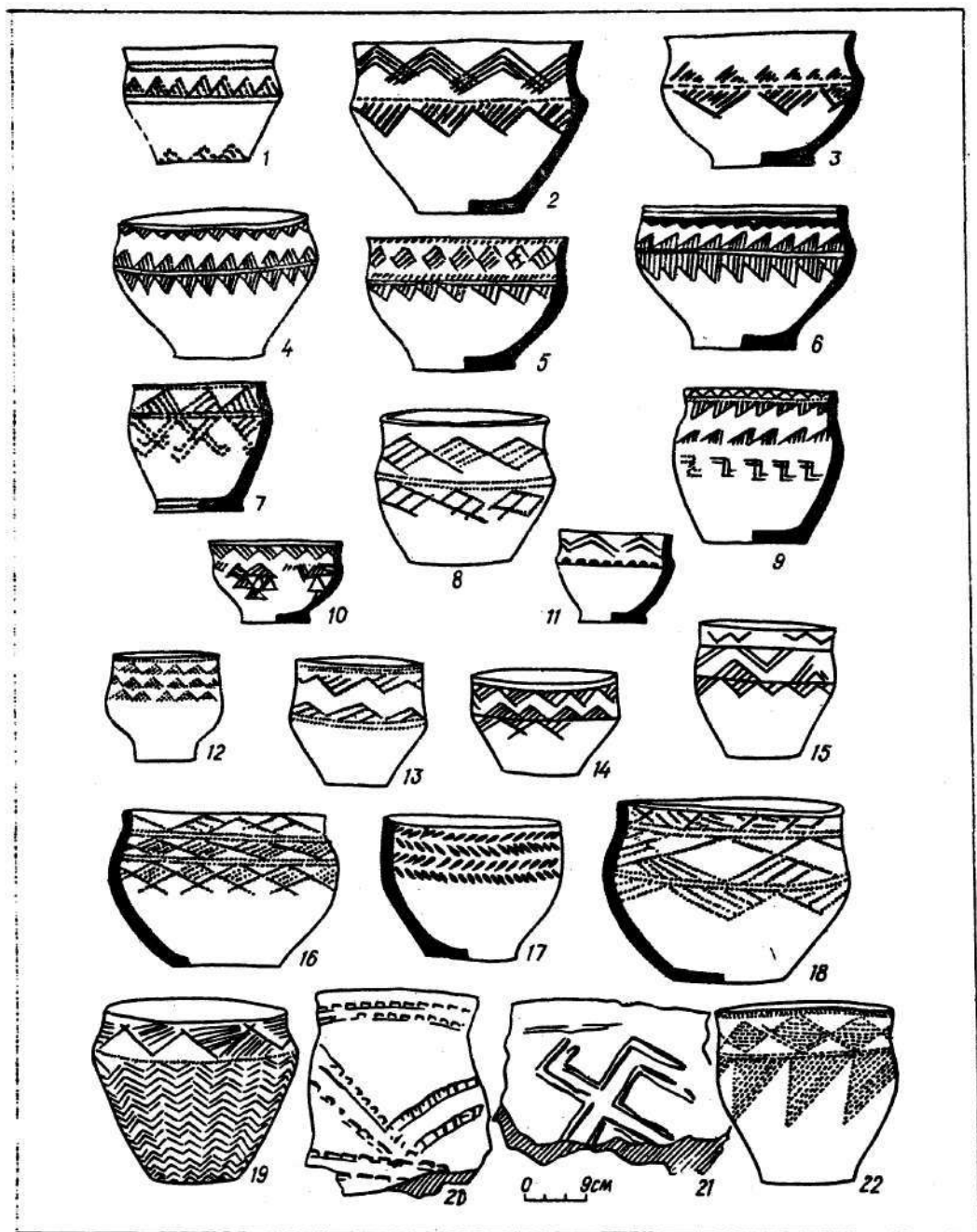

Рис. 5. Сосуды с андроновскими чертами из срубных могильников Поволжья: 1-11 - Лузановка; 12-18 - Хрящевка; 19-21 - Покровск; 22 - Березковка

мелкозубчатым штампом по кривой сетке. Таковы экземпляры из Ягодного с противолежащими треугольниками на венчике и шейке и с горизонтальной елкой из Кировского поселения [Зудина, рис. 2, 11; 4, 97].

Яркие андроновские черты выявлены в могильнике Хрящевка [Мерперт, 1954, с. 83, 100, 104, 109, 122, 126, 131, 147, рис. 20, 7, 18, 25; 25, 21; 29, 12; 37, 14; 1958, рис. 23]: при жертвеннике - кострище в кургане 8 помещен федоровский сосуд с округлым плечом и треугольными фестонами зубчатого штампа, в погребениях 5 и 8 - скопление угля и золы, 9-10 - ребра животного, в кургане 2 - две могилы, ориентированные на юго-запад, в других курганах - сосуды, по-федоровски орнаментированные по шейке зигзагом, образованным про-

тиволечащими треугольниками; ряд экземпляров украшен ромбами над или под ребром, горшок 4/21 - в сочетании с кокумбердинской застрихованной лентой на венчике; горшок 9/1 - с алакульской пирамидой. У ряда горшков из кургана 10 Федоровская форма с округлым плечом сочетается с алакульскими ромбами.

Особенно интересен керамический комплекс могильника Лузановка, в котором органически переплелись срубные, федоровские и алакульские черты: форма большинства сосудов острореберная и декор расположен в две зоны, но у некоторых сосудов по-федоровски сформированное округлое плечо и поддон, орнамент противоположными косыми треугольниками над ребром и свисающими треугольниками, фестонами фигурами иксов и зетов на плече [Васильев, 1977, рис. 6, 10, 16; 8, 12, 16; 13, 5, 12; 14, 2, 11, 17], у других - кокумбердинская застрихованная лента и ромбы [Васильев, 1977, рис. 4, 7; 13, 12; 14, 6; 15, 7, 8].

В могильнике найдены ребра животного и богатый андроновский набор украшений, плакированных золотом [Васильев, 1977, с. 32, 33, рис. 18]. По антропологическим данным одна группа срубного населения Поволжья близка носителям андроновского антропологического типа [Дебец, 1954, с. 483-482]. Область концентрации андроновских элементов на срубной территории совпадает с областью концентрации металлических изделий, андроновское ижморское происхождение которых подтверждается типологией вещей и составом металла [Черных, с. 85, 112, рис. 30; Корневский, с. 48-50, табл. 6; Зудина, с. 99-102], каменно-вражская булава изготовлена из нефрита, ближайшее месторождения которого есть только на Урале.

Дата могильников XV-XIV вв. до н.э. устанавливается по обряду, керамике, украшениям, ногам с намечающимся перекрестием (Лузановка), костяной имитации булавы в Лузановке и нефритовой булавы в Каменном Враге. Таким образом, кремации на стороне и керамика с федоровскими и алакульско-кокумбердинскими чертами в Среднем Поволжье синхронизируются со вторым этапом срубной культуры.

Другое направление культурных связей шло из Южного Приуралья по р. Большой Иргиз в Саратовское Поволжье. У Энгельса (курган 6) под обожженным перекрестием вскрыто тройное погребение в большой могиле: кремация и две ингумации (одна - на юго-запад), сверху вшито погребение покровского горизонта с ножом и каменной стрелой; в Старых Печурах при кремации найден сосуд, напоминающий федоровский; в Адоевщине - сожжение наката в кургане 1 кремации и ингумации в кургане 2 с керамикой второго этапа; в Покровском могильнике (курган 8) возможно трупосожжение, а не кенотаф, с ножом, копьем, костяными и кремневыми стрелами, а в кургане 5/2 - фрагменты керамики с федоровской косой соллярным знаком и узором зубчатым штампом; в Низовке курган 2 - кострище с глиняной обмазкой и центральная могила с трупосожжением; в Бородаевке (группа Рунтуль курган 5) основная большая могила 2 перекрыта слоем угля и плаха, заполнена углем и обожженными костями человека (сожжение на месте); в Макаровке курган 1 ямка заполнена золой, угольками и перекрыта выклом из основной большой могилы 1 с кремацией на стороне и ребрами барана и охрой [Синицын, 1947, с. 11, 69-74; 78-81, 119-121, рис. 43, 80; Максимов, 1979, с. 81; Смирнов, 1964, с. 175-177; Миронов, 1978, с. 60; Рыков, 1927, рис. 26, 28; Рыков, 1927, с. 76].

Для решения проблемы происхождения кремации в Нижнем Поволжье диагностически важен комплекс из кургана 2 [Синицын, 1947, с. 72-74, 77-81, рис. 54, 55, табл. 7, 2, 3]. В центре его - сложное деревянное сооружение, под ним - кости, трупосожжения и острореберный сосуд и рядом - ямка с золой; в основной могиле 4 положен мужчина, при нем мел, охра, сосуд, костяные стрелы, трубочка и нож; в одновременной также основной большой могиле - корытообразный деревянный предмет с остатками кремации (имитация федоровского блюда), два

ребра коня (Федоровский ритуал), охра, мел, пастовые бусы, два сосуда с ребром и нож с намеченным перекрестием.

В Карамыше большая могила с пережженными костями содержит бронзовое копье, костяную трубочку и Федоровский сосуд с округлым плечом, богато украшенный по косой сетке флажками и свисающими линиями мелкозубчатого штампа; в соседней, видимо, одновременной могиле — пережженные кости и зола, в других погребениях — костяная и каменная стрелы, накладка деревянного сосуда и горшок адашевского типа [Максимов, 1956, с. 115-118, рис. 66-69].

Таким образом, в Саратовском Поволжье связь обряда сожжения с племенами Федоровской культуры подтверждается наличием у последних сосудов, подражающих Федоровским (Карамыш, Печуры), находками блюда (Макаровка, д 2) и обкладки деревянного сосуда (Карамыш), ребер (Макаровка д 1, д 2), ориентировкой могил на юго-запад и запад (Эггелс, Бородаевка, Карамыш). Могилы с Федоровскими чертами имеют выраженные черты покровского типа, что определяет Федоровскую дату XV-XIV вв. до н.э.

Связи алакульцев с Саратовским Поволжьем на покровском этапе подтверждаются находками сосудов, напоминающих алакульские, в Покровском могильнике (курган 35) и Балакове [Кривцова-Гракова, 1955, рис. 11, 3; Атанов, Ватазина, Пестрикова, 1978, с. 151]. Разнотипная андроновская посуда представлена на поселениях по Б. и М.Иргизу и в Хвалынском районе [Синицын, 1949, с. 195; Непочатых, с. 61].

В Волгоградской обл. памятники с андроновскими чертами концентрируются на левобережье, куда путь со среднего течения р. Урал проходил по Узеньям и Бруслану. В Политотдельском (погребение 4/29) пережженные кости осыпаны в горшок, кремация синхронизируется со срубными могилами; в погребениях 9/17 и 27/4 найдены сосуды с округлым плечом и имитацией Федоровских каннелюр, в первом случае — в сочетании с елкой зубчатого штампа до дна [Смирнов, 1959, с. 280, 302, рис. 28, 8; 35, 11], в Бережновке (погребение 5/21) и Потемкино (курган 11) — близкие Федоровским сосуды с округлым плечом и свисающими косыми треугольниками зубчатого штампа на плечике, но с ромбами на венчике; в Скатовке (курган 17) в погребении 4 с архаическим ножом — лощеный сосуд с округлым плечом на поддоне с зональным орнаментом зубчатого штампа, не только по форме, но и по технологии подражающий Федоровским [Синицын, 1953, с. 85, рис. 36, 4; 1959, с. 56, 72, 174, рис. 6, 7; 58, 4, 5]; в Быкове I, курган 1, в основной могиле 5 — скопления золы, каменная булава, костяное кольцо, сосуд и два конских захоронения (К.Ф.Смирнов считает могилу кенотафом, но скорее это остатки кремации); в могиле 1 при женском захоронении с ножом — угольная прослойка; в могиле 6 кургана 13 под сгоревшим накатом — обгоревший скелет мужчины на спине с согнутыми ногами в слое золы и угля сосуда, один из которых украшен зигзагом из противоположащих углов; в могиле 3 кургана 9 при женском скелете у черепа в ямке скопления золы; в Быкове II в центре кургана 1 в погребении 12 — трупосожжение на стороне; в детском погребении 3 — сосуд, по-кокумбердински орнаментированный косо заштрихованным меандром [Смирнов, 1957, с. 2-14; 20-32, рис. 1, 2, 3; 1960, с. 171, 173, 174, 196, 207, 225, 245, 246, рис. 14, 15; 21, 3]. Крайним юго-западным пунктом проникновения Федоровского влияния является комплекс сосудов с округлым плечом, орнаментированных зубчатым штампом из-под Астрахани².

Присутствие андроновского компонента в срубных сериях черепов Нижнего Поволжья отмечено антропологическими исследованиями [Гинзбург, с. 525, 534, 540; Глазкова, Чтецов, 1960, табл. 5].

Таким образом, на Нижней Волге распространение кремации связано именно

² Сборы Филиппченко. Астраханский музей.

с андроновским, прежде всего — федоровским, а также кожумбердинским влиянием.

Путь андроновского проникновения в Подонье проходил от излучины Волги у Волгограда к Дону и по донским притокам Иловле и Медведице. В лесостепной зоне известны поселения Лукьяновка, Костенки, могильники Владимировка, Новосадовка, Плотавка и другие с керамикой, сочетающей сосуды с округлым плечом и с уступом; оба типа покрыты лощением и богатым орнаментом гладкого, чаще зубчатого штампа по прямой сетке, иногда заполненным пастой; ромб, крест, соллярный знак, зетобразный и усложненный меандр из поперечно заштрихованных лент, а также декор, выполненный по косой сетке и включающий косые треугольнички /Кривцова-Гракова, 1955, с. 87-89, рис. 17; 18, 3, 8-16; 19, 7, 11, 12; Качалова, с. 11, 13, рис. 3, 4/. На поселении Раздольное федоровские фрагменты обнаружены в нижней прослойке срубного слоя, перекрытой срубно-алакульской /Пряхин, с. 146, 152, 153, рис. 4/.

В степи в могильнике Закавалный открыто раннесрубное погребение с посудой со шнуровым орнаментом и федоровским горшком с округлым плечом, орнаментированным горизонтальными каннелюрами; в Волгодонске — сожжение, сопровождающееся костяной пряжкой с двумя отверстиями, датирующей комплекс XII-XIV вв. до н.э.; сожжения на стороне выявлены в Сидорах (погребение 4/1) (а в другой могиле — сосуд с богатым декором), Арчелинском (погребение 9/4), Кременском I (погребение 3/2 — вместе с деревянным сосудом) и Кременском II (погребение 3/1 — вместе с ребром домашнего животного), удостоверяющими федоровское происхождение кремации /Шилов, с. 92, 95, 97, 98; рис. 4, 2-4; 5, 7/. На правом берегу Дона два сожжения открыты в грунтовом могильнике Ливенцовка в каменных кольцах-кромлехах, еще одно — в Меркуловском.

Кремации в Донбассе проанализированы Я.П.Гершковичем /Гершкович, с. 92-96/. К числу федоровских элементов в Подонье и Приазовье относится сооружение каменных ящиков чистой кладкой (Октябрьское, 5/1, 6/3, 4), помещение в могилу деревянного блюда (Донецк, 3/1), изготовление сосудов на поддоне (Донецк, 2/4) и орнаментация свисающими косыми треугольничками зубчатого штампа (Донецк, 1/1) и др. Эти погребения стратиграфически перекрывают захоронения культуры многоваликовой керамики (далее КМК) и предшествуют впускным сабатиновским, то есть относятся к XV-XIV вв. до н.э. К аналогичным выводам пришел А.С.Беляев /Беляев, с. 9-11/, составивший сводку данных по сожжениям на Северском Донце, составляющим 2 % захоронений и отмеченных только на ранних памятниках: Ковалевка, курган 11/2, Аяновское поле, 2/4, 4/4; в могильнике Николаевка на р. Кальмиус в кургане 2 открыто 11 погребений, перекрытых каменными плитами и содержащих сосуды андроновских форм с округлым плечом или с уступом /Привалова, Привалов, Зарайская, 1978, с. 375/.

По Дону прослеживается путь распространения обряда кремации и андроновской керамики в левобережное Нижнее Поднепровье. Кремации на этой территории анализировались В.В.Отроценко /Отроценко, 1976, с. 172-187; 1981, с. 12, 18, 19; 1979, с. 318; Кубышев, Пуотовалов, Телегин, с. 307; Козловский, Пуотовалов, Шилов и др., с. 307, 308/, насчитавшим 47 сожжений на стороне и 7 — на месте; и здесь они появляются в момент прихода племен срубной культуры с востока и представлены на ранних памятниках, несущих традиции КМК /Попова Балка, курган 1/ и сохраняются в комплексах второго этапа, что устанавливается по типу больших могил с деревянными конструкциями, остроугольным сосудам, деревянным чашам, окре, мелу. Андроновское происхождение обряда подтверждается тем, что могилы с сожжением иногда соседствуют с ингумацией в каменных ящиках, главное же — встречаются сосуды, по технике, форме и орнаментации подражающие федоровским. В.В.Отроценко синхронизирует их с трупосожжениями второго этапа Поволжья и заключает, что "обряд кремации имеет общее для всей срубной культуры происхождение, будучи воспринятым от федоровских племен" и

"в результате миграции срубных племен... достиг в XV-XIV вв. до н.э. Полнепронья".

Наиболее яркие следы федоровского воздействия на Украине выявлены в междуречье Самары и Орели на памятниках выпаленного И.Ф.Ковалева маевского типа. Для них характерны групоположения и сожжения (десять полных, три частичных), сосуды с традициями кмк, срубные острооберные и близкие федоровским /Ковалева, Волковой, с. 6, 10-13, 15, рис. 3, 1, 3; 9, 11; Волковой, 1980, с. 69-71; рис. 1, 4, 8, 10, 13, 15; 2, 2, 3, 5/. Маевские памятники отражают период формирования срубной общности в результате консолидации местной кмк и андроновско-срубного инфильтрата и относятся к XV-XIV вв. до н.э. К числу федоровских элементов в них принадлежат ребра животных, овальные деревянные бляды и керамика, в том числе кубковидные сосуды, оформленные с соблюдением федоровской традиции с дополнительной подлешкой дна (способ 1). Они хорошо залощены, орнамент нанесен по косой сетке, горшки из Маевки (XIV, 8/1), Александровки (1, 7/1) и Дмухайловки (VII, 1/2) украшены горизонтальными каннелрами, кубки из Придонки и Маевки - горизонтальной елкой по шейке, последний - в сочетании с косыми треугольниками. Это доказывает правомерность сопоставления С.С.Волковым маевского комплекса с федоровской посудой.

Пересмотр данных об андроновских элементах на территории всей Украины проведен С.С.Березанской и Я.П.Гершковичем (рис. 6). На проанализированных ими горшках и кубках к числу федоровских элементов принадлежит форма ряда экземпляров с округлым плечом и малым дном, часто на кольцевом или сплошном поддоне, иногда орнаментированном каннелрами; зональное расположение декора на венчике, шейке и плечике; орнаментация шейки каннелрами или их имитацией /Березанская, Гершкович, рис. 1, 7; 2, 2, 3, 5, 8, 9; 3, 1-9/, нанесение узора по косой сетке /Там же, рис. 1, 1, 3; 2, 4, 5, 6, 8, 9; 3, 5, 8, 9/; горизонтальная елка на шейке; свисающие косые треугольники на тулове /Там же, рис. 1, 2; 2, 5, 6, 8, 9; 3, 5, 9/.

К числу алакульских элементов принадлежат уступ на плечике, ромб, пирамида /Там же, рис. 2, 1, 9; 3, 10/.

Особый интерес представляют кубки /Там же, рис. 3, 2, 8; Волковой, 1980, рис. 1, 4, 13; 2, 27/ и горшки из Кута (курган 32/9), Александровка (XII/2) и Аккермени (9/2). Они имеют округлое плечо и небольшое дно, все три украшены по плечу свисающими треугольниками, выполненными зубчатым штампом или веревочкой, сочетавшимися на сосуде из Кута с горизонтальной елкой на шейке, а на александровском - с каннелрами. Посуда из Орджоникидзе /Березанская, Гершкович, рис. 2, 9/, Кичкаса сформирована федоровской техникой с подлешком поддона к округлому дну, орнаментирована каннелрами, подчеркивавшими конструктивные зоны по венчику, плечу и поддону, и свисающими треугольниками по косой сетке и противолежащими треугольниками у дна. Таким образом они создают характерную для федоровской керамики ломаную ленту в нижней части, но в сочетании с алакульскими ромбами на венчике. Сосуд из Александровки, сопоставленный с черкаскульской керамикой /Там же, с. 101, 106/, представляется наиболее вероятным связывать с позднефедоровской керамикой, известной по поселению Дуванское /Корочкова, Стефанов, с. 147, рис. 1, 1, 4, 7/. Принципиально важно пролеженное С.С.Волковым и нами использование при формовке некоторых из отмеченных сосудов федоровской технологии и присутствие на многих экземплярах не одного, а нескольких федоровских элементов, а также то, что почти классические федоровские горшки из Александровки и Донецка найдены при трусовожжениях, в последнем случае - даже в сочетании с каменными конструкциями. Как мне кажется, все это не оставляет сомнения именно в федоровском происхождении основных андроновских элементов на Украине.

Однако на большинстве сосудов федоровские элементы сочетаются с чуждыми

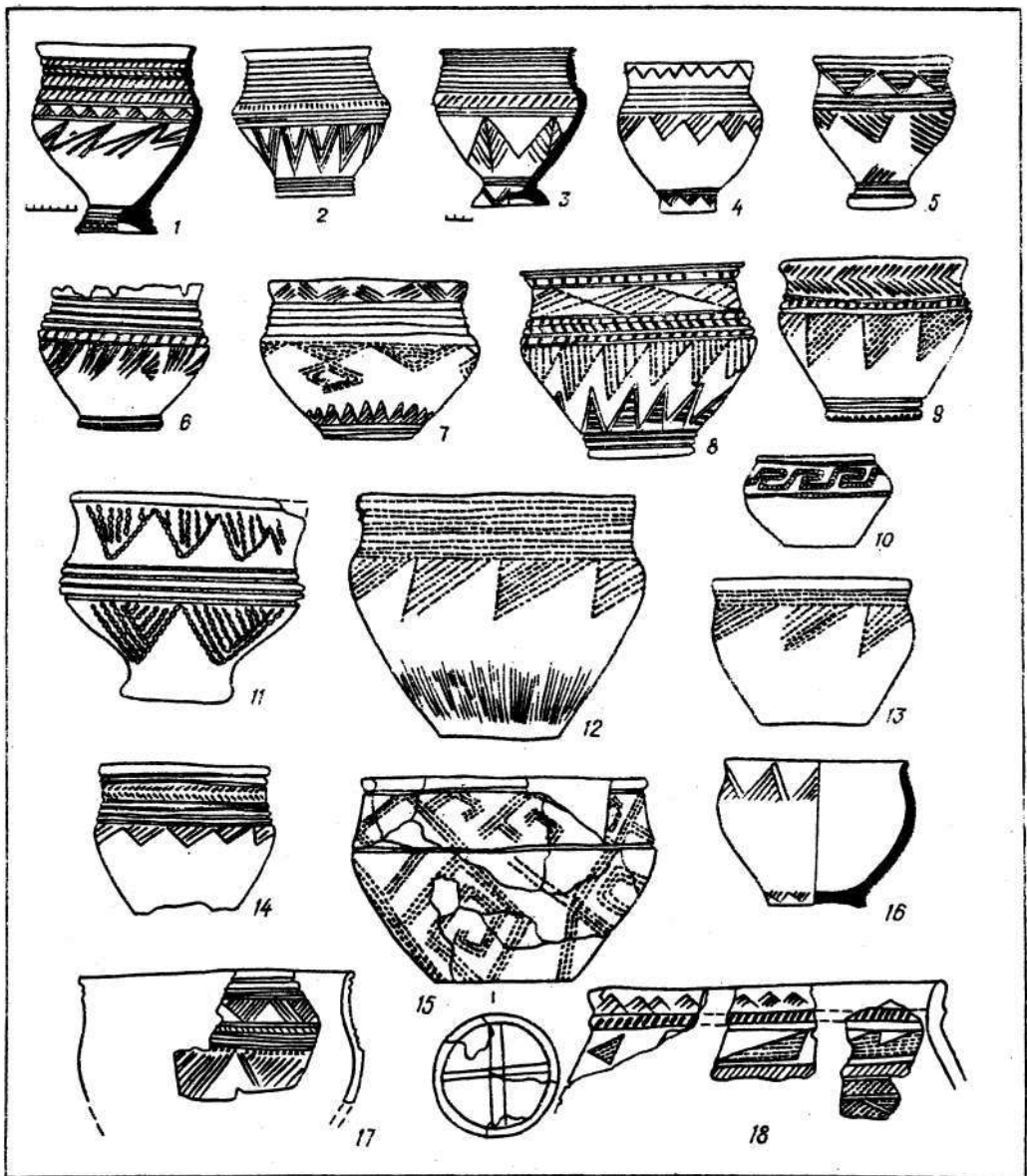

Рис. 6. Сосуды с андроновскими чертами из срубных комплексов Украины (по рисункам С.С.Березанской, С.С.Волкобая и Я.П.Гершковича):

1, 2, 16 - Маевка; 3 - Александровка; 7 - Михайловка; 8 - Орджоникидзе; 9 - Кут; 11, 13 - 1 Донецкий; 14 - Усово Озеро; 17 - Ильичевка; 18 - Александрия

признаками. Специфика формы, наличие ребра на плечике (обычно рассматриваемо как алакульский признак, хотя он в равной мере может расцениваться как отражение технологии формовки срубных остросреберных горшков), замена андроновского трехзонного размещения декора обычным для остросреберных срубных сосудов расположением узора двумя зонами над и под ребром, господство равнобедренных треугольников вершиной вниз, характерных не только для алакульских, но и для срубных сосудов, и, наконец, специфически срубные элементы: поперечно заштрихованные треугольники; заполнение фигур вписанными углами и крестами; использование веревочного орнамента /Березанская, Гершкович, рис. 2, 2; 3, 1, 4, 7, 9-11*.

* В погребениях с сожжениями от Урала до Украины часто присутствует орнамент, вероятно, имеющий особую семантику, - в виде противоположащих треугольников, образующих зигзаг на шейке (Кошкара, Новоболтачево, Черняки I, Герасимовка, Мечет-сай, Бурдыгино, Увак, Хрящевка, Лузановка) и сочетание ромбов на шейке со свисающими треугольниками на плечике.

Таким образом, рассматриваемые сосуды (как и поволжские) изготовлялись не федоровскими, а срубными мастерами в подражание андроновским образцам, что подтверждается и результатами анализа горшка с Усова Озера [Там же, с. 108]. Украинские кубки и горшки с андроновскими чертами по совокупности элементов (в отличие от поволжских) находят наиболее близкие аналогии в памятниках не Урала, а Центрального и отчасти Южного Казахстана. Именно для памятников федоровского типа Центрального Казахстана особенно характерна формовка сосудов на сплошном и коническом поддоне, кубки, свисающие косые треугольники на плече и противолежащие у дна [Маргулан, Акжиев, Калырбаев и др., табл. I, 4-6; 7], каменные, в том числе пистовые, конструкции. Эти же черты присущи памятникам смешанного таутаринского типа Южного Казахстана [Максимова, рис. 6, 9, 11; 14; 15, 3], где господствующие федоровские элементы сочетаются с некоторыми алакульскими (небольшое количество сосудов с уступом, нарушение зональности узора, пирамида, треугольники над и под уступом).

Как объяснить связь столь отдаленных племен? С.С.Березанская и Я.П.Гершкович [Указ. соч., с. 108] отметили, что в отличие от Поволжья на Украине корреляция погребений с андроновскими чертами с распространением андроновского металла нет. Однако металлурги Украины широко использовали на втором этапе срубной культуры высокооловянистые бронзы, а ближайшие месторождения касситерита находятся именно в Центральном Казахстане, причем в андроновскую эпоху разработка руды достигала там огромных размеров; через Центральный Казахстан шел и экспорт олова, добывавшегося федоровскими металлургами в Южном и особенно Восточном Казахстане [Сатпаев, с. 63-78; Черников, с. 58-62; Маргулан, с. 25-30, 1972]. Не этим ли обусловлено присутствие федоровских казахстанских элементов на срубной посуде Украины? В этой связи существенно, что на месторождениях в Донбассе, разрабатываемых племенами срубной культуры, присутствует андроновская керамика [Татарянов, с. 37*].

На Западе федоровские элементы часто выступают в сочетании с алакульскими - видимо, правн С.С.Березанская и Я.П.Гершкович, полагая, что смешение двух групп андроновского населения уже произошло на исходной территории, откуда они начали движение. Памятники с сожжением и андроновской керамикой составляют сплошные цепочки, вытянутые по рекам, смыкаясь от Придуралья до левобережной Украины; они появляются только на левобережной Украине и только с момента прихода срубников с востока, - это заставляет отказаться от мнения о западном происхождении кремации [Иваглий, Черняков, 1970, с. 110, 111] и присоединиться к мнению тех исследователей, которые связывают появление кремации и андроновской посуды с влиянием федоровской культуры [Щепинский, 1966, с. 23; Отрошенко, 1976, с. 184; Ковалева, Волковой, 1976, с. 19, 20; Гершкович, 1978, с. 94; Балаяв, 1980, с. 9-11; Березанская, Гершкович, 1983, с. 100, 106].

Представляется, что различные проявления огненного культа в погребальном обряде, существовавшие у петровских и срубных племен на первом этапе, у племен алакульской и срубной культур на втором этапе были в основном изжиты или сохранились лишь пережиточно для захоронения особых социальных групп (возможно, жрецов), как это практиковалось у скифов. У федоровских племен господствующим погребальным ритуалом была кремация на стороне, и спорадическое появление этого обряда в других культурах обусловлено их влиянием.

Как уже отмечалось, андроновские черты характерны для памятников раннего предсабатиновского этапа и датируются XV-XIV вв. до н.э., что дает основание синхронизировать с ними в Придуралье и Казахстане федоровские памятники и отчасти рассматривать дату украинских комплексов как *terminus ante quem* для андроновских.

* В более древнем Калининском могильнике мастер-литейщик по антропологическому типу близок андроновскому [Гинабург, с. 525, 540].

Таким образом, анализ обряда трупосожжения и федоровских элементов на Украине подтверждает выводы, полученные ранее при рассмотрении материалов Приуралья и Поволжья. Выводы о возможной синхронизации памятников федоровского типа с покровскими и отнесения их к XV-XIV вв. до н.э. Это заставляет отказаться от гипотез В.С.Стоколоса и Н.А.Аванесовой, относящих все федоровские комплексы лишь к XIII в. до н.э. Гипотеза В.С.Стоколоса основана на отрицании стратиграфии поселения Кипель, где К.В.Сальников выявил закрытый ранний комплекс сосудов федоровской культуры [Стоколос, 1972, с. 97, 98, рис. 25, 2, 4, 6]. Известно, что подобные сосуды характерны для всех федоровских поселений и многих погребений [Максименков, 1978, с. 91, табл. XIII, 4; XLVII, 3; LI, 4, 8, 16]. Важно и то, что при последующей проверке не подтвердился ни предполагавшаяся В.С.Стоколосом хронология абаевских памятников (XIII в. до н.э.), ни идея о сложении федоровской культуры в Сибири. Последняя явногласно отвергается М.Ф.Косаревым, Г.А.Максименковым, В.И.Молодихин. Таким образом, основные посылки, на которых строилась гипотеза В.С.Стоколоса о поздней дате федоровской культуры, оказались ошибочными.

Датировка Н.А.Аванесовой основана на анализе металлических изделий из комплексов федоровской культуры. Предложенная ей дата (XIII в. до н.э.) представляется аргументированной, но справедливой только для периферийных позднейших федоровских могильников.

По предлагаемой нами классификации [Кузьмина, 1982, с. 49, 50; Кузьмина, Мерперт, Шклов, 1981, с. 96] памятники федоровского типа делятся на поздние, распространенные на периферии, характеризующиеся деградировавшей керамикой, некоторыми особенностями погребального обряда и богатым набором металлических изделий XIII в. до н.э., и ранние, распространенные на основной части андроновского ареала и характеризующиеся описанными выше керамикой и погребальным обрядом. Дата раннефедоровских комплексов устанавливается XV-XIV вв. до н.э., во-первых, по единичным находкам в погребениях ножей с выемками в основаниях (Урефты, Боровое, Малый Койтас, Семипалатинские долины), аналогичных алакульским и срубным; во-вторых, по совместным находкам в погребениях алакульских и федоровских сосудов (Кинзерский, Исаково, Сухомесово, Сосновка) и трупосожжений в могильниках алакульских (Субботино, Черняки II и др.), срубно-алакульских и срубных в Приуралья и в районе Магнитогорска; в-третьих, на основании единичных находок раннефедоровских сосудов на доандроновских памятниках Сибири (Самусь, Преображенка III); в-четвертых, на основании рассмотренных выше данных о федоровских элементах в срубной культуре, что имеет решающее значение для уточнения нижней даты памятников федоровского типа Урала и Казахстана.

Смешанные памятники кокумберинского типа также синхронизируются со вторым этапом срубной культуры, но в ряде случаев устанавливается их несколько более поздний возраст по сравнению с алакульскими и федоровскими.

Верхняя же дата памятников федоровского типа - XIII в. до н.э. - корректируется находками позднефедоровской деградировавшей керамики, сближающейся с черваскульской, на позднесрубных поселениях Поволжья, характеризующимися керамикой с наленным валиком: Сускан, Осиновские ямы, Булькуновское, Монашеский хутор, Кириличные сарай, Постников овраг и других [Мерперт, с. 130-133, рис.21; Васильев, 1975, с. 75, рис. 8, 9; Агапов, Васильев, 1976, с. 119, 120, рис.12; Их же и др., 1983, с. 26, 27; Зудина, 1981, с. 105, рис. 6], датирующихся по находке в Осиновском фрагменте князевосновомазинского типа XIII в. до н.э.

Позднефедоровская керамика есть и на позднебронзовых стоянках атабаевского этапа в Приказанье и в Башкирии (Ахметово I, II, Луговское) [Збруева, 1960, с. 16-19, рис. 4, 5, 1; 6, 4, 6; Збруева, Тихонов, 1970, рис. 6, 4, 5, 8]. На Украине же в эпоху поздней бронзы андроновских проявлений уже не прослеживается.

- Аванесова Н.А. Проблема истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1979. - С. 25.
- Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. - Куйбышев, 1976. - Вып. 2. - С. 113-135.
- Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И. и др. Работы на севере Саратовской обл. // АО 1977 г. - М., 1978. - С. 150-151.
- Агапов С.В., Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культура бронзового века Восточной Европы. - Куйбышев, 1983. - С. 7-59.
- Алихова А.Е. Комаровское поселение у Моечного озера // МИА. - 1958. - Вып. 61. - С. 157-180.
- Алихова А.Е. Памятники срубной культуры Самарской Луки // МИА. - 1960. - Вып. 80. - С. 96-119.
- Ахмеров Р.Б. Памятники срубноквальной культуры Башкирии // КСИИМК. - 1955. - Вып. 59. - С. 81-90.
- Багаутдинов Р.С. Погребения с сожжениями среднего и позднего бронзового века в Поволжье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1984. - С. 18.
- Балер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. - М., 1970. - С. 176.
- Беляев А.С. Поздний период эпохи бронзы пограничья степи и лесостепи в Днепровском Левобережье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1980. - С. 18.
- Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского Междуречья. - Челябинск, 1983. - С. 100-110.
- Васильев И.Б. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности. - Куйбышев, 1975. - Вып. 3. - С. 49-75.
- Васильев И.Б. Каменно-Вражский курганный могильник // Очерки истории и культуры Поволжья. - Куйбышев, 1976. - С. 4-23.
- Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник // Средневолжская археологическая экспедиция. - Куйбышев, 1977. - С. 5-43.
- Васильев И.Б., Пятых Г.Г. Новые трупосождения бронзового века в Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. - Куйбышев, 1976. - С. 39-51.
- Волковой С.С. Срубные погребения с трупосождением в Орельско-Самарском междуречье // Курганные древности степного Поднепровья. - Днепропетровск, 1978. - Вып. 3. - С. 98-101.
- Волковой С.С. Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье // Курганы степного Поднепровья. - Днепропетровск, 1980. - С. 69-75.
- Генниг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен // СА. - 1977. - № 4. - С. 53-73.
- Гершкович Я.П. К вопросу об андроновских элементах в срубной культуре на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. - Куйбышев, 1978. - Т. 221. - С. 92-94.
- Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья // МИА. - 1959. - Вып. 60. - С. 524-594.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы Сталинградской экспедиции // МИА. - 1960. - Вып. 78. - С. 285-292.
- Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана // Вестник центрального музея Казахстана. - Алма-Ата, 1930. - № 1. - С. 59-76.
- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казах. - 1981. - Вып. 1. - С. 172-215.
- Дебел Г.Ф. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Заволжья // МИА. - 1954. - Вып. 42. - С. 485-499.
- Мелезчиков Е.Ф., Книгер В.А., Далева С.М. и др. Раскопки курганов у с. Новосавлук // АО 1976 г. - М., 1977. - С. 513, 514.
- Игулина А.Н. Новые памятники срубной культуры в Куйбышевской обл. // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. - Куйбышев, 1976. - С. 73, 74.
- Зорueva А.В. Маклашевский могильник // КСИИМК. - 1948. - Вып. 23. - С. 22-30.
- Зорueva А.В. Могильник Метев-Тамак // КСИИМК. - 1958. - Вып. 72. - С. 28-36.
- Зорueva А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии. - М., 1970. - С. 40-127.
- Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской обл. // Вопросы археологии Урала. - Свердловск. - Вып. 12. - С. 21-43.
- Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петровского Прииштыя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1975. - 24 с.
- Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. - С. 48-68.
- Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА АН СССР. - 1984. - Вып. 177. - С. 29-37.
- Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // МИА. - 1965. - Вып. 130. - С. 177-181.
- Зудина В.Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. - Куйбышев, 1981. - С. 88-107.
- Зудина В.Н., Кузьмина О.В. Работа в зоне строительства Сорочинского водохранилища // АО 1977 г. - М., 1978. - С. 173, 174.

- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. - М.-Л., 1963. - С. 500.
- История Казахской ССР. В 5 т. - Алма-Ата, 1957. - Т. 2. - С. 100-188.
- Качалова Н.К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры АСТЭ. - 1974. - Вып. 16. - С. 5-18.
- Ковальова И.Ф., Волковой С.С. Майвский локальный вариант срубной культуры // Археология. - 1976. - Т. 20. - С. 3-21.
- Козловский А.А., Пустовалов С.И., Телегин Д.Я. и др. Раскопки курганов на Днепротролвинне // АО 1976 г. - М., 1977. - С. 307, 308.
- Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // ВСТЭ. - 1962. - Вып. 5. - С. 50-75.
- Кореневский С.Н. О древнем металле бассейна р. Самара // Средневожская археологическая экспедиция. - Куйбышев, 1977. - С. 44-55.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Поселение фелоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск. - 1983. - С. 143-151.
- Кривонова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ИУМ. - 1948. - Т. 17. - С. 59-172.
- Кривонова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. - 1955. - Вып. 46. - С. 167.
- Кубышев А.И., Чемаков Г.И., Шилов Ю.А. и др. Исследование курганов на Херсонщине // АО 1974 г. - М., 1975. - С. 307, 308.
- Кузьмина Е.А. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. - М., 1963. - С. 121-140.
- Кузьмина Е.Е. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. - 1965. - № 4. - С. 40-51.
- Кузьмина Е.Е. Самарский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА АН СССР. - 1970. - Вып. 122. - С. 44-48.
- Кузьмина Е.Е. Андроновская культурная общность (принципы выделения и установления хронологических этапов) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. - Ереван, 1982. - С. 47-51.
- Кузьмина Е.Е., Мерперт Н.Я., Шилов В.П. Новое в изучении культур бронзового века евразийских степей // SP. - 1981. - № 5/6. - С. 73-102.
- Кусаев Г.А., Кожебаева Г.К. Работы Мамеевского отряда // АО 1978 г. - М., 1979. - С. 536.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. - Д., 1978. - С. 190.
- Максимов Е.К. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской обл. // Археологический сборник. - Саратов, 1956. - Вып. 1. - С. 115-123.
- Максимов Е.К. Памятники эпохи бронзы Саратовского Правобережья по раскопкам 1975-1976 гг. // Проблемы эпохи бронзы Кга Восточной Европы. - Донецк, 1979. - С. 81-82.
- Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тугтари // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. - Алма-Ата, 1962. - Т. 14. - С. 37-56.
- Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972. - С. 3-30.
- Маргулан А.Х. Багазы - дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1979. - 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Капирбаев А.М., Образбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - 1966. - С. 5-302.
- Матвеева Г.И. Памятники эпохи бронзы на р. Деме // Из истории Башкирии. - 1963. - Вып. 14. - С. 73-90.
- Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. - 1954. - Вып. 42. - С. 39-156.
- Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. - 1958. - Вып. 61. - С. 93-99.
- Миронов В.Г. Памятники эпохи бронзы бассейна Верхней Терешки // Древние культуры Поволжья и Приуралья. - Куйбышев, 1978. - Т. 221. - С. 59-61.
- Морозов В.М., Шенгичкин А.Х. Новые погребальные памятники срубной культуры в Икной Башкирии // Древности Южного Урала. - Уфа, 1976. - С. 3-17.
- Непочатых В.А. Следы восточных связей срубного населения Саратовского Правобережья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. - Куйбышев, 1978. - Т. 221. - С. 61-62.
- Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Икной Приуралье // Материалы по археологии восточных губерний России. - СПб., 1899. - Т. 3. - С. 1-42.
- Отрошенко В.В. Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. - Киев, 1976. - С. 172-190.
- Отрошенко В.В. Исследования в Каменко-Днепровском районе Запорожской обл. // АО 1979 г. - М., 1980. - С. 317-319.
- Отрошенко В.В. Срубная культура Степного Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1981. - 22 с.
- Пестрикова В.И. Обряд трупосожжения у срубных племен Поволжья и Приуралья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. - Куйбышев, 1978. - Т. 221. - С. 46, 47.
- Пашерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии. - М.-Л., 1959. - 395 с.

- Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. - 1983. - № 2. - С. 13-33.
- Привалова О.А., Привалов Э.И., Зарайская Н.П. и др. Работы Донецкого краеведческого музея // АО 1977 г. - М., 1978. - 375 с.
- Рябица А.А. Поселение срубной культурно-исторической общности у д. Раздольное // Культуры бронзового века Восточной Европы. - Куйбышев, 1983. - С. 143-155.
- Рыков П.С. Археологические раскопки и разведка в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Изв. краеведческого Ин-та изучения Ижмо-Волжской обл. при СГУ. - Саратов, 1926. - Т. 1. - С. 89-134.
- Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. краеведческого Ин-та изучения Ижмо-Волжской обл. при СГУ. - Саратов, 1927. - Т. 2. - С. 79-100.
- Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. - 1951. - Вып. 21. - С. 94-151.
- Сальников К.В. Хвалыско-андроновские курганы у с. Погромного // СА. - 1950. - Т. 13. - С. 310-319.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. - М., 1967. - С. 408.
- Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе Карагандинского бассейна // Народное хозяйство Казахстана. - Кызыл-Орда, 1929. - С. 63-78.
- Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки Саратовского ГУ. - Саратов, 1947. - Т. 17. - С. 134.
- Синицын И.В. Поселение эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. - 1949. - Т. 11. - С. 195-224.
- Синицын И.В. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС // КСИИМК. - 1953. - Вып. 1. - С. 77-91.
- Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. - 1959. - Вып. 60. - С. 39-205.
- Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. - 1957. - Т. 27. - С. 209-221.
- Смирнов К.Ф. Курганы у с. Иловатка и Политодельское // МИА. - 1959. - Вып. 60. - С. 206-322.
- Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. - 1960. - Вып. 78. - С. 169-268.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. - М., 1964. - С. 379.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М., 1977. - С. 82.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. - М., 1972. - С. 168.
- Татаринцов С.И. Металлургия бронзы у племен срубной культуры Восточной Украины // СА. - 1983. - № 4. - С. 32-44.
- Федорова-Давидова Э.А. Памятники эпохи бронзы на р. Кинцеле // Экспедиция ГИМ. - М., 1969. - С. 74-79.
- Федорова-Давидова Э.А. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. - 1978. - С. 165-173.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. - М., 1969. - С. 394.
- Чарников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. - Алма-Ата, 1949. - 111 с.
- Чарных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. - М., 1970. - 179 с.
- Членова Н.Л. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. - М., 1981. - С. 22-32.
- Членова Н.Л. Основы хронологии андроновских памятников фелоровского типа // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. - С. 22-32.
- Шклов В.П. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСТЭ. - 1964. - Вып. 6. - С. 86-102.
- Шмаглый Н.М., Черняков И.Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. - 1970. - Вып. 6. - С. 5-115.
- Щепинский А.А. Культура энеолита и бронзы в Крыму // СА. - 1966. - № 2. - С. 10-23.
- Рыков Р. Die chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga // ESA. - 1927. - Т. 1. - С. 51-84.

И. Н. Ш а р а ф у т д и н о в а
БРОНЗОВЫЕ УКРАШЕНИЯ САБАТИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(К вопросу о контактах)

Одним из наиболее ярких признаков археологической культуры является присущий только ей набор украшений. В отличие от орудий труда, ассортимент которых определяется характером и уровнем хозяйства и бывает одинаков или близок у этнически разного населения, оставившего разные археологические культуры, украшения отражают этнические особенности археологической культуры. Их набор

обусловлен прежде всего этническими и родственными связями первобытного населения.

В этом плане показательны бронзовые украшения сабатиновской культуры, которая в XIV-VII вв. до н.э. занимала степи Северного Причерноморья от устья Дуная и Поднепровья - на западе, до Днепра, а на Левобережье приморскую полосу, включая Обиточную - на востоке, а также Крым (очевидно, кроме горной части). Специальных работ, посвященных ювелирному делу и украшениям сабатиновской культуры, как, впрочем, и ближайшим соседним с ней культурам, пока нет. Химические исследования сабатиновских украшений и первая их классификация совместно с украшениями других культур Юго-Запада СССР - белозерскими, ноа, белогрудовско-чернолесскими - осуществлены Е.Н.Черных [Черных, 1966, с. 225-232].

Литейные формы Северного Причерноморья, предназначенные для отливки украшений, собраны в совместной монографии В.С.Бочварева и А.М.Лескова, при этом сабатиновские и белозерские древности рассматриваются авторами как позднерубные [Bojkarov, Leskov].

В данной статье представлены бронзовые украшения, происходящие прежде всего из поселений сабатиновской культуры и кладов, найденных на ее территории, а также известные по литейным формам из сабатиновских мастерских. Судя по набору литейных форм таких сабатиновских мастерских, как Красномяцкая, Верхнетарасовская, Воловская, Златопольская, Новоалександровская и др., литейные формы для украшений входили в набор литейщиков, изготавливавших орудия труда и оружие. При этом часто негативы украшений, особенно булавок, занимающих мало места, были вырезаны на узкой стороне двух- или трех-, четырехсторонней матрицы (Выснетарасовка 2 - на широких сторонах - негатив наконечника копья и долота; Птаховка, где, кроме булавки, на других трех сторонах - кинжал, кельт, наконечник копья) или на свободном пространстве рядом с кинжалом (Николаев, Кардашинка I, Новоалександровка), рядом с наконечником копья; на одной форме с кельтами (Солоха), браслет вместе с кельтом (Кардашинка II) (рис. 1, 5, 14, 15, 17, 18).

По подсчетам И.Т.Чернякова, 35 % негативов красномяцкой мастерской составляют украшения [Черняков, 1965, с. 122-123]. Это свидетельствует о том, что для сабатиновского и белозерского населения украшения изготавливали в бронзообрабатывающих мастерских те же мастера, которые занимались литьем металлических предметов для хозяйства, войны и быта. Ювелирное дело не было отделено от бронзообрабатывающего производства.

Украшения сабатиновской культуры представлены бронзовыми булавками, различными подвесками, браслетами, пуговицами и пр. При описании их пользуемся принятой в археологической литературе классификацией, наиболее полно разработанной для Юго-Запада СССР Е.Н.Черным. Булавки в сабатиновских комплексах представлены несколькими типами.

Булавка "кипрского" типа с головкой в виде двойной петли и проволоочной обмоткой обнаружена во время раскопок в Сабатиновке (рис. 2, 12), первоначально была отнесена исследователем к трипольскому комплексу [Добровольский, 1951, с. 84, табл. 2, 17]. В Юго-Восточной и Центральной Европе булавки с головкой в виде одинарной, двойной или тройной петли и проволоочной обмоткой были распространены уже в ранний и средний периоды бронзы. Они найдены в Трое II, особенно их много в памятниках унетичской культуры [Pittioni, с. 287], известны и в других культурах. Они обычны в комплексах культуры Ноа - Островец [Балагур, 1974, с. 390, рис. 111, 15], Гырбовац, Валья Лупулуй [Florescu, 1964, с. 177, fig. 22, 2, 3], Тырпешти [Marinescu-Vilcu, рис. 215, 1, 2], клад Балень [Petrescu-Dimbovita, 1977, pl. 74, 46].

Как свидетельствуют находки подобных булавок в памятниках культуры Пили-

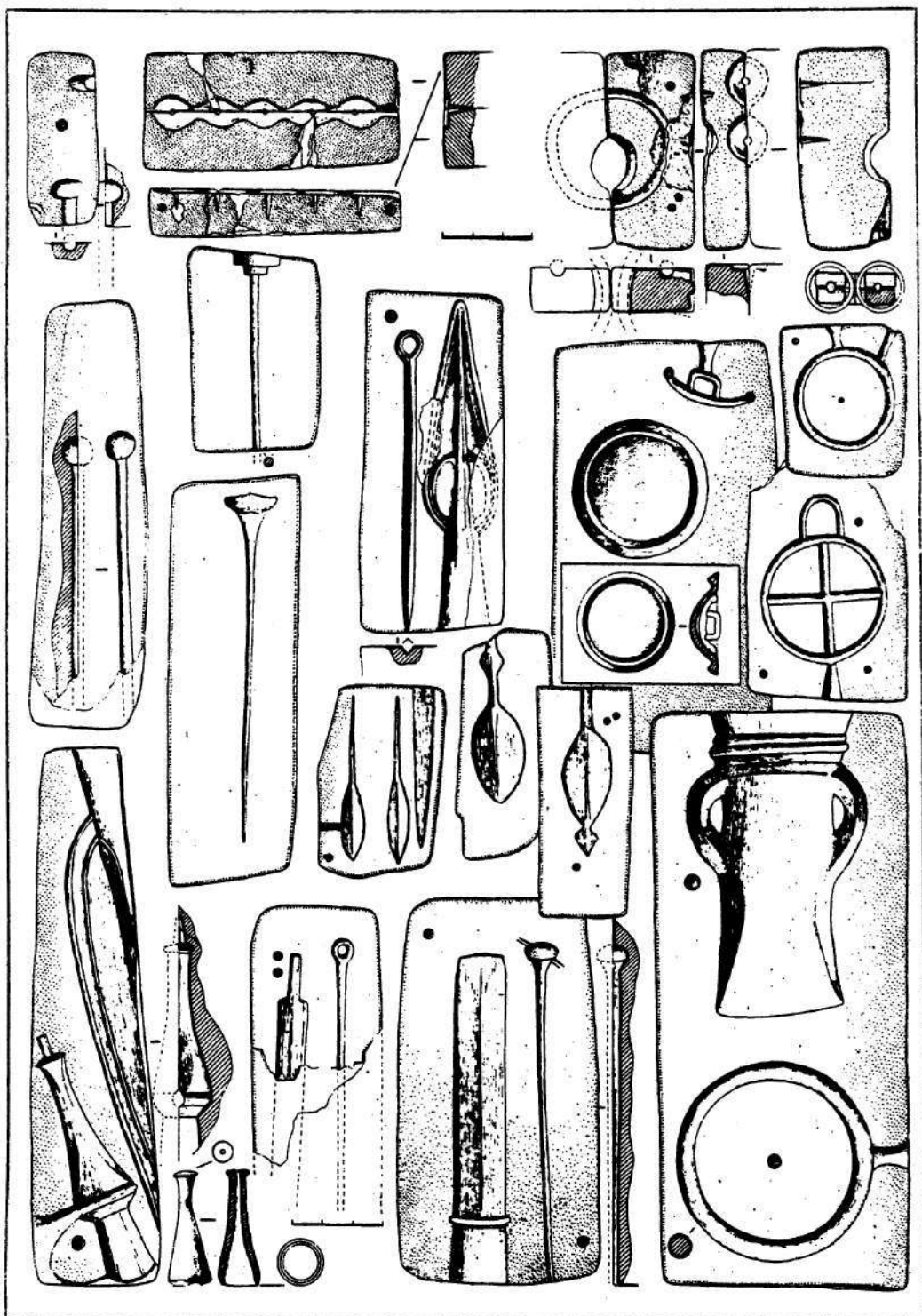

Рис. 1. Литейные формочки для литья украшения из сабатиновских и белозерских комплексов:

1, 11 - Вышетарасовка 2; 2 - Волошское; 3 - Берислав; 4 - Вышетарасовка 4;
 5 - Солоха; 6, 10, 13 - Красные Маяки; 7 - Новоалександровка; 8, 18 - Карпа-
 шинка 1; 9 - Птаховка; 12 - Златополь; 14 - Карпашинка 2; 15 - Заваловка;
 16 - Суворово; 17 - Васильевка

ни и Гава, они доживают до начала гальштата. Все это позволяет редкие находки этих булавок в Северо-Западном Причерноморье, относящихся к сабатиновской культуре, считать заимствованными у их западных соседей.

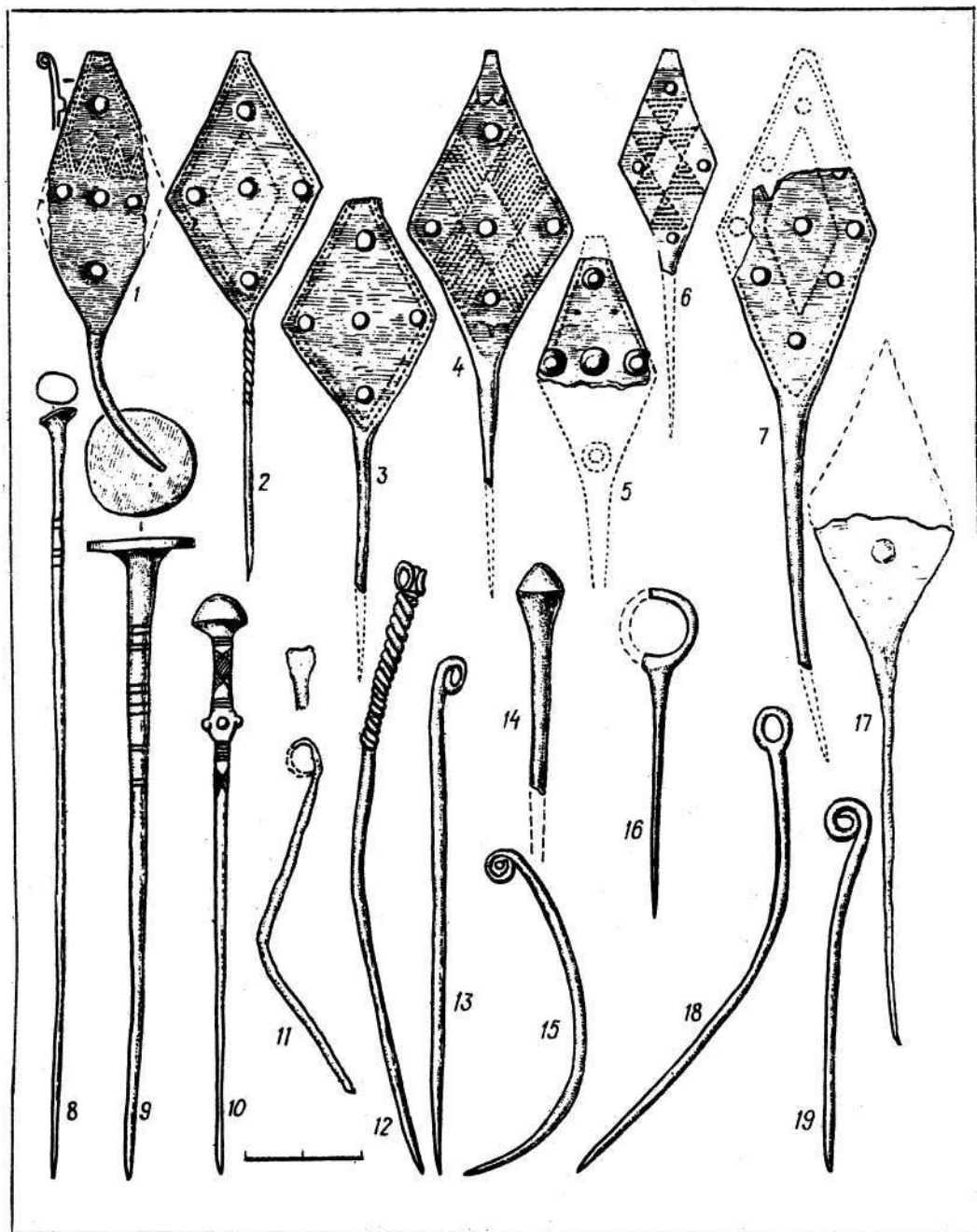

Рис. 2. Булавки:

1, 18 - Высетарасовка; 2, 3 - Гулий-Город; 4 - Мелжиция; 5, 6 - Балень; 7 - Поселение Ульму; 8 - Никопольский клад; 9, 17 - Трикраты; 10 - Днепропетровский музей; 11 - Виноградный Сад; 12 - Сабатиновка; 13 - Высетарасовка 4; 14, 16 - Казацьки Лагери; 15 - Деревька

Булавки со скрученной в трубочку головкой наиболее распространены в сабатиновских комплексах; они найдены в Ушкалке I, в Анатольевке, в Высетарасовке, в Солонцах, у Златополя и др. Конец, предназначенный для головки, часто предварительно расковывали в узкую пластину (рис. 2, 11), хотя встречаются и булавки с головками из непрокованной круглой в сечении проволоки. Как и булавки кипрского типа, булавки со скрученной в трубочку головкой широко распространены от Трои (слои II-V) до Юго-Западной и Центральной Европы. Этот тип украшений является массовым в

культуре Ноа - поселения и могильник Островец, зольник Гинлешты, Трушешты, поселения Валя Дупулуй, Гура Галбена, Тырпешты и др. [Дергачев, 1975, с. 62; Черных, 1976, с. 126; Новикова, 1976, с. 48-49; Marinescu Vlăcu, рис. 215 и др.]; в памятниках комаровской культуры - Магала и др. [Смирнова, 1976, с. 126, рис. 2, 5]. В Северном Причерноморье их много в белозерских могильниках - Широцкий, Верхнекортицкий, Кочковатое [Ванчутов, Субботин, 1980], на белозерском поселении - Дериевка. Известны они также в соседних синхронных культурах - в белогрудовской и чернолесской [Тереножкин, 1961, с. 169, рис. 101, 1, 102, 10], в кизил-кобинской Крыма [Лесков, 1965, с. 106, рис. 18, 6; 19, 12], в кобанской культуре на Северном Кавказе [Крупнов, табл. IX, 7, рис. 196, 293].

По данным Е.Н.Черных, из 15 проанализированных булавок могильника Широкое восемь изготовлены из металлов Карпато-Трансильванской (далее - КТ) группы, шесть - Правобережной (далее - Пб), одна - Волго-Камской (далее - БК). При этом исследователь справедливо отмечает, что булавки этого типа, несмотря на широкое распространение, для Волго-Уралья не характерны [Черных, 1976, с. 126-127].

Булавка с ромбическим щитком представлена в сабагиновской культуре одним экземпляром из сборов А.В.Болянского на месте поселения с остатками бронзолитейного производства у с. Вышетарасовка близ Николаполя на Днепре. Боковые углы ее повреждены и в настоящее время щиток скорее овальной формы. Верхний конец его раскован и свернут в трубочку, как в булавках предыдущего типа. На щитке вытеснено пять жемчужин. На верхней половине щитка в пунсонной технике выбит орнамент в виде четырех направленных вверх углов, образованных тремя рядами точек. Два пологих ряда точек окаймляют и край верхней половины щитка. Размер щитка 10x4 (первоначально, вероятно, около 5 см).

Предположительно к группе булавок с ромбовидным щитком относим находку из сабагиновского поселения на Ином Буге близ с. Трикраты. Во время разведок Николаевской экспедиции (начальник - О.Г.Шапошникова) здесь найдена булавка с обломанной головкой, от которой уцелело плоское, расходящееся кверху основание щитка, возможно, ромбовидного. Типологически (по наличию пяти шишечек, пунсонному обрамлению щитка, технике нанесения орнамента, закруглению верхнего края щитка) вышетарасовская булавка близка к булавкам из гулягородского курганный погребения, раскопанного А.Бобринским близ Смелы [Бобринский, с. 102, табл. 9, 7, 8] и относимого исследователями к восточнотшинецкой культуре [Березанская, 1972, с. 60, 88-90, рис. 18, 1, 2]. Шишечки - жемчужины и техника орнамента сближают перечисленные булавки с булавкой из кладки Маджида [Petrescu-Dâmbovița, pl. 20, 8]. Близки к ним и булавки из кладки Балень, украшенные пятью и четырьмя жемчужинами [Petrescu-Dâmbovița, pl. 74, 51; 75, 1]. Булавка из поселения Ульму культуры Кослодженъ тоже сходна, хотя несколько отличается размерами и количеством жемчужин [Morintz, p. 126-135].

Приведенные аналогии, а также весь состав собранной в Вышетарасовке коллекции, с нашей точки зрения, позволяют связывать эту находку с комплексом мастерской сабагиновской культуры. Кстати, единственная литейная форма, как предполагают, для отливки заготовок подобных булавок известна в Болгарии близ с. Есеница. Тончева относит ее к культуре Ноа-Кослодженъ [Тончева, с. 43-44, рис. 5].

Бородинская булавка по материалу, технике и мотивам орнамента, по сопровождающему комплексу не может быть прямой аналогией всем приведенным здесь находкам. По-видимому, правы те исследователи, которые относят ее к более раннему времени.

Гвоздевидные булавки с плоской голов-

девидной головкой. Одна такая булавка известна по Никопольскому кладу [Черных, 1976, с. 127, табл. 50, 17], и вторая найдена во время разведок О.Г. Шаповниковой на Сабаткиновском поселении близ с. Трикраты на левом берегу Южного Буга. В верхней части стержня эта булавка украшена тремя поперечными поясками из четырех прочерченных параллельных линий. Длина стержня 11,7 см, диаметр плоской шляпки 2 см (рис. 2, 8, 9).

В Поднепровье известна разбитая литейная форма для отливки булавок этого типа (рис. 1, 1), происходящая из Высетарасовки 2 близ Никополя [Шарафутдинова, 1960, с. 60, рис. 1, 2]. Литейная форма для более массивной булавки имеется в Красноманьской мастерской [Черняков, 1965, с. 104, рис. 8, 4]. Булавка с гвоздевидными и грибовидными головками известны на поселениях культуры Ноа-Тырпешти [Marinescu-Vîlcu, fig. 222, 14], в нескольких кладах Трансильвании и Молдовы - Верманд, Балень, Банц и с некоторыми отличиями - в кладах Фелнак, Шпалнака 2 и др. [Petrescu-Dîmbovița, p. 46, 74, 82, 93, 112, pl. 16, 1, 2; 74, 50; 116, 29].

Среди гвоздевидных булавок встречаются булавки со ступенчатными шляпками - литейная форма из Высетарасовки 2 (рис. 1, 4). Такая булавка вместе с обычной гвоздевидной шляпкой известна на поселении Балей культуры Кырна в Болгарии. Кстати, обе изготовлены из меди группы X для Болгарии, что соответствует КТ для Юго-Запада СССР [Черных, 1980, с. 243]. Изредка подобные булавки встречаются в кладах поздней бронзы в Балкано-Карпатском регионе - Фелнак [Petrescu-Dîmbovița, pl. 142, 14]. В целом они считаются характерными для памятников времени и круга погребальных урн [Vilaki-Gaszparini, 1973].

Булавка с грибовидной перфорированной головкой и четырьмя шпешечками на стержне хранится в Днепропетровском историческом музее. Эта массивная, прекрасной сохранности булавка, украшенная прочерченными ромбами и углами, значится как случайная находка из Поднепровья (рис. 2, 10). Она изготовлена из бронзы группы Пб [Черных, 1976, с. 128]. Находки булавок этого типа в слое культуры Ноа на поселении Магала [Смирнова, 1969, с. 15, рис. 7, 25], в могильнике Островец [Балагурі, с. 390, рис. 111, 22], а также в таких кладах, как Балень и Рышешты, позволяют считать днепровскую булавку скорее всего подражанием или импортом из Трансильвании или Румынской Молдовы.

Булавки с шаровидной головкой, через которую проходит косорасположенное отверстие, известны по отдельным экземплярам из окрестностей Херсона, хранящимся в Херсонском историко-археологическом музее (рис. 1, 9; 2, 14). Головки этих булавок биконические. Аналогии им находим в культуре Ноа - поселениях Тырпешти, в кладе Балень, Яра II [Petrescu-Dîmbovița, p. 61, 73, 74, pl. 50, 9, 74, 47]. Судя по матрицам, такого типа булавки изготавливались в нижнем Поднепровье по литейным формам из Новоалександровка, Кардашинки I, Птаковки, то есть в мастерских переходного от сабаткиновки к белозерскому времени и белозерских. Много булавок с круглыми перфорированными головками в унетничких памятках на территории Чехословакии и Польши [Schranil, s. 40-46], в лужицких памятниках [Kostrzewski, Chmielewski, Jajdzewski, s. 171, fig. 46, 7].

Маленькие булавки с головкой в виде шарика и коротким тоненьким стерженьком (подобно современным одинарным булавкам) изготавливались в литейной форме из Чикаловки [Шарафутдинова, 1964, с. 164, рис. 6, 11]*. Она предназначалась для шести крошечных булавок длиной в 3-3,5 см, диаметр головки которых не более 3-4 мм. На форме имеется тонкая насечка, возможно, для попереч-

* Эта форма издана Бочкаревым и Лесковым как форма для бус, с чем мы не можем согласиться [Bockarev, Leskov, 1960, s. 121, Taf. 13, 121], рис. не совсем точен.

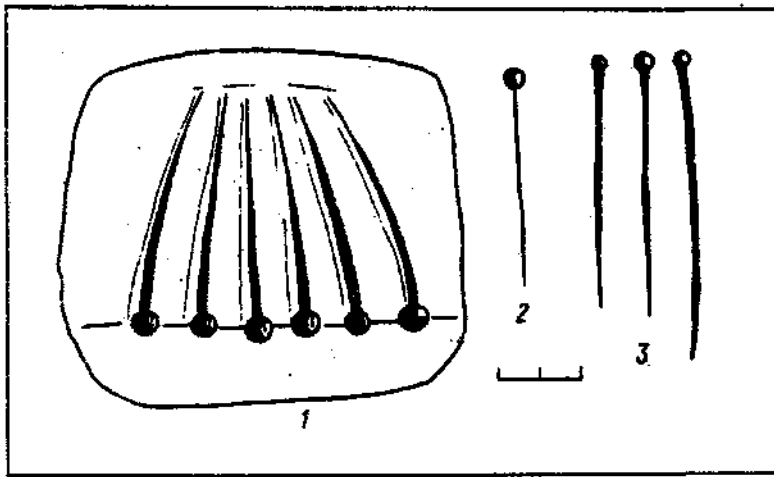

Рис. 3. Литейная формочка из Чикаловки (1), современная булавка (2), случайная находка близ Грачицка (3)

ного отверстия в головках (рис. 3, 1). Готовые изделия этого типа на территории сабатиновской культуры нам не известны. Но недавно близ Грачицка, севернее Кременчуга, школьники А.Б.Порубай и С.Л.Динник в размылке берега Кременчугского водохранилища собрали около десятка подобных булавок длиной от 2,5 до 9 см при диаметре головки от 1 до 5 мм. Некоторые из них совершенно совпали с негативами чикаловской формы (рис. 3, 3). Хотя эти находки еще не проанализированы и состав сплава не определен, однако находка вместе с ними перстня с раздвоенными и закрученными в разные стороны концами позволяет отнести их к эпохе поздней бронзы.

Булавки с кольцевидной литой головкой известны во многих памятниках - Соловецкий клад, поселение Анатолевка, Вышетарасовка, Змеевка, Кирово и др., в сабатиновских комплексах и переходных от сабатиновских к белозерским, а также по отдельным находкам - Казачьи Лагери около Херсона, по литейным формам из Солохи и Завадонки (рис. 1, 5). Из трех проанализированных булавок две - из Солонца и Казачьих Лагерьей (рис. 2, 14) отлиты из бронзы группы КТ, а из Кирово - группы Левобережной (далее - 16) /Черных, 1976, с. 120/.

Булавки с кольцевой головкой - битуют продолжительное время на широких территориях. Они представлены в культуре Ноа - Гиндешты, Магала, Слободка-Ширеуцы; в белогрудовских и чернолесских памятниках - Великая Андрусовка, в Киевском Поднепровье их связывают с Лебедовскими памятниками - Вишенки, Подгорцы, Бобрца /Березанская, 1976, с. 210/. Встречены они и в высокой культуре - Луговской могильник. В более раннее время также булавки были распространены в унетичских памятниках Средней Европы. Иногда булавки с кольцевидной головкой входили в состав сложного "шумящего" украшения.

Булавки с кольцевидной головкой и сложной ажурной подвеской, оканчивавшейся двумя крестообразными, антропоморфными пластинками, известны прежде всего по кладу из Солонцов (рис. 4, 6). К булавке с кольцевидной головкой прикреплена сложная ажурная подвеска, состоящая из треугольной рамки и литых колец, заканчивавшихся двумя плоскими антропоморфными бляшками. В верхней части этих бляшек между крестообразно размещенными кольцами имеются отверстия ромбической формы. Пара подобных пластин-подвесок входит в состав Ингульского клада /Сыманович, 1966, с. 139, рис. 2, 1, 2/, зарытого, как установлено Ингульской экспедицией, на месте сабатиновского поселения.

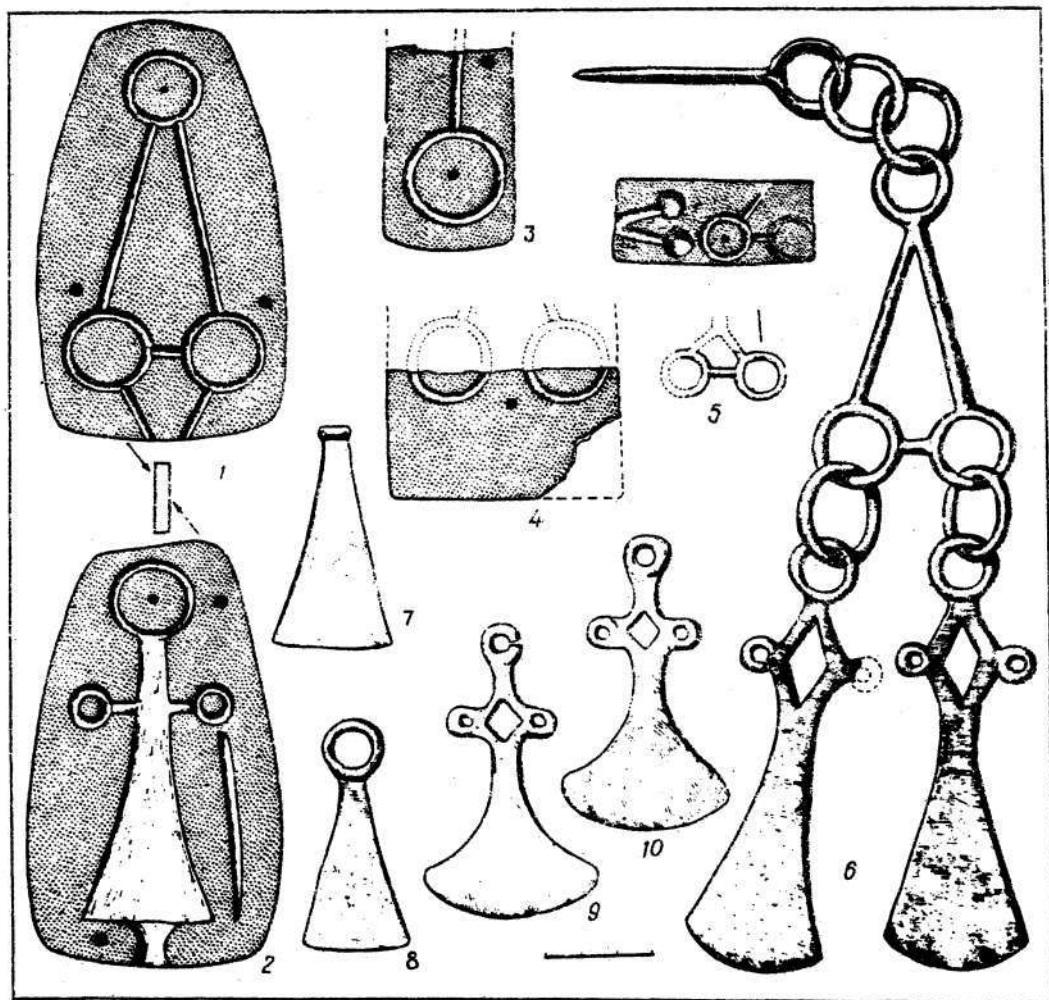

Рис. 4. Литейные формочки и бронзовые подвески. 1, 2 - Вышетарасовка 2; 3 - Андравка; 4 - Козинцы; 5 - Красные Маяки; 6, 7 - Солонецкий клад; 8 - Ташлык 1; 9, 10 - Ингульский клад

В красномяшковой мастерской сохранилась часть негатива (рис. 4, 5), который И.Т.Черняков реконструирует как треугольную рамку, подобную солонецкой подвеске [Черняков, с. 108, 120, рис. 10, 2; 15, 8/].

В 1962 г. в Нижнем Поднепровье на сабагиновском поселении Вышетарасовка А.В.Бодянским найдена двухсторонняя матрица для изготовления шумящих подвесок: на одной стороне вырезан негатив для треугольной рамки с кольцами по углам, а с противоположной - подвеска, отличающаяся от упомянутых выше отсутствием отверстия между кольцами[✕] (рис. 4, 1, 2). Вероятно, для подобных треугольных рамок с кольцами предназначалась литейная форма, фрагмент которой с частично сохранившимися негативами двух колец найден в 1973 г. в Козинцах под Киевом. Возможно, что для колец, соединяющих подобные шумящие подвески, предназначалась и трехсоставная литейная форма из г. Днепропетровска. Две части ее до войны находились в ДИМ, где она была зарисована О.А.Кривцовой-Граковой [Вошкаев, Leskov, с. 12, 13, Таг. 3, 37а, в]. От других колец они отличаются несколько большим диаметром (4 см).

В фондах Института археологии АН УССР хранится подобная трехсоставная литейная форма из Бериславского поселения, предназначенная для кольца, соединяющего уже отлитые ранее кольца. Диаметр его по внешнему краю 4 см, толщина

[✕] Хранится в Институте археологии АН УССР.

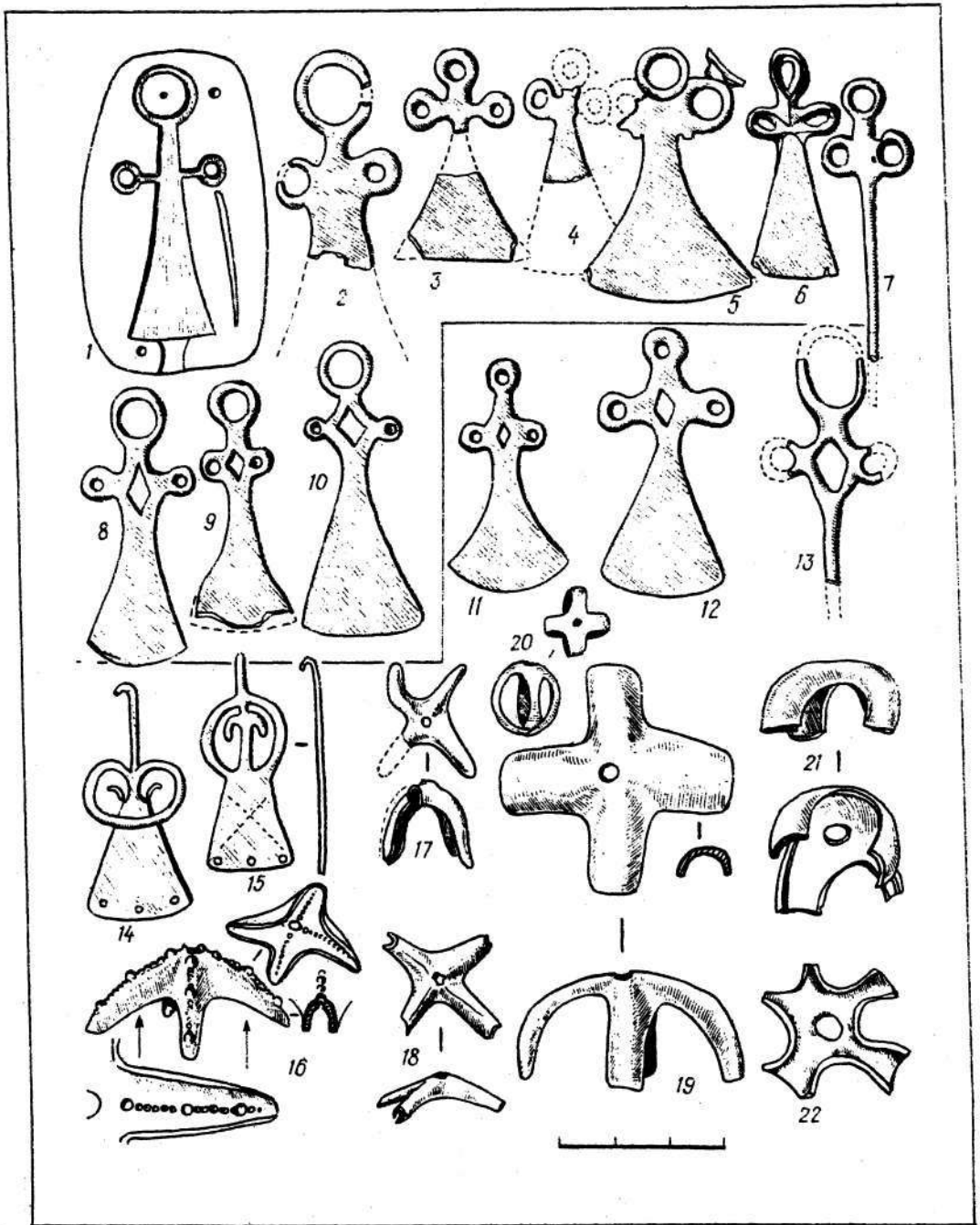

Рис. 5. Подвески:

1 - Вышетарасовка; 2 - Магала; 3, 12 - Сучава; 4 - Островец; 5 - Ригмань; 6 - Держев; 7 - Северная Италия; 8 - Солонец; 9 - Ульму-Литени; 10, 17, 18 - Бзлень; 11 - Ингульский клад; 13 - Гинпешты; 14 - Никопольский клад; 15 - Томешти; 16 - Степовое; 19 - Казаклия; 20 - Лисички; 21, 22 - Закково

0,4 см. Перечисленные находки убедительно доказывают местное изготовление этих украшений как в Поднестровье, так и в Поднепровье.

Отличающиеся большим разнообразием "шумящие" подвески были широко распространены на Балканах и в Средней Европе, вплоть до Италии в конце эпохи и в раннем Гальштате [Müller-Karpe, s. 156, Taf. 148, 21, 150 A, B; Kylicová, p. 58, fig. 4, 2, 3; Гарашанин, с. 36-37 и др.]. Наиболее полные сведения о них содержатся в работах Г. Коссака [Kossak, 1954] и Н. Чидиасана [Chidişan, 1977]. Последний выделяет 8 типов подвесок такого типа. Как показы-

зает картографирование, антропоморфные подвески (тип 9, по Чидкосану) сосредоточены в основном на территории культуры Ноа и Сабатиновки и всегда в комплексе вещей, характерных для этих культур.

Треугольная рамка с кольцами по углам, характерная деталь, позволяет сравнивать днепровские украшения с такими же сложными изделиями в клане Балень, где имеются фрагменты рамки и подвески с тремя кольцами, и с кланом Гтань - в Игославии [Гараманин, 1954, с. 36, 37, табл. 24, 9], а по форме подвесных пластинок с большим верхним и меньшими кольцами, а также по наличию ромбовидного отверстия в центре солонечная подвеска может быть поставлена в один типологический ряд с подвесками из Ульми - Литени, Старых Рощиц и одной из подвесок из клана Балень. Близка к ним по расположению двух меньших и верхнего большого кольца и ромбического отверстия между ними булавка из Гинцент [Мелюкова, 1961, с. 29-31, рис. 12, 3]. Возможно, ее переделали из подвески (рис. 5, 1-7).

Подвески из Антоновки (Игульский клад) почти идентичны две подвески из клана в Сучаве [Onițescu, p. 105, fig. 3, 2, 3]. Они отличаются от солонечных и им подобных тем, что все кольца одного малого размера, а основание сильно расковано и закруглено (рис. 4, 9, 10).

Подвески же, вырезанной на литейной форме из Вышетарасовки, соответствуют подвески без центрального отверстия с двумя малыми и верхним большим кольцом - из Магали, возможно из Остронца (верхнее кольцо не сохранилось), в меньшей мере третья подвеска из Сучавы и Держева, у которых все кольца одинаково малы, как в игульской, но в отличие от нее нет центрального отверстия. К этому же типу относится еще одна случайная находка - подвеска без отверстия с тремя относительно крупными кольцами и усложненная изображением птичек на боковых кольцах (рис. 5, 5) - происходит из Ригмани в Семиградье [Роска, p. 238, fig. 292]. Судя по ряду находок, применялись подобные пластинки чаще парами (Солонец, Ульми-Литень, Игульский клад).

По-видимому, встречались ажурные подвески с рамкой и кольцами меньшего размера, о чем свидетельствует литейная форма из коллекции В.И.Гончаревича, хранящаяся в Херсонском музее [Воїкарев, Левков, в. 36, Taf. 15, 157]. На крошечной плетке (2,5х2,5 см) вырезана треугольная рамка с тремя маленькими кольцами, а на противоположной - каплевидная подвеска с отверстием для подвешивания, последняя является копией подвесок продолговато-овальной формы подобно Красномайской и Златопольской (см. ниже), но уменьшенной в два раза.

В целом кланы, в которых встречены крестовидные подвески, датируются исследователями временем ВД - НА₁ и относятся к культурам Ноа, Отомань и Сабатиновке, происхождение же их западное, и, вероятно, идет от древних булавок с тремя кольцами, распространенных в Европе в эпоху средней бронзы.

Наряду с подвесками-пластинками с тремя кольцами, в сабатиновских комплексах встречаются и более простые пластинки подтреугольной формы, верхний конец которых загнут в трубочку, в которую протягивался шнурок или кольцо для подвешивания. В частности такая подвеска найдена вместе с подвеской в Солонце (рис. 4, 7). Длина ее 7 см [Таренюкин, 1964, с. 204, рис. 1, 14]. Из сабатиновского поселения Тамлык происходит треугольная пластинка с кольцом для привешивания. Длина ее 7 см, ширина основания 3 см (рис. 4, 8). Она находит аналогии в подвесках типа А, по Чидкосану [Chidicosan, p. 60, fig. 3, 1-6]. Ближайшей ей аналогией является подвеска из Опали [Mozolica, 1973, s. 165, Taf. 18, 15].

Интересно, что в Поднепровье известны и костяные изделия этого типа с круглой головкой и отверстием, в частности из сборов А.В.Бодянского в Златополе. С несколько усложненной головкой подвеска найдена на Северском Донце в

слое срубного поселения Ильичевка,,
отнесенного автором ко второму са-
багиновскому горизонту [Шаповалов,
с. 165, рис. 7, 19].

Подвески продол-
говато-овальной
формы с ромбовид-
ным, расширенным
на конце, небольшим
стержнем известны по ли-
тейной форме из красномяцкой мас-
терской [Черняков, 1963, с. 108,
рис. 10, 3] и по незаконченной ли-
тейной форме из Златополя. В послед-
ней ромбическим расширением закан-
чивается стерженек. Вдоль подвески
на златопольском негативе проходит
неглубокая нервюра, в красномяцком
экземпляре - тройная. В.С.Бочкарев
и А.М.Леской относят эти подвески к
плоским, в действительности они в
разрезе треугольные. Длина из 5 и
6 см. Недавно издана литейная форма
для подобных изделий, но с отвер-
стиями, происходящая их Андровки
близ Бердянска. Авторы публикации
определяют ее как форму для псалиев
[Писларий, Будылкина, с. 65, рис.3,
4]. Однако слишком малый размер
(длина ее 4 см) делает сомнитель-
ным применение отлитых в этой фор-
ме предметов в качестве псалиев, но
не исключает их использование в уп-
ряжи в качестве распределителя
ремней.

Листовидные подвески с про-
дольным ребром и ромбическим рас-
ширением вверх и кольцом для под-
вешивания известны в Трансильван-
ских кладах группы Чинку - Сусени
времени HA_4 - Карансебеш и Шпална-
ка 2 [Petrescu-Dîmbovița, с. 87,
112; Taf. 126, 12, 210, 15]. Такие
же подвески представлены в погре-
бении и кладах, относящихся к куль-
турам погребальных урн [Furmanek,
с. 328-332, Taf. 7, 1 и 8].

Ажурные подвески в виде кольца, разделенного накрест, с петлей для под-
вешивания известны по литейной форме из Кардашинки I. Диаметр этой подвески
4 см, а с петлей - 5,2 см. Она имеет широкий круг аналогий в европейских па-
мятниках горизонта Коссидер-форро - погребение из Сопроника [Možsolics, 1973,
с. 177], а также в материалах полей погребений и гальштатского времени в

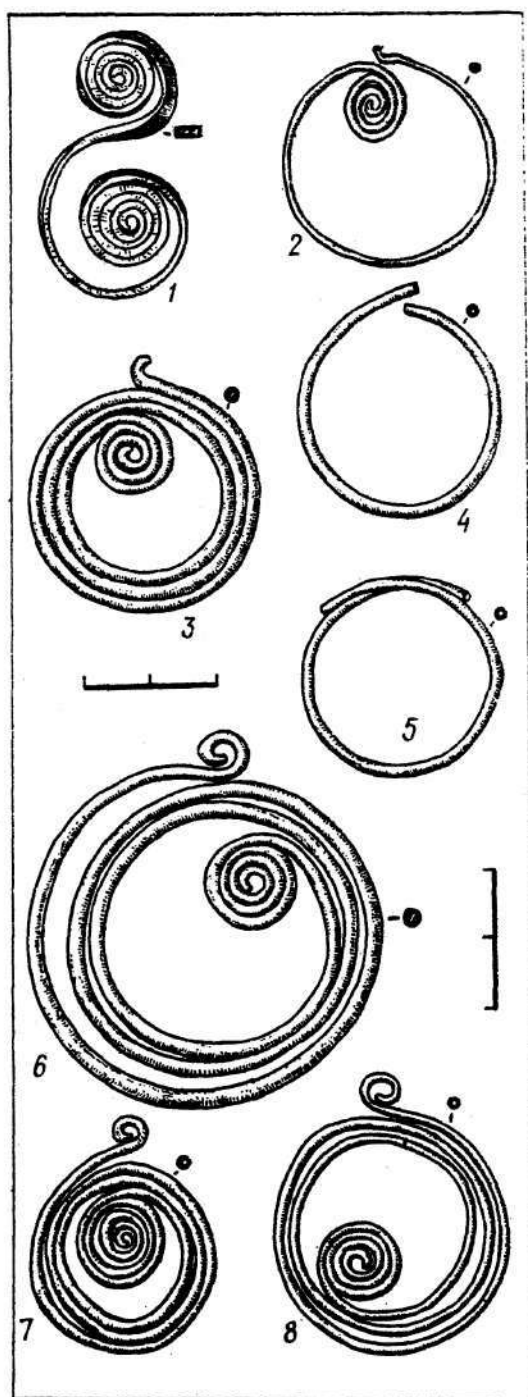

Рис. 6. Височные кольца:
1 - Новогригорьевка; 2, 4 - Компанийцы;
3 - Игрень; 5, 7, 8 - Белый Камень; 6 -
Собковка, 2 - Гончаровка

средней и верхней Италии, где разнообразно представлены радиальные подвески [Pittioni, s. 35-36].

Массивные литые подвески этого типа встречаются и на Северном Кавказе [Крушов, с. 426, табл. IV, 5]. Меньшего размера подвеска такого типа известна и по литой форме из срубного поселения Лукьяновка [Качалова, с. 8, рис. 5, 4].

S-видные височные подвески из проволоки. Во время раскопок поселения Новогригорьевка близ Вознесенска на Ю.Буге в 1974 г. нами найдена подвеска, изготовленная из тонкой, раскованной в узкую пластинку проволоки, концы которой закручены спиралью в разные стороны в виде буквы S. При этом меньшая верхняя спираль состоит из четырех плотных витков, а нижняя - из четырех плотных и пятого, внешнего свободного, расположенного на значительном расстоянии от них. Диаметр верхней спирали 1,4, нижней - 2,3 см. Общая длина подвески 4 см (рис. 6, 1).

Она близка (хотя и не идентична) к подвескам белогрудовской культуры. Однако белогрудовские украшения Собковки, Белого Камня и высокой культуры (Гончаровка), как и белозерские (Игрень, Верхнехортельский могильник), изготовлены из круглой в сечении либо прокованной проволоки и отличаются размерами, количеством и распределением завитков.

Удивительно схожие между собой, хорошо сохранившиеся подвески из Собковки, Белого Камня и Гончаровки представляют собой кольцо из двух половинок или трех витков с закрученным в плоскую спираль концом в два-три витка и петель в виде маленького завитка в противоположную сторону. Диаметр основного кольца составил 4,1-5,4 см, а верхнего завитка-петли - 0,6-0,7 см (рис. 6, 6-8). Так же устроены и височные кольца белозерской культуры (Верхняя Хортица).

Височные кольца из белозерских погребений на Игрени и в Компанейдах, хотя и с обломанным верхним концом, по размеру и типологически повторяют белогрудовские. В то же время в белозерских комплексах известны и подвески с большим кольцом в один оборот и спиралью в три оборота - Превольное [Шарафутдинова, 1982, с. 130, рис. 26].

Несколько сломанных височных колец разного типа, в том числе и с концами скрученными в спираль, хранятся в Херсонском музее (фонд ХИАМ).

Таким образом S-видные подвески в Северном Причерноморье появляются уже у носителей сабакиновской культуры. Особенно широкое распространение этот вид украшений получает в белогрудовской культуре и в белозерских памятниках Напорожья. При этом форма их претерпевает заметные изменения. В целом распространение их ограничено территорией степного и лесостепного Правобережья, позднейшие из них связываются с памятниками подгорцовско-лебедевского типа.

В Никопольском кладе имеется подвеска или пряжка, состоящая из треугольной пластинки с ажурным верхом и длинным стерженьком, загнутым крючком. В основании пластинки - три отверстия, очевидно, для пришивания ее к ремню или одежде. Ближайшей аналогией ей является пряжка из клада в Томаште [Morintz, s. 181, fig. 104, 2].

В слое сабакиновского поселения Степовое найден предмет в форме четырехлепестковой розетки с отверстием посредине. Лепестки узкие, загнуты внутрь, один обломок в древности. По загнутым гребням лепестков в пуносовой технике были выбиты рельефные точки, однако, после чистки сохранилось только углубление изнутри. Диаметр этого изделия 4 см, ширина загнутого лепестка 0,5 см. Отверстие пробито изнутри, диаметр его 0,4 см (рис. 5, 16).

Три подобных предмета с четырьмя загнутыми лепестками и пробитым посредине отверстием из клада Балень (рис. 5, 17, 18) Драгомир определяет как крестообразные обкладки - украшения ремней [Dragomir, Taf. 18, # 62-64].

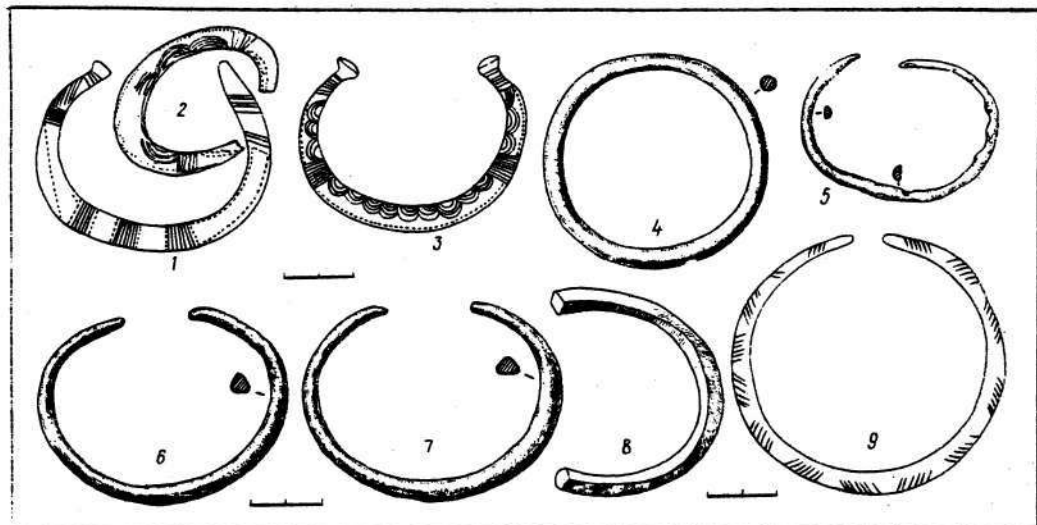

Рис. 7. Браслеты:

1-3 - Никопольский клад; 4, 9 - Новогригорьевский клад; 5 - Чикаловка; 6, 7 - Ингульский клад; 8 - Нижнее Поднепровье

Близка и типологически и, видимо, по назначению крестовидная подвеска, загнутые концы которой образуют как бы ажурный шарик, найдена Ю.Н.Малеевым при раскопках поселения Лисичники на Тернопольщине, где представлен слой культуры Ноа и раннего Гальштата.

Подобная поделка из крестообразной пластинки с ровно обрезанными концами, загнутыми в виде полушария с пробитым посредине отверстием, найдена в 1984 г. в белозерском погребении у с. Казаклея на р. Ялпуж в Молдавии (доклад автора раскопок С.М.Агульникова в отделе Новостроек ИА АН УССР в феврале 1985 г.). В другом белозерском погребении у с. Сивашевка в Присивашье также оказалась подобная находка, но она отличалась сильно прижатými концами [Кубышев, Дорофеев, Шилев и др., 1980].

В известной мере последняя напоминает подвески из бронзовых пластинок, сложенных треугольником, которые были обнаружены по три возле булавок с ромбическим шитком при восточнотшинском погребении в кургане № 41 у с. Гуляйгород [Березанская, 1972, с. 60, рис. 18, 4].

Подвески в виде розетки известны и среди кавказских материалов. Две из них - с тремя и четырьмя загнутыми лепестками и небольшим отверстием - хранятся в Кабардино-Балкарском краеведческом музее в Нальчике, где значатся как находки из Завково. Еще одна четырехлучевая звездчатая подвеска из вогнутой тонкой пластины с круглопроволочным спиральным завитком с задней стороны найдена в погребении № 21 (23) Краснояцкого могильника в г. Сухуми, относящегося к колхидской культуре [Трапш, с. 205, табл. VII, 19].

Браслеты составляют особую группу сабастиновских украшений. Среди них выделяются цельнолитые и со свободными концами.

Цельнолитые браслеты. Круглые в сечении равномерно широкие браслеты известны по Новогригорьевскому кладу (рис. 7, 8) [Tallgren, p. 162, fig. 94], по находке из Бедной могилы близ с. Привольное [Кривцова-Гракова, 1955, рис. 34, 35]. В Днепропетровском музее хранится овальный в сечении браслет (ДММ-А, 564), отлитый из меди группы КТ. Е.Н.Черных издал его в составе Авраамовского клада [Черных, 1976, с. 258, табл. 41, 19]. Однако, вероятнее всего, он был присоединен к авраамовской коллекции при позднейшей инвентаризации музейных древностей, так как в первых публикациях в составе Авраамовского клада упоминается только один браслет (см. ниже) [Мельник,

с. 33-36; Tallgren, p. 160/. Такие браслеты отливались в Новоалександровской и второй Кардашинской мастерской [Добровольский, 1950, рис. 3; Ласков, 1967, рис. 2, 4/.

Эти простейшей формы цельнолитые браслеты круглые, треугольные или ромбические в сечении, имеют достаточно аналогий в кладах Игго-Восточной Европы, где они встречаются вместе с различными типами браслетов с неснятыми концами. Среди них браслеты для ног и рук - клады Пугреда, Разбоени-Чегате Дадрац, Висуа [Petrescu-Dîmbovița, fig. 96, 5; 182, 4-6; 334, 1-2/.

Уникальной находкой для Северного Причерноморья является цельный относительно широкий браслет из толстой пластины из Авраамовского клада. Диаметр его 4,7-5,2, ширина 2 см [Мельник, с. 26, № 25/]. По химическому составу он условно отнесен к группе НК [Черных, 1976, с. 131, табл. 41, 18/.

Несомкнутые массивные овалы и треугольные в разрезе с перехватом у копьеобразных концов входят в состав Никопольского клада (3 экз.) (рис. 7, 1-3). Они отлиты из металла группы Пб [Черных, 1976, с. 132/]. По форме, технике и мотивам орнамента, состоящего из фестонов и поперечных поясов, выполненных прорезанными линиями и точками, эти браслеты ближе всего стоят к находкам одного из ранних кладов Трансильвании, как, например, Печина I (включающего, кроме других предметов 3 браслета, два топора с шайбой, близких Никопольскому и булаву с гвоздевидной шляпкой). Несколько отличаются по орнаменту подобные браслеты из кладов Густерина II, Шпелнака 2, Вюора де Сус [Petrescu-Dîmbovița, p. 42, 96, 140, fig. 69, 157, 207-208, 261 и др./]. По всей вероятности, они привезены из Трансильвании в раннесабатиновское время.

Овальной формы, треугольные в сечении браслеты, сужающиеся к концам из меди группы КТ, представлены двумя экземплярами в Ингульском кладе [Сыманович, 1966, с. 130, рис. 2, 3, 4; Черных, 1976, с. 131/.

Ромбические в сечении браслеты известны по фрагментам, хранящимся в Херсонском музее (коллекция В.И.Гонимовича). Один из них найден близ Кардашинки, второй - у Голой Пристанки, относительно третьего известно только, что он из Нижнего Поднепровья. Как установлено Е.Н.Черным, все три экземпляра отлиты из металла группы НК. Типологически они не отличаются от треугольных и ромбических в сечении неорнаментированных браслетов Центральной и Игго-Восточной Европы, широкого временного диапазона от VI до IV вв. В частности, подобные браслеты есть в таких известных кладах, как Сусени, Шпалнака I и др. [Petrescu-Dîmbovița, p. 107, 108, 136, fig. 190, 8, 13; 328, 11, 13/.

На востоке ромбические в сечении браслеты встречаются в абашевских и балановских памятниках [Черных, 1970, рис. 61, 29, 30, 31/.

Браслеты из массивного круглого в сечении прута известны в сравнительно позднем Новогригорьевском кладе. Десять браслетов из этого клада поступили в Херсонский музей, где и хранились до Отечественной войны. Это довольно крупные круглые браслеты диаметром 7,5-8 см. Кроме цельнолитых среди них оказались браслеты, концы которых в одних случаях ровно обрезаны и плотно сомкнуты; в других - слегка сужались и заходили друг за друга, в третьих - между концами сохранился разрыв. Часть этих браслетов была украшена косыми насечками [Tallgren, s. 162, fig. 94, Фабрикус, 1951, с. 83-84, табл. XII, 4/ (рис. 7, 2).

Этот простой тип браслетов из круглой в сечении проволоки со смыкающимися концами распространен на обширной территории - от Поволжья до Полуванья. Много их в срубно-абашевских комплексах Покровского могильника в Поволжье.

Однако поволжские находки меньшего размера с обрубленными ровными концами /Кривцова-Гракова, 1955, с. 68, рис. 15/. Размеры, орнамент браслетов (как и весь состав Новогригорьевского клада) позволяет сравнивать их прежде всего с семиградскими находками /Petrescu-Dîmbovița, fig. 181, 182, 190/.

Браслеты с разъединенными концами изготовлялись из стержней, отлитых по литейным формам из Красных Маяков, Новоалександровки и Кардашкин П и, возможно, Острова. Литейная форма для треугольного в сечении стержня найдена также в Кобыковском поселении /Шарафутдинова, 1980, с. 63, табл. 33, 8/.

Узкие браслеты с несомкнутыми концами из тонкой бронзовой проволочки или пластинки. Такой браслет с суженными концами происходит из сабакиновского поселения Чикаловка (рис. 7, 5) /Шарафутдинова, 1964, с. 162, рис. 6, 8/ и поселения культуры Ноа - Гиндешты /Малыкова, 1961, с. 31, рис. 12, 8/.

Подобные браслеты из овальной и круглой в разрезе проволочки обычно в инвентаре погребений белозерского времени - Волошское, Федоровка, Каланчак, Широкое и др. Среди этих браслетов встречаются узкие пластинчатые украшения с пунсовым орнаментом (Широкое). Последний напоминает браслет, украшенный точечным узором в кладе Сусени. По химическому составу металла, как установлено Е.Н.Черныхом, федоровский браслет относится к группе КТ, чикаловский, - к группе Лб, а Волошский - к группе Лб (условно). Небольшие проволочные украшения, которые могли быть как детскими браслетами, так и подвесками, обычно в грушовых могильниках белозерского времени. Преобладающее большинство проанализированных браслетов, украшений этого типа Широчанского могильника изготовлены из металла ВК. Е.Н.Черных считает, что появление их на Украине связано с деятельностью волго-уральских металлургических очагов /Черных, 1966, с. 130/.

П у г о в и ц ы. Небольшие круглые пуговицы с отлитыми вместе с шляпкой стерженьком, загнутым в петлю, с помощью которой прикреплялись к одежде, известны по находкам как в закрытых сабакиновских комплексах, так и более поздних. Такая пуговичка представлена в Солонецком кладе /Тереножкин, 1964, с. 204, рис. 1, 15/, а также в грунтовом погребении, как нам кажется, не позднее раннебелозерского времени, у Золотой Балки /Добровольский, 1950, с. 165, табл. 5, 4/.

В Поднепровье известны также две литейные формы для отливки подобных пуговиц: одна - в Волошской мастерской, вторая - из Бериславского поселения. На двух брусках трехоставной матрицы из Волошского вырезана лента длиной около 17 см, состоявшая как бы из пяти соединенных между собой овалов (диаметром 1,8x2,5 см). Посредине каждого из них в форме сделано отверстие длиной 1,6 см, которое заполнялось металлом и образовывало стерженьки. После отливки и разъединения формы получалась лента с пятью стерженьками длиной 1,6 см каждый. С помощью этих стерженьков металлическую отливку можно было целиком закрепить на кожаном поясе, одежде или шите. Разрубив ее, мастер получал пять овальных пуговиц, головку расковывал, края закручивал, а раскованный стержень загибал в петлю (рис. 1, 2, 3).

На упомянутой выше литейной форме из Берислава вырезаны негативы половинки двух плоских бляшек диаметром 1,5 и 1,5 см с узенькими отверстиями для стерженьков длиной 0,8 и 1 см. Такого рода пуговицы, как и бляшки с отверстиями для пришивания, являются обычными массовыми находками в различных комплексах культуры Ноа - поселение Гиндешты /Малыкова, 1961, с. 31, рис. 12, 4/, клады Балень, Ульми-Литень /Florescu, 1961, p. 120, 121, fig. 3, 13; 4, 3; Petrescu-Dîmbovița, s. 73, 77, fig. 74, 15-18, 24; 88, 17/. Встречены они также в солиградском слое Магала /Смирнова, 1969, с. 22, рис. 7, 14/, Лутовском могильнике Высоккой культуры /Sulimirski, fig. 24, 7, 25, 40, 41/.

Большой интерес представляет и литейная форма, найденная вместе с четырьмя другими литейными формами в Есенице в Болгария. Она изготовлена из черного гранита и, как и матрица из Волошского составлялась из трех частей и предназначалась для отливки пяти гвоздиков, диаметр шляпки которых 1 см, а длина стержня 1,5 см. Последние по сравнению с литейными формами из Поднепровья более широкие, конусовидные и рифленые [Тончева, с. 41, рис. 3].

Вторая матрица из этого же собрания предназначалась для отливки более крупных и массовых гвоздевидных предметов, диаметр головки которых 3,5 см, а длина стержня 2,5 см [Тончева, с. 39-41, рис. 1, д-е, ж]. Эти литейные формы Г. Тончева связывает с культурой Кослоджень.

Таким образом, не только типологическая близость отливаемых предметов, но и близость их размеров и самих литейных форм, их способов крепления с помощью боковых отверстий для штифтов, свидетельствует о связях, может, даже единстве традиций у металлургов культур Кослоджень - Ноа и сабакиновской.

Рассмотренные выше материалы позволяют сделать следующие выводы:

Украшения носителей сабакиновской культуры были как местного изготовления, так и привозные.

Почти во всех литейных мастерских и комплексах литейных форм на территории сабакиновской и белозерской культур наряду с орудиями труда и предметами вооружения имеются формы для изготовления украшений. Следовательно, ювелирное дело еще не было отделено от бронзообрабатывающего производства и кузнечного дела.

Большинство украшений имеет прямые аналогии в синхронных культурах Балкан и Подунавья и лесостепного Правобережья Днепра, при этом многие типы изделий бытуют на Балканах и Подунавье от эпохи средней бронзы до галльската. Некоторые украшения находят большее или меньшее сходство с находками на Кавказе.

Однако самое близкое сходство сабакиновских украшений прослеживается с культурой Ноа и Кослоджень. Только в кладе культуры Ноа Балень представлен почти все основные типы булавок и подвесок, характерных для культуры Ноа и сабакиновки. Близость проявляется не только в типологии изделий, но и в технологических приемах, в оформлении литейных форм - Есеница, Волошское, Берислав. Такая близость украшений вместе с другими общими чертами материальной и духовной культуры может объясняться не только прочными постоянными связями их носителей, но и общими генетическими корнями этих культур.

Нельзя не отметить почти полное отсутствие связей с украшениями срубно-андроновского мира.

Многие типы ювелирных изделий продолжают бытовать в белозерских комплексах. В частности, булавки с закрученным в спираль концом массово представлены в могильнике культуры Ноа в Островце и в белозерских могильниках Широкое, что отражает преемственность белозерской культуры с сабакиновской и Ноа.

Балагурі Е.А. Ливарні матриці з поселення пізньої бронзи біля с.Острівце Івано-Франківської області // МДВ. - 1964. - Вип.5. - С.28-39.

Балагурі Е.А. Поселення культури Ноа біля с. Острівце Івано-Франківської області // Археологія. - 1968. - Т. 21. - С. 146-161.

Балагурі Е.А. Культура Ноа // Археологія Української РСР. - 1971. - Т. 1. - С. 385-393.

Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. - Киев, 1972. - 264 с.

Березанская С.С. Лебеловская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины. - 1976. - С. 190-221.

Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смалы // В 3 т. - 1887. - Т. 1. - 172 с., 24 табл.

Бодянский О.В. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947-1948 рр. // АН УРСР. - 1952. - Т. 4. - С. 165-176.

Бодянский О.В. Розкопки Мар'їнського та Федорівського могильників у Надпоріжжі // АН УРСР. - 1956. - Т. 6. - С. 176-183.

- Болынский А.В., Шарафутдинова И.Н. Бронзолитейная мастерская у с. Златополь на Нижнем Днепре // АИУ в 1965-1966 гг. - 1967. - Вып. 1. - С. 290-293.
- Гарамания Д. Каталог металла. - Белград, 1954. - 88 с., 65 табл.
- Даргачев В.А. Бронзовые предметы XIII-XII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья. - Кишинев, 1975. - 94 с.
- Добровольский А.В. Тялькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини // Археологія. - 1950. - Т. 4. - С. 163-170.
- Добровольский А.В. Первые Сабатинівське поселення // АИ УРСР. - 1952. - Т. 4. - С. 78-88.
- Качалов Н.К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры // АСТЭ. - 1974. - № 16. - С. 5-18.
- Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад. - М., 1949. - 26 с.
- Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. - 1955. - № 47. - 152 с.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. - М., 1960. - 520 с.
- Кубяшев А.И., Дорофеев В.В., Шиллов В.Н. и др. Отчет о раскопках Херсонской экспедиции в 1980 г. // НА ИА АН УССР, ф.э. № 1980/7.
- Лагодовська О.Ф. Поселення часу пізньої бронзи біля с. Сандраки // Археологія. - 1954. - Т. 9. - С. 133-141.
- Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до н.э. - Киев, 1965. - 198 с.
- Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. - 1971. - № 177. - С. 75-91.
- Махно С.В., Шарафутдинова И.М. Могильник эпохи поздней бронзы поблизу хутора Компаніївці на Дніпрі // Археологія. - 1972. - Вып. 6. - С. 70-81.
- Мелькова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. - 1958. - № 64. - С. 5-102.
- Мелькова А.И. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье // МИА. - 1961. - № 93. - С. 5-52.
- Мельник К. Каталог коллекций древностей А.Н.Поль в Екатеринославе. - Киев. - 1893. - 218 с.
- Новикова Л.А. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы // СА. - 1976. - № 3. - С. 25-57.
- Отрошенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. - Киев, 1975. - С. 193-206.
- Писларий И.А., Булыгина Г.П. Клад литейщика эпохи бронзы из с. Андрово // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. - Киев, 1982. - С. 62-67.
- Погребова Н.Н. Пересадовское поселение на Ингуле // СА. - 1960. - № 4. - С. 76-90.
- Погребова Н.Н., Елагина Н.Г. Работы в Тимигуло-Березанском районе в 1959 г. // КСИА АН СССР. - 1962. - № 89. - С. 6-14.
- Смирнова Г.И. Поселение Магала - памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье // МИА. - 1969. - № 150. - С. 7-34.
- Сыманович Э.А. Ингульский клад // СА. - 1966. - № 1. - С. 127-142.
- Сыманович Э.А. Новые находки эпохи бронзы на Тимигульском лимане // КСИА АН СССР. - 1967. - Вып. 112. - С. 57-60.
- Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. - Киев, 1961. - 246 с.
- Тереножкин О.И. Похоронки эпохи бронзы біля с. Солонец // Археологія. - 1964. - Т. 16. - С. 202-205.
- Техов Б.В. Тяльский могильник. - Тбилиси, 1980. - 58 с., 137 табл.
- Трапн М.М. Древний Сухуми // В 3 т. - Сухуми, 1969. - 374 с.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлообработка на юго-западе СССР. - М., 1976. - 302 с.
- Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. - София, 1978. - 387 с.
- Черняков И.Т. Краснояцкий клад литейщика // КСОГАН за 1963 г. - Одесса, 1965. - С. 87-123.
- Шоповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. - Киев, 1978. - С. 150-172.
- Шарафутдинова И.Н. Литейные формы на поселениях эпохи поздней бронзы в Нижнем Поднепровье // КСИА АН УССР. - 1959. - Вып. 10. - С. 59-64.
- Шарафутдинова И.М. Поселення эпохи пізньої бронзи поблизу Кременчука // Археологія. - 1964. - Т. 17. - С. 153-169.
- Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. - Киев, 1982. - 157 с.
- Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону // САИ. - 1980. - Вып. В1-11. - 128 с.
- Boškarev V.S., Leskov A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Gusformen im nördlichen Schwarzmeergebiet // PBF - 1980. - Ab. 19. Bd. 1. - 97 s.
- Chidiogan N. Depozitul de bronzuri de la Mișca // SCIV. - 1977. - т. 28, N 1. - С. 55-70.
- Chițescu L. Depozitul de obiecte de podoba din epoca bronzului de la Suceava // SCIV. - 1976. - Т. 27. - N 1. - P. 103-108.
- Dorpfeld W. Troja und Illion. - Athen, 1902. - 652 p.
- Dragomir I.T. Le dépôt de l'age du bronze tardif de Baleni // IA. - 1967. - 4. P 18.
- Florescu A.C. Contributii la cunoașterea culturii Noua // AM. - 1964. - Т. 2-3. - P. 143-216.

- Florescu A.C. Sur les problèmes du bronze tardif Carpato-Danubien et Nord Ouest Pontique // *Dacia*. - NS. - 1967. - T. 11. - P. 59-94.
- Furmánek V. Bronzové zavesky doby bronzové Slovenska // *Sa*. - 1982. - T. 30. - Z. 2. - S. 315-346.
- Kossak G. Studien zum Symboigut der Urnenfelder und Hallstattzeit Mitteleuropas // *RGF*. - 1954. - B. 20. - 132 S.
- Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K. Pradzieje Polaki. - Wrocław, 1965. - 428 s.
- Kytlicova O. Hromadny nález bronzu od Starého Sedla // *PA*. - 1955. - T. 46. - C. 52-75.
- Marinescu-Bilcu S. Tirpești. - Oxford, 1981. - 189 p.
- Morintz S. Contribuții arheologice la istoria trahilor timpurii. - București, 1978. - 216 p.
- Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens. - Budapest, 1967. - 280 S.
- Mozsolics A. Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. - Budapest, 1973. - 364 S.
- Müller-Karpe H. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. - Berlin, 1959. - 334 S.
- Petrescu-Dimbovița M. Depozitele de bronzuri din România. - București, 1977. - 390 p.
- Pittoni R. Urgeschichte der Österreichischen Raumes. - Wien, 1954. - 620 S.
- Roška M. Erdély régészeti repertórium. - Kolozsvár, 1942. - 368 S.
- Schránil J. Studie o vzniku kultury bronzové v Cechách. - Praha, 1921. - 117 s.
- Sulimirski T. Kultura Wysocka. - Kraków, 1931. - 203 s.
- Tallgren A.M. La Pontide prescythique apres l'introduction des métaux. // *BSA*. - 1926. - T. 2. - 248 p.
- Тончева Г. Калъни за отливане на сечива и украшения от с. Есеница // *Археология БАН*. - 1972. - № 2. - С. 39-45.
- Zurawski K. Zabutki brązowe z młodziej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru // *Przegląd Archeologiczny*. - 1949. - T. 8. - Z. 2.

Ю. Н. Малеев

ГАЛЬЯТАТСКИЕ ГОРОДИЩА В ЗАПАДНОЙ ПОДОЛИИ И ПРИКАРПАТЬЕ

Территория Северо-Восточного Прикарпатья с древнейших времен была зоной постоянных контактов разного по этническому составу населения. Гальятатский период на территории Западной Подолии и Прикарпатья представлен голыградской группой памятников относящихся к так называемой культуре фракийского гальятата. Исследованиями последних лет установлено, что памятники группы Голыграды наиболее близки к памятникам группы Гава, а возможно и происходят от последних [Смирнова, 1973; 1976; Smitnova, 1971; 1974], и составляют с ними единую культурно-историческую общность, для обозначения которой часто применяется термин Гава-Голыграды.

В Верхнем Поднестровье и Попрутье известно большое количество поселений, относящихся к голыградской группе памятников [Свешников, 1964]. Большинство из них представляют собой неукрепленные поселения, расположенные на возвышенных участках местности, главным образом на плато над долинами рек и ручьев. Благодаря раскопкам последних лет кроме неукрепленных поселений голыградской группы на территории Западной Подолии и Прикарпатья были открыты крупные гальятатские городища (рис. 1) [Малеев, 1978].

Одно из них исследовалось в уроч. "Под валом" возле с. Лисичинки Зеленинского р-на Тернопольской обл. Урочище находится в 4 км на север от села на плато над правым высоким берегом долины р. Серет (левый приток Днестра). На противоположном коренном берегу реки находится уроч. "Выгошев" в с. Голыграды, где в 30-х годах исследовалось поселение, давшее название этой группе памятников [Sulimirski, 1935, s.38].

Уроч. "Под валом" представляет собой плато с ровной поверхностью. С северо-восточной и юго-восточной сторон оно ограничено крутыми обрывистыми неприступными скалистыми склонами коренного берега р. Серет (рис. 2, II). С юго-западной стороны протекает ручей Вовчкив, левый берег которого представляет

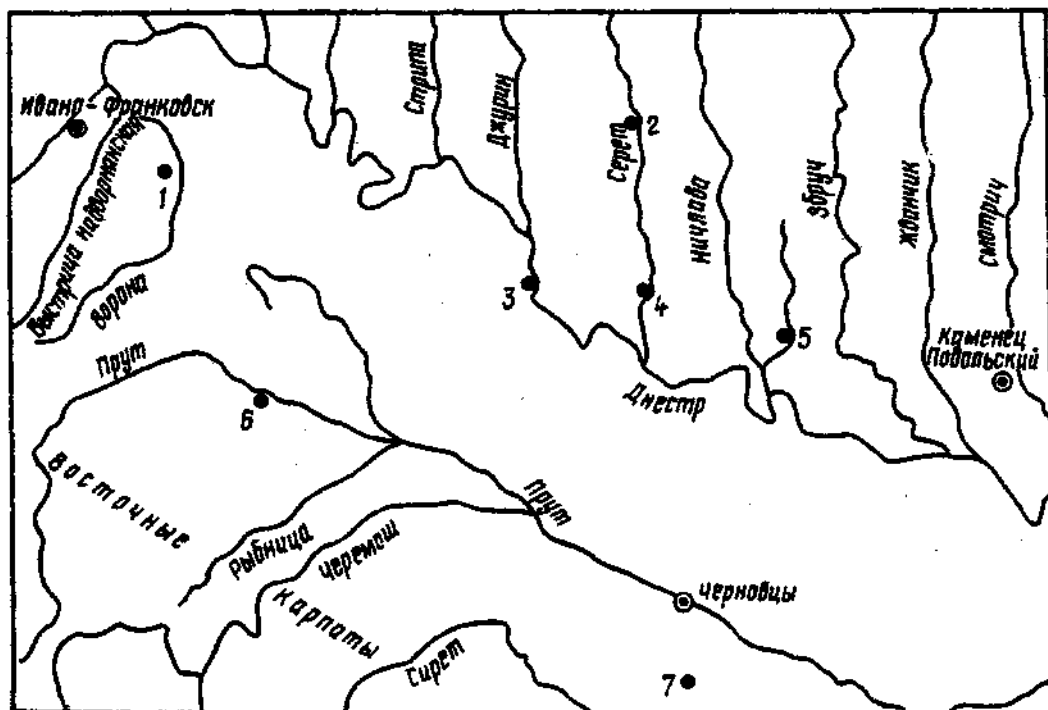

Рис. 1. Карта распространения голштейнских горниц:
1 - Хоминьковка, 2 - Федоровка, 3 - Грознаца, 4 - Лисички, 5 - Кривче, 6 -
Груше, 7 - Волока

собой высокую скалистую стенку практически неприступную для штурма. Высота склонов над долиной реки составляет свыше 100 м. Таким образом, со всех сторон городище имеет надежные естественные укрепления.

Открытой была южная сторона. Поэтому именно тут на наиболее коротком участке сооружены вал и ров, которые, оканчиваясь на противоположных обрывистых склонах, надежно замкнули оборонное кольцо и огородили территорию городища площадью 160 га.

Вал и ров имеют длину 415 м. Высота вала в юго-западной части достигает 3 м, а глубина рва 3,5 м, ширина основы рва 2,8 м. С внутренней стороны городища вал сильно снивелирован многолетней вспашкой, а на его поверхности в значительном количестве встречаются круглые камни известняка диаметром 15-30 см, которые входили в его конструкцию. Хуже сохранились укрепления в северо-восточной части. Тут вал имеет высоту 1,5 м, а глубина рва 2 м.

Разрез, сделанный в наиболее сохранившейся части вала, показал, что он насыпан из смешанного грунта, полученного при сооружении рва. Под гумусным слоем сохранились следы каменной вымостки, которая покрывала наружный склон вала и склоны рва, особенно в его нижней части, где выступают естественные выходы известняка. Такая цельная известняковая плита служила основой рва. Чтобы придать фронтальной стороне вала большую крутизну и предотвратить ее оползание, поверх камня находилась обожженная глиняная обмазка, некоторые следы которой сохранились в гумусном слое. Такая система укреплений, хоть и испытала значительную эрозию и разрушение вследствие небольшой глубины залегания, надежно сохранила вал от оползания и поэтому даже сейчас он имеет значительную крутизну склонов.

На городище существовали въезды, которые были составной частью системы обороны. Ручей Вовчий, протекающий с юго-западной стороны городища, имеет глубокую долину с крутыми, а в верхней части обрывистыми скалистыми склонами.

В верхней части на уровне известняковых выходов от стенки отделилась крупная скала. Проезд был устроен между каменной стенкой городища и скалой, которая использовалась как въездная башня. Ее фронтальная сторона почти вертикальная, зато со стороны городища вход на башню довольно удобный, а через существующую расщелину проложен большой камень, который служил мостиком для защитников. Таким образом, башня высотой 8 м прикрывала въезд с правой стороны. С этой башни на большое расстояние хорошо просматривалось ущелье и плато на его противоположном берегу.

Ниже башни, по дороге на городище находится еще одна скала высотой 10 м, тоже отделившаяся от известняковой стенки. Для включения ее в систему обороны между обеими башнями была сооружена оборонительная стена. Она состояла из трех вертикальных слоев общей шириной свыше 8 м. С наружных сторон находились панцири толщиной около 2 м, сооруженные из крупных каменных блоков. Средний слой, заполнявший промежутки между панцирями, представлял собой глиняную забутовку, связывавшую все слои воедино. Первоначальная высота стены достигала высоты 8 м и по ней был переход с одной башни на другую. Ниже башни, вдоль дороги, сохранялись остатки стенки из крупных каменных блоков. Благодаря такому устройству въезда каменный, кто въезжал на городище, должен был проехать между каменной стеной и башнями по узкому коридору (ширина проезда в верхней башне 3-4 м) длиной около 56 м под перекрестным обстрелом с флангов. Расположение оборонных башен с правой стороны полностью соответствовало требованиям фортификации того времени.

Второй въезд был устроен с противоположной стороны городища и на протяжении несколько сотен метров плавно подымался по склону вдоль городища, все время находясь под нависающими склонами. Этот путь соединял городище с уроч. "Выгосев", где находилось одновременное поселение.

Третий въезд мог быть расположенным в центре вала с западной стороны, где сейчас проходит полевая дорога, и соединял городище с одновременными поселениями в урочищах "Над Гнидой" и "Горбы" возле с. Блишанка [Малеев, 1975].

Следует отметить, что культурный слой на городище прослеживается не везде. Основные постройки сооружались на краю городища, что обуславливалось потребностью активной обороны. Центральная часть застраивалась отдельными участками. Остальная территория использовалась для хозяйственных нужд (загон скота и т.п.).

Следующее городище исследовалось возле с. Кривче Борщевского р-на Тернопольской обл. Оно находится в уроч. "Вал", которое представляет собой большой мыс на плато правого берега р. Циганка (левый приток р. Ничлава - левого притока Днестра). Река омывает мыс с северо-восточной и юго-западной сторон (рис. 2, III). С западной стороны протекает ручей, который образует долину "Глибока" со скалистыми обрывистыми склонами. Берег мыса со стороны реки имеет высокие крутые склоны, которые вместе с берегами ручья создают труднодоступные природные укрепления.

С северной стороны территории открыта и легкодоступна. Именно тут с западной стороны были сооружены оборонительные вал и ров длиной 670 м, которые оканчиваются на противоположных крутых склонах. Таким образом было создано замкнутое кольцо обороны.

Внутренняя сторона вала сильно сnivelирована многолетней вспашкой, которая растянула его на ширину более 15 м. На поверхности распаханного участка довольно густо лежат рваные камни известняка, которые входили во внутреннюю конструкцию вала. Ров подвергся эрозии, что усложняет восстановление его первоначальных размеров. Высота вала в лучше сохранившемся участке 2,2 м от основания рва. Как показал поперечный разрез, вал был насыпан из гумусного грунта и материковой глины, полученных при рытье рва. В верхней части насы-

ше в гумусном слое встречаются обломки известняка и куски обожженной глины.

Вся территория городища довольно густо застроена характерными для голиградских поселений сооружениями. В 1976 г. тут было открыто также детское погребение, совершенное по обряду кремации. Кальцинированные человеческие кости и молочные зубы находились в урне, сопровождаемой другими сосудами.

Городище возле с. Грушев Коломыйского р-на Ивано-Франковской обл. площадью около 6 га расположено на мысовидном участке первой надпойменной террасы правого берега р. Прут в уроч. "Корнив". В легкодоступных участках сооружены валы высотой 1,5-2 м и протяженностью около 200 м².

Гальштатское городище в с. Волока Глыбокского р-на Черновицкой обл. находится на юго-восток от села в уроч. "Городище" на высоком мысу, который ограничен крутыми склонами оврагов. С легкодоступной северной стороны мыс огражден земляным валом и рвом. Таким образом создана круговая система обороны городища диаметром около 300 м. Внутренняя часть насыпанного из глины вала прожжена, а наружный склон выстлан каменными плитами [Тимошук, 1970, с.17-18; 1974, с. 21-22].

Иное устройство имело городище возле с. Комяковка Тисменицкого р-на Ивано-Франковской обл., расположенное в уроч. "Городище". Оно представляет собой остров размером 140x80 м с ровной поверхностью (останец правого берега р. Стрымб), возвышающийся над широкой поймой. Заболоченная в древности пойма шириной около 2 км создавала условия для безопасности со всех сторон. Оборонительные укрепления тут не прослежены, да и в их сооружении не было необходимости, так как остров имеет почти вертикальные склоны высотой 10-12 м.

До настоящего времени оставалась недостаточно понятой культурная принадлежность городища в с. Городница Городенковского р-на Ивано-Франковской обл., хотя оно было открыто и начало исследоваться еще в 1876 г. [Korczynski, s.19-20]. Городище расположено в уроч. "Городище" на плато на правом берегу Днестра на высоте около 150 м от его русла. Для его сооружения избран мыс, ограниченный кроме долины Днестра с востока глубокими оврагами его правых притоков Ямгоров (с юга) и Сухой поток (с севера). Укрепления городища хорошо сохранились до наших дней и представляют собой кроме естественных крутых склонов сложную систему валов и рвов. С западной стороны мыс отрезан тремя параллельными линиями валов и рвов, идущими с севера на юг и оканчивающимися над обрывами глубоких оврагов. Загадочны и непонятны по своему назначению вал и ров, идущие с запада на восток и разделяющие огражденную тройной линией обороны площадь на две части. Вопрос усложняется тем, что на территории городища имеются три культурных слоя раннетрипольского, гальштатского и древнерусского времени. Поэтому культурная принадлежность городища определяется по-разному.

А.И.Мелькова относит валы в Городнице к славянскому времени, не исключая более древних укреплений, так как в южной части городища на дне рва глубиной 1,1 м были найдены фрагменты керамики предскифского времени [Мелькова, 1953, с. 22]. П.А.Раппопорт считает, что ряд древнерусских городищ, расположенных на территории Галицкой земли, мог быть основан еще в раннем железном веке и в последствии использован и перестроен в древнерусское время. По его мнению, к их числу относится городище в Городнице, где сложная система валов, нехарактерная для древнерусских городищ, сочетается с голиградским слоем [Раппопорт, с. 12-13]. В.М.Петегирич считает все укрепления относящимися к древнерусскому времени и "четко обозначающими детинец и посадские части города" [Петегирич, с. 48].

С целью определения времени сооружения городища кроме культурного слоя изучалась и его фортификация. Так вал и ров вокруг центральной части городища были разрезаны. Как считает В.М.Петегирич, он насыпан в обычной для древ-

² Сообщение В.М.Конюши.

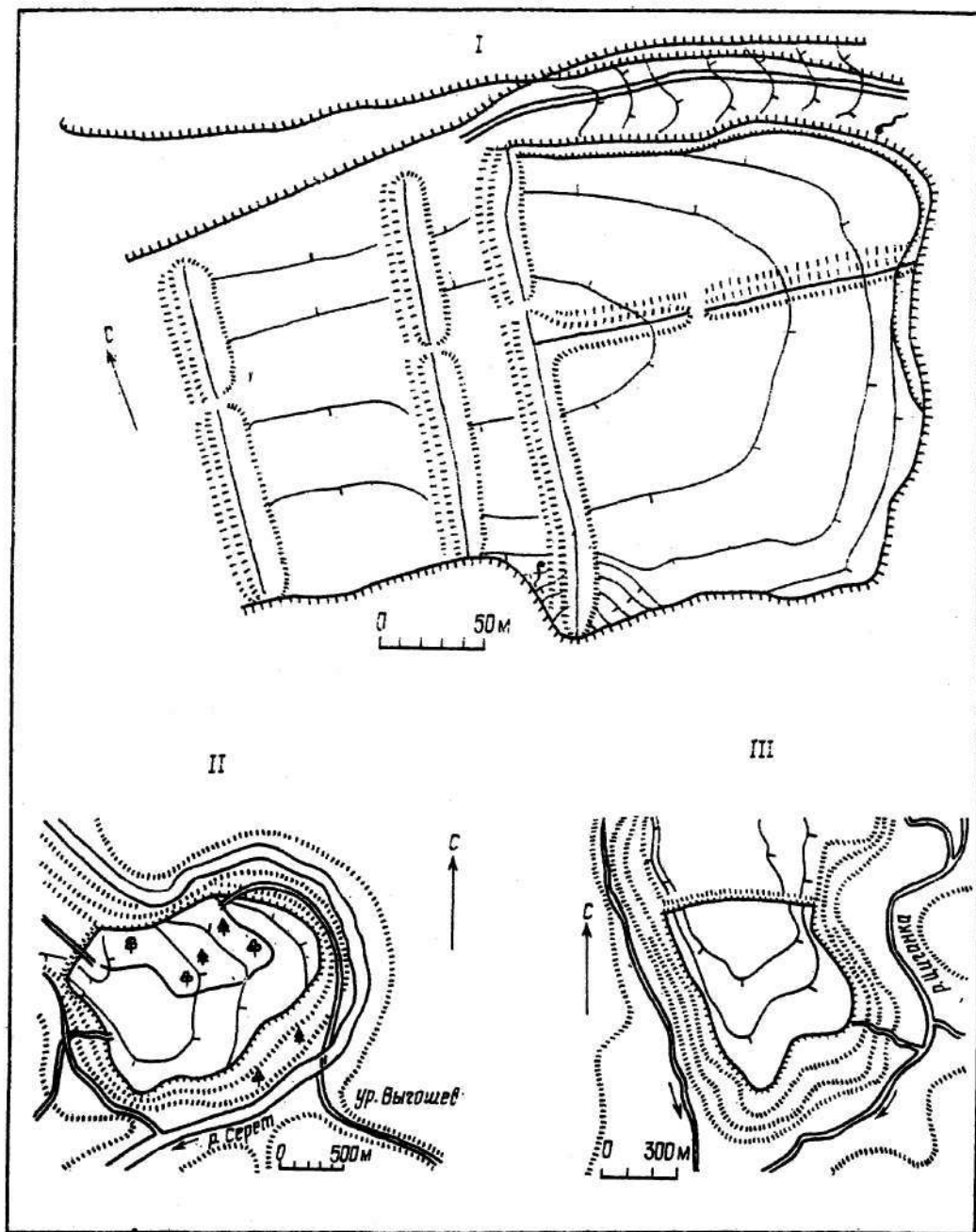

Рис. 2. Планы голиградских городищ: I - Городница Ивано-Франковской обл., II - Лисичники Тернопольской обл., III - Кривче Тернопольской обл.

нерусского времени технике [Петегирч, с. 50]. Его центральная часть насыпана из чернозема, снятого при отрыве рва, а вершина и склоны насыпаны из глины, залегающей под гумусным слоем. Ширина основы вала 14 м, высота 2,4 м. Ширина рва 12 м, а максимальная глубина 2,5 м.

С целью выяснения культурной принадлежности памятника нами исследовались его оборонительные сооружения. Для этого был снят новый план городища (рис. 2, I) и произведены разрезы валов.

Один разрез был сделан в северной части первого со стороны городища вала. Его основа имела ширину 17,5 м, а высота 3,6 м. В основании находился черноземный слой толщиной 0,7 м. Поверх него с фронтальной стороны залега-

ла насыпь из чернозема толщиной 1,25 м. На ее тыльном склоне чередуясь располагались слои из чернозема, перемешанного с глиной, известняка, чернозема с глиной, известняка с глиной и вновь чернозема с глиной, которые, за исключением последнего утолщались к основанию вала. Вершина и склоны вала были насыпаны из известняка, который с тыльной стороны достигал толщины до 1 м, а с фронтальной был незначительным. С наружной стороны вала находился ров, ширина которого в настоящее время 10 м, глубина 1 м.

Своим по-иному выглядел разрез поперечного вала: ширина основания около 15 м и высота 2,8 м. Основу вала составляет чернозем, вынутый из рва, и насыпанный на погребенный гумусный слой, поэтому граница между ними не прослеживается. Максимальная толщина этого слоя 2,2 м. Поверх него нахлестся слой глины и известняка, которые последовательно залегают под черноземным слоем. Верхний гумусный слой значительно оплыл в тыльную сторону. Ширина рва в этом участке 14 м, а глубина 1,7 м.

В данном случае наблюдается картина, близкая к ранее известному разрезу. Его насыпи чередуются в зависимости от изменений грунта, вынутого из рва. Безусловно, говорить по таким наблюдениям о времени сооружения вала невозможно. Однако можно утверждать, что этот вал был насыпан в один прием.

Совершенно иная картина наблюдается в разрезе напольного вала. Этот вал насыпался дважды. Первоначально при сооружении рва была насыпана основа вала из снятого с поверхности чернозема, которая была накрыта слоями чернозема с глиной и известняка. Вторично вал был увеличен в размерах через большой промежуток времени, когда ров уже значительно запыл. Поэтому последующая насыпь вала сделана из чернозема с глиной и известняка с глиной, полученных при увеличении размеров рва в ширину и откапывании его заполнения, а вершина была насыпана из нижнего известнякового слоя при углублении рва.

Можно считать, что при первоначальном сооружении городища были насыпаны три параллельных прямых вала с напольной стороны. Такая система укреплений является одной из наиболее простых и широко распространенных в различные периоды и в разных археологических культурах. Особенно широко этот тип укреплений применялся в раннем железном веке.

Таким образом, есть основания считать, что первоначально городище было сооружено в галлгратский период характерным для галлгратских памятников способом — сооружением городища на мысу с неприступными склонами и ограждением его валами и рвами с открытой стороны.

В силу своего исключительно удобного топографического положения в древнерусское время это городище, уже имеющее укрепления, использовалось вторично. В этот период проводится его реконструкция и приспособление к новым условиям. Для этого в соответствии со структурой древнерусского города значительно увеличивается в размерах вал и ров (со стороны плато), а на огражденном мысу сооружаются вал и ров, разделяющие его на две части, валы и эскарпы по склонам мыса по периметру городища. Именно такая планировка соответствует древнерусскому градостроительству. Сооружение и существование городища в галлгратское и древнерусское время подтверждаются наличием соответствующих культурных слоев.

Галлгратским может быть и один из валов, расположенный у основания мыса в восточной части поселения в уроч. "Городище" у с. Федоровка Гусятинского р-на Тернопольской обл. Как и на других галлгратских городищах, на его поверхности встречаются скопления копей и обожженной глины, а разрез его не показал каких-либо отличительных строительных приемов [Светников, 1959, с.18-19]. Возможно, обломки галлгратской керамики, встречающиеся на поверхности этого вала, попали сюда вместе с землей, вынутой из рва, открытого на месте уже существовавшего поселения, которое могло быть укрепленным на под-

нем этапе. Остальные валы могли быть насыпаны в древнерусское время.

Возведение городищ с надежными укреплениями свидетельствует о сложной обстановке, сопровождавшейся военными конфликтами или угрозой их. Об этом же говорят и городища группы Гава в Закарпатье [Смирнова, 1966; Балагурі] и Трансильвания [Zaharia, Merintz, Noredt, 1966, 1974] и находки предметов вооружения неподалеку от них, что также сближает их с голиградскими памятниками.

Пока трудно осветить все причины возникновения городищ. Вероятно, в Закарпатье и Прикарпатье они были разными, как и разной была внешняя среда обитания этих племен, однако историческая обстановка была одинаково сложной. Внешнеполитические факторы могли дополняться и межплеменными усобицами, приводившими к обострению обстановки, и сопровождавшимися вооруженными конфликтами.

В восточном районе Карпат Э.А. Балагурі выделяет четыре типа городищ культуры Гава в зависимости от рельефа местности: на вершинах гор с крутыми склонами; на склонах и террасах гор; на мысах; на низинах среди болот [Балагурі, 1972, с. 41].

В настоящее время на территории Прикарпатья известны два типа городищ голиградской группы: мысового типа [Лисичники, Кривче, Городища, Федоровка, Волока, Грушев] и на низинах среди болот (Хомльовки).

Как видим, основным типом голиградских городищ являются мысовые укрепления с наиболее простой схемой, когда мыс отрезался от открытой напольной стороны рвом и валом на наиболее коротком участке, благодаря чему создавалась кольцевая система обороны. Территория Подольской возвышенности и особенно Среднее и Верхнее Поднестровье, где рельеф рассечен глубокими речными долинами, создавала благоприятные условия для такого строительства укреплений. Иные типы укреплений встречаются редко. Следует отметить большое фортификационное мастерство строителей городищ, которые стремились максимально использовать рельеф местности в потребностях обороны, а также умение обеспечить устойчивую крутисну фронтальных склонов, создать надежные и экономичные оборонительные сооружения. Въезды были сооружены с таким расчетом, чтобы не дать противнику наступать крупными силами, а заставляли его, перестроившись в ряд, пройти длинными узкими проходами под двухсторонним обстрелом с флангов при наличии оборонных башен. Городища были хорошо снабжены питьевой водой.

Разведками и раскопками, проведенными вокруг городища Лисичники, открыты 24 поселения голиградской группы, материал которых одновременен с находками на городище. Концентрация на незначительном расстоянии от городища одновременных ему поселений свидетельствует об их функции городищ-убежищ. Однако наличие жилищ и хозяйственных комплексов и значительного материала, открытых в процессе раскопок, говорит об их назначении не только как укрытий в период опасности, но и как постоянных населенных пунктов, которые были общественно-политическими центрами определенной сельской округи. Особенно большая плотность застройки отмечается на городище Кривче. На городищах гораздо чаще, чем на поселениях, встречались культовые зоо- и антропоморфные статуэтки, что свидетельствует о нахождении здесь и культовых центров. Наиболее значительная коллекция зооморфной пластики происходит с городища Лисичники (рис. 3, 3, 6).

Раскопки, проведенные на территории городищ, вскрыли остатки жилищ и хозяйственных построек, которые по своим конструктивным особенностям и размерам аналогичны сооружениям на поселениях. Это незначительно углубленные в землю жилища овальной или неправильной прямоугольной формы, глинобитные стены которых сооружались с использованием внутренней каркасной конструкции из прутьев. Внутри жилищ сооружалась круглая глинобитная печь. Реже встречаются

ся жилища наземной конструкции. Неподалеку от жилищ построек находились хозяйственные ямы.

Хотя в городищах Лисичники и Кривче найден большой археологический материал, мы располагаем в подавляющем большинстве фрагментами керамики. Посуда изготовлена из глины со значительными примесями шамота и дресвы. В сосудах кухонного и хозяйственного назначения эти примеси бывают крупными. Наружная поверхность керамики черного или темно-коричневого цвета, внутренняя — розовая. По назначению посуда разделяется на столовую и кухонную. Столовая тонкостенная с тщательным лощением поверхности, кухонная имеет сглаженную, иногда не совсем ровную поверхность.

Кухонная посуда в основном банковидной и тильпановидной форм с ровным или слегка отогнутым краем венчика. Часто под венчиками таких сосудов симметрично расположены четыре круглых или вытянутых горизонтально овальных выступа. Реже они бывают двойными в виде двух горизонтально расположенных рядом выступов (рис. 3, 12). Как отмечает Г.И.Смирнова, на раннеголиградских сосудах отсутствуют выступы-упоры, характерные для более поздних комплексов [Смирнова, 1965, с. 110].

К этому же типу относятся найденные на городищах сосуны, орнаментированные на шейке налепным валуком, расчлененным пальцевыми вдавлениями. Такие сосуны известны из Федоровки [Светников, 1959, табл. IV, 2], в позднем слое поселения Мегала [Смирнова, 1969, рис. 7, III, 1]. По сведениям В.Шибанского, в таком сосуде находился Михалковский клад, обломки которого раскопаны им в 1897 г. [Gzylowski, tabl. 2, A, B]. На основании датировки этого типа сосудов по находке Михалковского клада, а также по широкому распространению их в последующем периоде, этот тип сосудов следует отнести к заключительному этапу существования голиградских памятников.

Сосуд типа "вилпанова" с небольшим ровным дном, шаровидным корпусом, высокой цилиндрической шейкой и горизонтально отогнутым краем венчика происходит из Городницы [Меликова, 1953, рис. 3, 1; Светников, 1964, табл. 1, 10]. Такие же сосуды известны с городищ Кривче и Лисичники.

Наиболее разнообразный орнамент располагался, как правило, на плечике сосуда. Часто это выступы вокруг которых или под ними нанесены широкие концентрические полукруглые каннелюры, на плечиках вертикальные, а шейке — горизонтальные. К основным формам керамики относятся и миски, имевшие широкое распространение. Они преимущественно толстостенные различной величины, имеют ровное дно, прямые и слегка выгнутые воронковидно расширенные стенки. Внутренняя сторона в большинстве случаев черная, тщательно лощеная.

Из керамических изделий широко распространены пряслица линзовидной формы. Близки по форме к пряслицам глиняные модельки колесиков с городищ Лисичники и Кривче. Они имеют форму плоских кружков с отверстием в центре, по бокам которого моделированы ступицы колеса и четко обозначен обод.

В целом комплекс голиградских керамических изделий наиболее близок к керамике культуры Гава, что убедительно показано Г.И.Смирновой [Смирнова, 1973; 1976; Smitnova, 1971; 1974].

Комплекс керамических изделий с городищ такой же, как и на поселениях. Многие из них имеют облик, характерный для обширного круга культур, именуемых гальштатскими, хотя и имеют свои отличительные черты. Так для керамики наиболее общей чертой кроме общности и широкого распространения ряда форм является характерное черное лощение поверхности и ряд орнаментальных мотивов, в частности таких как выступы и каннелюры. Эта керамика имела широкое географическое распространение и не только проникла на территории, населенные другими племенами, но и оказала большое влияние на облик собственной керамики этих племен. Так влияние гальштатской керамики отчетливо ощущается в Днепров-

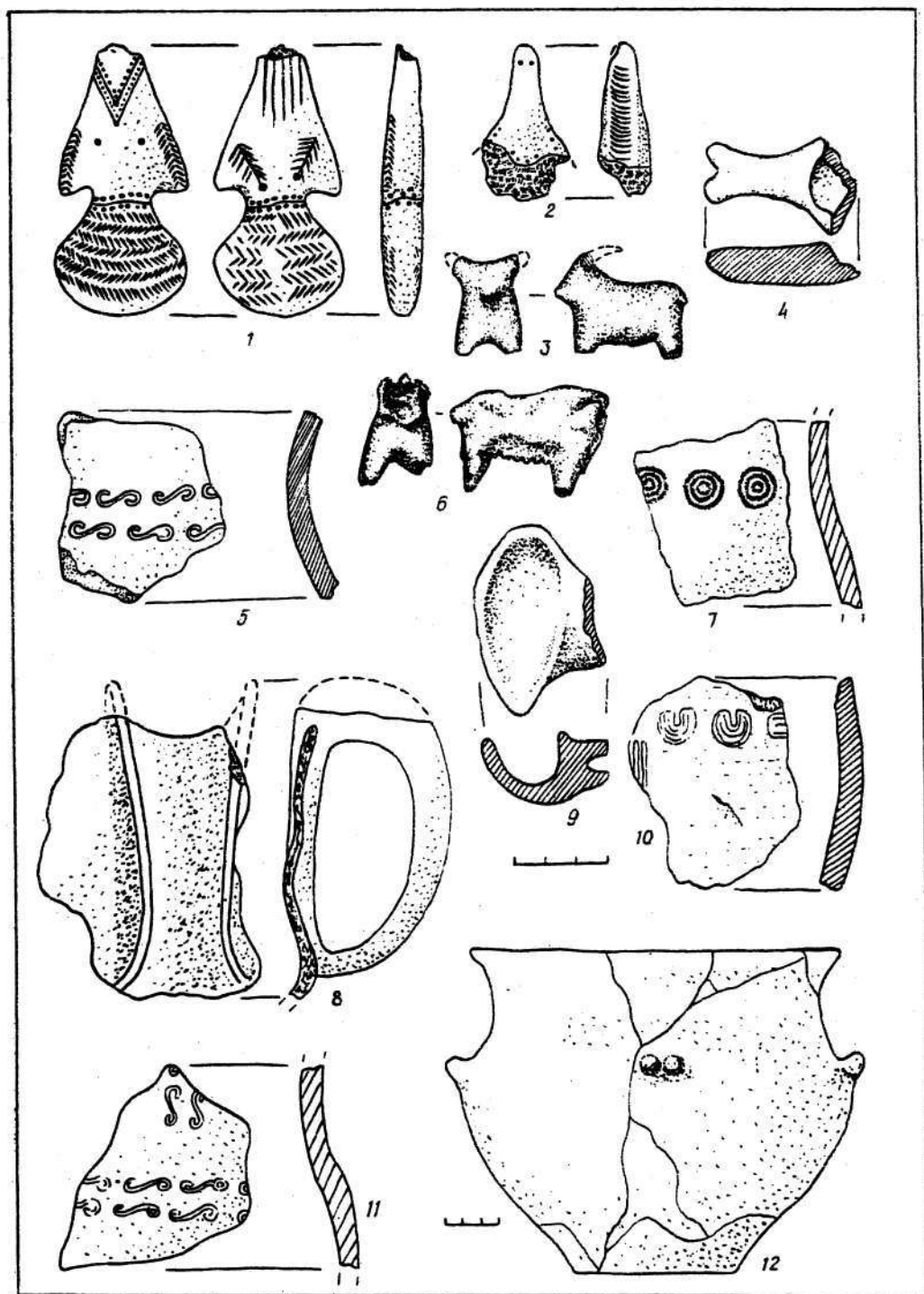

Рис. 3. Керамика с гогоградских городищ:

1, 5, 7, 8, 10-12 - Кривче, 2, 3, 6 - Лисичники, 4 - Касеповцы, 9 - Городница

ской правобережной лесостепи, особенно на памятниках чернолесской культуры. Вероятно, под этим влиянием тут распространился и обряд трупосожжения.

Вместе с тем в гогоградской керамике встречаются образцы представляющие не устойчивый тип, а свидетельствующие о контактах с синхронными племенами. На городище Кривче, расположенном в наиболее восточном районе распространения памятников, обнаружены фрагменты керамики, орнамент на которую нанесен с по-

мощью штампа. Так на плечике одного из сосудов имеется орнамент напоминающий подкову, обернутую концами вверх (рис. 3, 10), а на другом — в виде concentрических кругов (рис. 3, 7). Имеются фрагменты керамики, орнаментированные рядами повторяющихся S-образных оттисков (рис. 3, 5, 11). Фрагмент керамики с таким же орнаментом обнаружен в голыградском слое на поселении Кванец [Kruševska, abb. IX, 1]. Такой орнамент известен на поселении и могильнике Стойкак-Четаца в Румынской Молдове [Петреску-Димбовица, рис. 9, 9, 11]. Широко распространен он в гальштатских памятниках Добружи, в частности на городище Бабалаг [Morintz, с. 109, рис. 5, 1; 7, 2, 5, 7, 10; 8, 2, 3, 5, 6, 8, 11, 13; Мелькова, 1979, рис. 2]. Керамика конца бронзового — начала железного веков с территории современной Болгарии относящаяся к кельтскофракийским памятникам, также имеет чернолодцевую поверхность, каннелюры, олигарные и двойные выступы и орнаментацию в виде S-видных спиралей [Čižikova, с. 64-69, рис. 5, 1-3, 5, 6; 9, 1-3, 5]. На поселениях этого этапа в Молдавии найдены костяные и глиняные штампы для нанесения на керамику орнаментов в виде зубчиков, букв "S" и кружочков [Мелькова, 1960, с. 143]. Можно считать, что S-видные орнаменты в голыградских памятниках происходят из памятников культуры Басарабь.

Из сравнительно большого количества фрагментов черпаков выделяется фрагмент тонкостенного черпака с городища Кривче. Один его бок вогнут, а в нем укреплена изогнутая в сечении ручка, поднятая над краем венчика (рис. 3, 5). Обломки таких черпаков с небольшими плоскими в разрезе ручками накопились в детском погребении на городище Кривче, а также на поселении Магала [Смирнова, 1957, рис. 38, 6, 7; 1969, рис. 7, III, 4; рис. 6, 12; 1976, рис. 6, 12]. Такой же формы сосуды происходят из Тенельского могильника в Венгрии и городища Медия в Румынии [Zaharia, 1965, рис. 6, 4].

В последние годы значительно увеличилась коллекция зооморфных статуэток. Разнообразные по своему содержанию фигурки в большом количестве обнаружены на городище Лисичники (рис. 3, 3, 6). Частой находкой являются они и на городище Кривче. Основываясь на этих материалах, появилась возможность определить основные группы изображенных животных. Это лошади, коровы, свиньи, козы и овцы. Каждая из этих групп имеет свои морфологические особенности. Зооморфная пластика известна и в других культурах гальштатского периода. В лесостепном Поднестровье зооморфные статуэтки встречаются как в памятниках предпестунского, так и последующего периодов. Зооморфные изображения были широко распространены и у лесостепных племен Поднепровья в позднебронзовом и особенно в предскифском периоде. Они часто встречаются в памятниках белогрудовской и чернолесской культур [Березанська, 1964, с. 65, рис. 18; Тереножкин, рис. 46, 2; 47, 1] и на поселениях и городищах раннескифского времени [Ковпаненко, рис. 22, 20, 21; Андрияенко]. Особенно интересны в этом плане раскопки последних лет на Западном и Восточном Бельском городищах, где известны около 200 глиняных зоо- и антропоморфных статуэток и их частей [Шрамко, 1973, рис. 4, 26; 1975, рис. 16, 2, 5, 6; 1976, с. 198, рис. 4-8].

Вероятно, наряду с формированием ряда черт чернолесской культуры под гальштатским влиянием нужно отметить и проникновение ряда образов пластики, что может быть отражением близости образов земледельческой мифологии.

Значительный интерес представляют предметы антропоморфной пластики, найденные на городищах Лисичники и Кривче. Так, фигурка с городища Кривче изображает женщину с высокой стройной шеей и узкой талией (рис. 3, 1). Она плоская в профиль. На ее лицевой стороне наколами обозначена грудь, два ряда бус и две подвесочки на шее. Два ряда таких же наколов имеется на талии. На обратной стороне вертикальными полосами обозначены спадание на спину волосы, а на лопатках нанесен орнамент в виде "алочки". Такой же орнамент покрывает

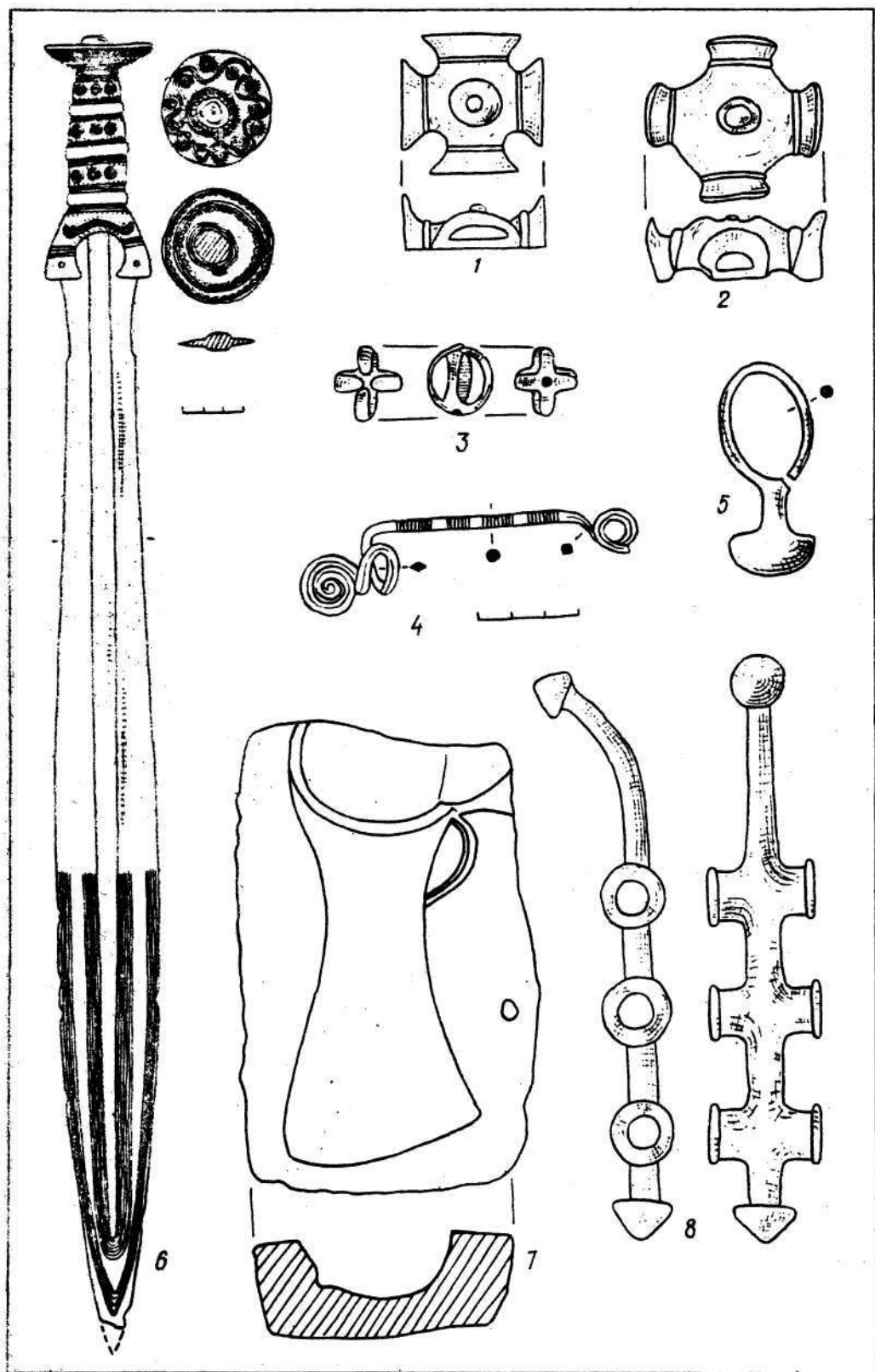

Рис. 4. Предметы, найденные на городищах и возле них:
 1, 2, 8 - Голыград, 3-5 - Лисичники, 6 - Волока, 7 - Городница (1-6, 8 -
 бронза, 7 - камень)

плечи и нижнюю часть фигурки. Головка скульптурки отбита, но ее образ дополняет верхняя часть такого же изделия с городища Лисичники (рис. 3, 2). Она конически сужается вверх, передавая длинную стройную шею. Голова не моделирована, только двумя точечными наколами переданы глаза. Такие же наколы имеются на груди и плечах фигурки. Плоские антропоморфные статуэтки, выполненные в той же манере, известен с поселений Солончены [Мелюкова, 1953, рис. 28, 8] и Цахнауцы [Мельниковская, с. 69, рис. 33] в Молдавии. Ближайшие аналогии этим статуэткам мы находим на Кикладских островах в Эгейском море [Mačejewski, на с. 136, рис. 87, где следует искать древние корни этого вида пластики.

Бронзовые изделия голиградской группы представлены в основном предметами, входившими в состав кладов, и отдельными находками и лишь в редких случаях найдены на поселениях в городищах.

Так, на городище в Городнице найдена каменная двустворчатая формочка для отливки кельта трансильванского типа (рис. 4, 7) [Свешников, 1964, табл. 1, 13]. Отсюда же происходит серп с дугообразно изогнутым лезвием и небольшим коническим выступом на плоскости у основания, бронзовый браслет с сужающимися концами и орнаментом в виде косых насечек и пуговища для конской упряжки [Zigowski, XLVIII, 6; XL, 3].

Бронзовая фибула с городища Лисичники на обоих концах спинки имеет спирали и украшена группами параллельных нарезных линий, опоясывающих спинку (рис. 4, 4). Территориально и типологически наиболее близка к ней фибула из могильника высочкой культуры в Золочеве, датируемого VII-VI в. до н.э. [Крушельницкая, 1965, с. 134-135, рис. 10, 13; 1976, рис. 22, 21].

Бронзовая подвеска из Лисичников представляет собой овальное кольцо с секировкой пластинкой (рис. 4, 5). Аналогичные изделия известны из Трансильвании, где употреблялись в качестве подвесок на крайние из тройных, соединенных между собой, колец для конской сбруи [Русу, с. 161-180, рис. 1, 20, 22, 23; Petrescu-Dîmbovița, pl. 352, 11]. Они близки предметам сбруи из тройных колец с подвесками в виде головок водоплавающих птиц, в частности, из Смерековки (быв. Вицин) и Кудринцев в Поднестровье [Zigowski, tabl. XVI; XVII].

В процессе раскопок на городищах не прослежены следы военных действий, однако находки предметов вооружения и парадной сбруи боевых коней известны как на городищах, так и рядом с ними.

Так, возле городища Волока найдены бронзовые наконечники копья с листовидным пером и длинной втулкой и два меча. Один меч относится к типу мечей с язычковой рукояткой (Griffzungenschwert), широко распространенному в гальштатский период в Центральной, Южной и Северной Европе. Второй меч относится к мечам с чашевидным навершием, представляющим собой тип, близкий литовскому (рис. 4, 6). Как правило, на мечах с чашевидным навершием отсутствуют рельефные ребрышки [Hraia, с. 215-226]. В данном случае имеется переходный тип (Dreiwürlenschwert). Они менее распространены, чем мечи литовского типа, но широко известны в Центральной Европе к северу от Альп. Наиболее широко распространены они в бассейне Тисы, в том числе десятки в районе Шелестовского городища [Hraia, obr. 113; Fogel, тип II A; Пеняк, Шабалин, с. 198-199; рис. 3, 1-3; Пеняк, 1968, с. 143-148; Пеняк, 1969, с. 39-44; Балагуряк, с. 54].

К предметам парадной сбруи боевых коней относится бронзовая ажурная подвеска диаметром 2 см из Лисичников (рис. 4, 3). Такое изделие может быть верхней частью бляхи-фалара, аналогичной находкам в Голиградском кладе [Zigowski, tabl. XXXVIII, 3; XXXIX, 3] и кладе у с. Романцы возле Белграда [Тодоровић, tabl. XVI, 1]. Существенно, что в кладе из Бойан-Симерна (Румыния) такой фалар находился в комплексе с железными предметами [Pora, Bergiu, p. 87-100, pl. 1. Petrescu-Dîmbovița, pl. 392, 6].

Ко времени появления городищ относится Голтиградский клад, найденный на противоположном берегу р. Серет возле городища Лисичники, в который входили бронзовые предметы парной упряжки двух боевых коней [Zigowski, а. 163, tabl. XIII, 1, 2], представлявшие по тем временам большую ценность. В состав клада входили псалы из круглого стержня с тремя поперечными трубчатыми выступами (рис. 4, 8). Аналогичные псалы характерны для раннего железного века Румынии [Willvonseder, а. 25-38, tabl. 1, 5, 6; Petrescu-Dîmbovița, pl. 362, 6-9]. Крестовидные пряжки, аналогичные предметам из того же клада (рис. 4, 1, 2), широко представлены среди принадлежностей конской упряжи гальштатского периода на Балканах, в частности в Болгарии [Попов, с. 118-119, рис. 53; Миков, с. 296, рис. 3; Николов, рис. 1, 3; Венедиков, Герасимов, рис. 12, 13; Тончева, tabl. III, 2, 3], и Югославии [Тодоровић, tabl. XVI, 7, 8, 10, 11; XVII, 3-6; XVIII, 1, 7]. Комплекс вещей Голтиградского клада датируется VII в. до н.э. [Лессен, с. 105; Маликова, 1958, с. 29].

Этим же временем датируются и наиболее выдающиеся памятники фракийского гальштата — клад высокохудожественных золотых предметов, принадлежавшие родоплеменному вождю, найденные в с. Михалков [Trzubalawaki; Nadaszak], недалеко от городища Кривче. В силу сложившихся обстоятельств эти клады так и не были взяты владельцами.

Как видим, металлические изделия на городищах Западной Подольи и Прикарпатья повторяют формы аналогичных изделий, имеющих широкое территориальное распространение и происходящих главным образом с Балкан и Подунавья. Основными центрами их изготовления были трансильванские. Вместе с тем на территории Поднепровья существовала и собственная металлургия, о чем свидетельствуют находки литейных форм и льячек, в том числе на городищах и возле них (рис. 3, 4, 5; 4, 7). Однако следует отметить, что местные металлурги не создали собственные формы изделий, а наряду с привозной продукцией заимствовали и их идеи.

Археологический материал городищ позволяет датировать их поздним этапом существования голтиградских памятников. Вместе с тем встречаются и более ранние формы. Это объясняется существованием на месте городищ поселений, которые на позднем этапе в связи со сменой политической обстановки благодаря выгодным топографическим условиям были перестроены в городища. Появление гальштатских городищ совпадает со временем наивысшего развития металлургии бронзы и появлением первых изделий из железа. Технические возможности были направлены в первую очередь на усовершенствование орудий труда, в связи с чем резко возрастает его производительность, что вносит существенные изменения в развитии общественных отношений. Появление значительного избыточного продукта способствует дальнейшему развитию торговли и усилению контактов между племенами, жившими на больших расстояниях друг от друга, что, в свою очередь, приводит к еще большему накоплению богатств в руках родоплеменной верхушки. Ускоряется процесс консолидации племен, между которыми учащаются столкновения. В связи с этим в труднодоступных местах вдоль торговых путей сооружаются городища, как это имело место в Закарпатье [Смирнова, 1966; Балагурі].

Верхний Днестр, Прут и их притоки образуют глубокие каньоны, преимущественно с крутыми труднодоступными склонами и, прокладывая свой путь в каменных породах, постоянно образуют петли. В таких условиях выбор места для постройки городищ широк. Тем не менее, следует отметить, что городища сооружались на западной стороне речных долин (рис. 1). Следовательно, причиной сооружения городищ с мощными укреплениями было появление угрозы с востока. Искусственные сооружения были больше рассчитаны на обходной маневр, чем на прямой штурм. Появление гальштатских городищ, сооружение оборонительных укреплений на которых было чрезвычайно трудоемким для того времени процессом, требовало участия больших коллективов людей и могло быть обусловлено только появлением

реальной военной угрозы. Именно эта угроза заставила часть фракийского населения в скором времени покинуть территорию Прикарпаття.

В свое время автором было подержано мнение о том, что появление гальштатских городищ в Северо-Восточном Прикарпаття обусловлено появлением тут племен скифского времени [Мальцев, 1982, с. 116]. Однако городища сооружаются раньше до появления на этой территории так называемых скифов Западной Подольи. Время их сооружения относится к киммерийскому периоду. Но на рассматриваемой территории не известны памятники, которые могли бы быть оставлены киммерийцами.

Вопрос о причинах возникновения гальштатских городищ Верхнего Поднестровья и Попруття находится в прямой связи с событиями, происходившими в это время на территории Правобережной Украины. Так, в конце IX-VIII в. до н.э. на южной границе правобережной лесостепи в выгодных топографических условиях появляются городища чернолесской культуры, имеющие надежные земляные укрепления [Тереножкин, с. 12-32].

Тесные контакты между фракийскими племенами и населением чернолесской культуры прослеживаются уже в более раннее время и оказали значительное влияние на формирование ряда характерных черт последней. Наиболее существенными из них являются широкое распространение в чернолесских памятниках чернолесской керамики и близость к гальштатским ряда форм и орнаментальных мотивов, а также распространение погребений по обряду кремации.

В VII в. до н.э. чернолесские и гальштатские городища прекращают свое существование. Возникновение чернолесских городищ также разделено значительным промежутком времени с появлением на этой территории скифов.

Не исключено, что возникновение городищ обусловлено осложнившимися отношениями между крупными группами населения, в частности, активизацией хорошо вооруженных фракийских племен. В литературе неоднократно отмечалась роль фракийских элементов в формировании культур украинской правобережной лесостепи [Малюкова, 1958, с. 89; 1972; 1979, с. 30-36; 72-88; Ковпаненко, Смирнова, 1977; 1983; Березанская, 1982, с. 200-202]. В последнее время такие элементы все отчетливее прослеживаются и в степной зоне. Наиболее ярко сахарно-солончоченские черты выражены в лаботинских комплексах, в формировании которых они сыграли важную роль. Очевидным становится и продвижение фракийских элементов из Балкано-Полунавья в правобережную лесостепь, вплоть до Днепра.

Вместе с тем памятники, характерные для правобережной лесостепи, известны в Среднем Поднестровье [Крайчівська]. Причиной угрозы для галицких и чернолесских племен могла быть агрессивность одной из крупных групп фракийского населения, продвинувшая население группы Сахарно-Солончочин далеко на северо-восток.

Последующий период в истории Западной Подольи характеризуется сменой значительной части населения, обусловленной движением крупных групп земледельческого населения из правобережной лесостепи на запад под давлением вторгшихся в причерноморские степи скифов. Оставшаяся часть фракийского населения Западной Подольи была постепенно ассимилирована. Поэтому на заключительном этапе существования гальштатских памятников Поднестровья и Попруття городища или их часть из временных убежищ превращаются в племенные оборонительные центры с постоянным населением.

Андрищенко В.П. Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII-V вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Харьков, 1975. - 52 с.

Балагурі Е.А. Шелестівське городище - пам'ятка населення ранньовалізької доби Закарпаття // Дослідження стародавньої історії Закарпаття. - Ужгород, 1972. - С. 9-75.

Березанська С.С. Кераміка білогрунтіської культури // Археологія. - 1964. - Т. 16. - С. 49-75.

- Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. - Киев, 1982. - 209 с.
 Венедиктов И., Герасимов Т. Тракийское искусство. - София, 1973. - 407 с., 354 ил.
- Иссен А.А. К вопросу о памятниках VII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. - 1953. - Вып. 18. - С. 49-110.
- Ковпаненко Г.Т. Племена скифского часу на Ворсклі. - К., 1967. - 188 с.
 Крушельницька Л.І. Могильник висоцької культури у м. Золочеві // Археологія. - 1965. - Т. 19. - С. 122-134.
- Крушельницька Л.І. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. - К., 1967. - 147 с.
- Малеєв Ю.М. Раскопки на реке Серет // АО 1974 г. - 1975. - С. 319-320.
 Малеєв Ю.М. Гальштатські городища Північно-Східного Прикарпаття // ВКУ, історичні науки. - 1978. - Вып. 20. - С. 109-116.
- Мельникова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. - 1953. - Вып. 51. - С. 60-79.
- Мельникова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. - 1958. - № 64. - С. 5-102.
- Мельникова А.И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. - 1972. - № 1. - С. 57-72.
- Мельникова А.И. Скифия и фракийский мир. - М., 1979. - 255 с.
- Мельниковская О.Н. Археологические разведки на поселении у с. Пахнауци // КСИИМК. - 1954. - Вып. 56. - С. 69-75.
- Мяков В. Материалы от железного века // ИАН. - 1957. - Вып. 21. - С. 294-302.
- Николов Б. Тракийски паметници във Врачанско // ИАН. - 1965. - Вып. 28. - С. 163-203.
- Пеняк С.И. Негровский клад бронзовых мечей (Закарпатская область УССР) // ААН. - 1968. - Вып. 20. - С. 57-63.
- Пеняк С.И. Негровский клад бронзовых мечей (Закарпатская область УССР) // КСИИМК. - 1969. - Вып. 115. - С. 39-44.
- Пеняк С.И., Шабалин А.Д. Слешниковские клады бронзовых изделий // СА. - 1964. - № 2. - С. 193-201.
- Петегрич В.М. Памятники часу навали золотооринців на Галицьку землю // Археологія. - 1983. - Вып. 42. - С. 47-51.
- Петреску-Димовица М. К вопросу о гальштатской культуре в Молдове // МИА СССР и РНР. - 1960. - С. 151-170.
- Попов Р. Праисторически исследования във Врачанското поле // ИАН. - 1923-1924. - Вып. 2. - С. 104-128.
- Раппопорт П.А. Военное зодчество западнонорусских земель X-XIV вв. // МИА. - 1967. - № 140. - 241 с.
- Русу М. "Докаммерийские" детали конской сбруи из Трансильвании // Дація, п.э. - 1960. - № 4. - С. 162-180.
- Свешников І.К. Археологічні роботи Львівського історичного музею в 1952-1957 рр. // Археологічні роботи музею в 1952-1957 рр. - Львів, 1959. - С. 3-28.
- Свешников І.К. Памятники гольградского типа на Западном Подолі // МДАИВ. - 1964. - Вып. 5. - С. 40-66.
- Смирнова Г.И. Поселение бронзового века и раннего железа возле с. Матала Черновицкой области // КСИИМК. - 1957. - Вып. 70. - С. 99-107.
- Смирнова Г.И. Раннегольградский комплекс Матала // КСИИМК. - 1965. - Вып. 105. - С. 109-118.
- Смирнова Г.И. Гальштатские городища в Закарпатье // 1966. - Вып. 19 (2). - С. 397-410.
- Смирнова Г.И. Поселение Матала - памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина VII - середина VIII вв. до н.э.) // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. - МИА. - 1969. - № 150. - С. 7-34.
- Смирнова Г.И. Население Восточных Карпат в эпоху раннего гальштата (гавско-голиградский круг памятников) // Культура і побут населення Українських Карпат. - Ужгород. - 1973. - С. 166-176.
- Смирнова Г.И. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // АСЭ. - 1976. - Вып. 17. - С. 18-34.
- Смирнова Г.И. О хронологии и соотношении памятников типа Сахарна-Соловчени и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинца на Днестре) // СА. - 1977. - № 4. - С. 94-107.
- Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (К вопросу формирования черноморско-жаботинских памятников) // АСЭ. - 1983. - Вып. 23. - С. 60-72.
- Тереженкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. - Киев, 1961. - 246 с.
- Толоровић Ј. Каталог праисторијских металних предмета. - Београд, 1971. - 171 с., 48 табл.
- Тончева Г. О фракийцах внешней Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в XI-X вв. до н.э. // Studia Thracica. - 1975. - Вып. 1. (Фрако-скифские культурные связи). - С. 28-35.
- Тимошук Б.О. Археологічні пам'ятки Чернівецької області. - Чернівці, 1970. - 40 с.
- Тимошук Б.О. Зустріч з легендою. - Ужгород, 1974. - 126 с.
- Шрамко Б.А. Восточные укрепления Бельского городища // Скифские древности. - Киев, 1973. - С. 82-112.

- Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск - город Гелон // Скифский мир. - Киев, 1975. - С. 94-132.
- Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-скифский звериный стиль в искусстве народов Евразии. - М., 1976. - С. 194-209.
- Cičíkova M. Frühthrakische Siedlungen in Bulgarien // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. - Bratislava, 1974. - S. 61-84.
- Pogel E. Studien nad uzbrojeniem ludności kultury lużuckiej w dorzeczu Odry i Wisły. - Poznań, 1979. - 173 s., 17 tabl.
- Nadaczek K. Złote skarby Michalkowskie. - Kraków, 1904. - 30 s., 13 tabl.
- Horedt K. Așezarea fortificată din perioada tîrzie a bronzului de la Sighetul Marmatei. - Baia Mare, 1966. - 24 p.
- Horedt K. Befestigte Siedlungen der Spätbronze und der Hallstattzeit im innerkarpatischen Rumänien // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. - Bratislava, 1974. - S. 205-228.
- Hrala J. Otáaska původu a rozšírení meču liptovského typu a meču s čiškovicou rukojetí // AR. - 1954. - 6(2). - S. 215-226.
- Krušelnicka L. Studien zur Besiedlung der Ukrainischen Karpaten und des Karpatenvorlandes zu Beginn der Eisenzeit // AAC. - 1979. - 19. - S. 73-96.
- Kopernicki J. Poczukiwania archeologiczne w Horodnice nad Dniestrem // ZWAK. - 1878. - t. 2. - S. 19-72.
- Majewski K. Kultura aigajska. - Lwów, 1953. - 304 s.
- Morintz S. Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la lumière des fouilles de Babadag // Dačia, n.s. - 1964. - 8. - S. 101-118.
- Patrescu-Dîmbovița M. Depozitale de bronzuri din România. - Bucuresti, 1977. - 390 s.
- Popa A.I., Berciu J. Contribution à l'étude des dépôts d'objets Hallstattiens // Dačia, n.s. - 1964. - 8. - S. 87-100.
- Przybylski W. Dwa złote skarby w Michalkowie // Teza konserwatorów Galicji wschodniej. - Lwów, 1900. - t. 2. - S. 31-43.
- Smirnova G.I. Über die Entstehung der Denkmäler der Holihrady-Gruppe im Vorkarpatengebiet // VII Congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Les rapport et les communications de la delegation des archeologues de l'USSR. - Moskva, 1971. - 11 s.
- Smirnova G. Complexele de tip Cava-Hilihrady - o comunitate cultural-istorica // SCIV. - 1974. - 25 (3). - P. 359-380.
- Sulimireki T. Sprawozdanie z dzialności Iwowskiego ośrodka przedhistorycznego // ZOW. - 1935. - N 2. - S. 38.
- Willvonseder K. Ein Depotfund aus Stillfried a. March (Niederöster) // WPZ. - 1933. - 19. - S. 25-38.
- Zaharia E. Remarques sur la Hallstatt ancien de Transilvanie. - Fouilles et travaux de Mediaș de 1958 // Dačia. - 1965. - 9. - P. 83-104.
- Zaharia E., Morintz S. Cercetarea hallstatului Timuriu în România // SCIV. - 1965. - N 3. - P. 451-462.
- Zurowski K. Zabytki brązowe z młodziej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru // PA. - 1949. - 8, N 2. - S. 155-247.

Н. П. Гершкович, В. И. Ключко

СВЯЗИ ПЛЕМЕН НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

(по материалам

Завадовской литейной мастерской)

Завадовский комплекс образует одну из богатейших коллекций литейных форм эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья. Со времени находки прошло почти 20 лет, литейные формы публиковались по крайней мере трижды у нас в стране и за рубежом [Лесков, 1965, с. 63-68; Воцкарев, Леаков, 1980, с. 22-23; Парашутдинова, 1982, рис. 49, 50]. Однако, как показало знакомство с оригиналами, хранящимися в фондах, и экспозицией Херсонского краеведческого музея, ни одна из существующих публикаций не дает полного представления об ассортименте и количестве вещей, отливавшихся в формах, особенностях самих литейных форм¹. Эти обстоятельства, а также в связи с тем, что материалы Завадовки привлекаются при широких историко-культурных построениях по эпохе поздней бронзы Северного Причерноморья и Восточной Европы в целом [Бочкарев, Лесков, 1978, с. 23-26], вынуждают вновь обратиться к этой интересной и, действительно, важной находке. Свою задачу авторы настоящей статьи видят в следующем: дать исчерпывающе полную публикацию завадовских литейных форм, попытаться с учетом новых данных уточнить хронологическую позицию и культурную принадлежность

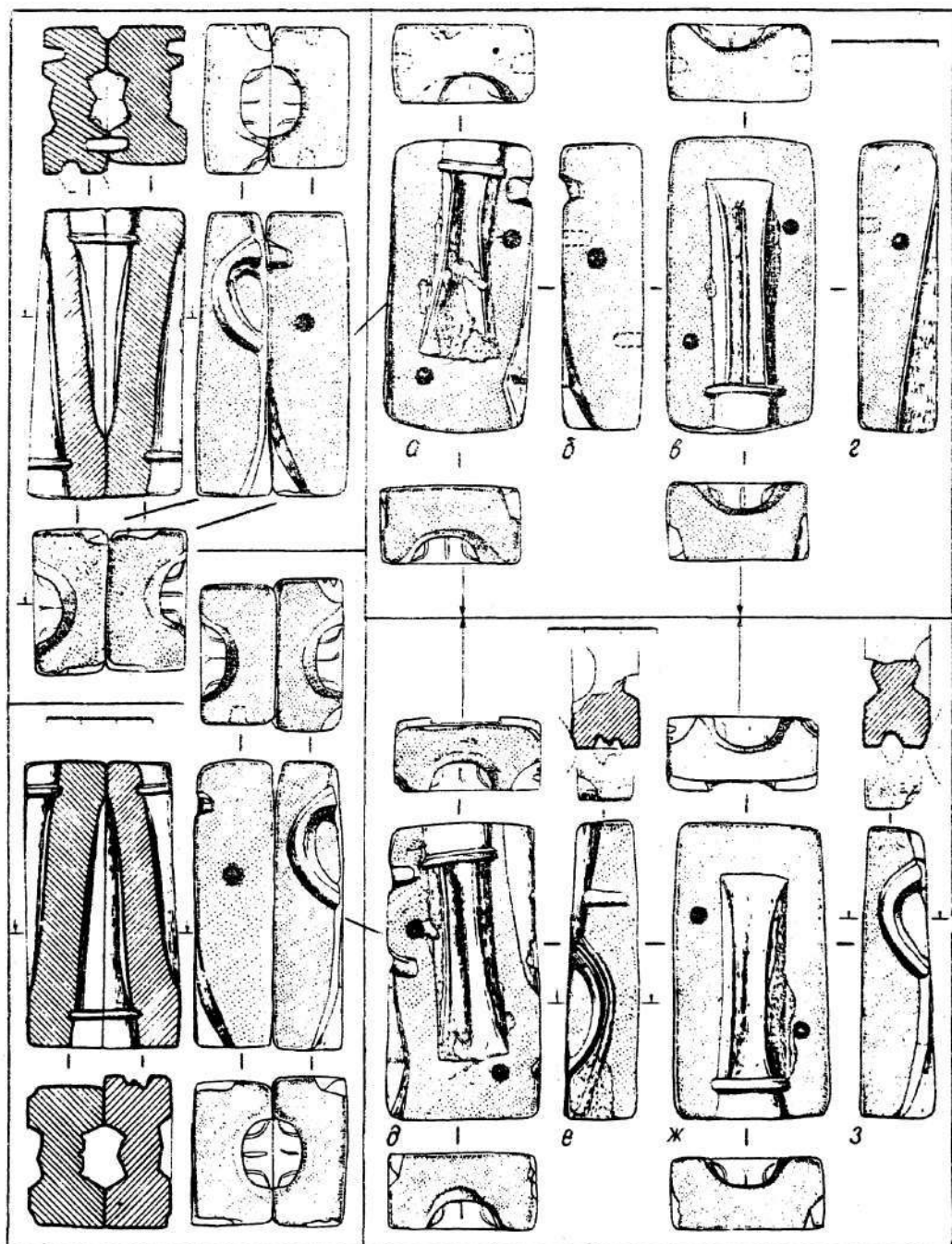

Рис. 1. Двусоставная двусторонняя форма для отливки втульчатых долот (а, в, д, ж)

мастерской и рассмотреть некоторые связи населения Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы.

Методы исследования литейных форм отличны от работы с керамическим материалом или даже готовыми металлическими предметами. Установлено неоднократное использование для изготовления различных негативов одних и тех же каменных брусков, вследствие чего стертymi или полустертыми оказывались наиболее старые из них [Черняков, 1967, с. 182]. Брусочки разрезались на несколько частей, на предшествующее использование указывают лишь остатки штифтового соединения от старых негативов. В результате порой оказывается сложно оценить и

даже понять их, а также процедуры как "протирка" на бумаге и прорисовка по фотографиям не дадут адекватного изображения предмета и приводят к искаженному представлению о нем. Учитывая это, авторы при работе с формами применяют пластилин. Полученные с его помощью оттиски помогают выяснить технику литья, получить общее представление о готовом изделии и его последующих доработках. Для графического изображения заводских литейных форм использованы фотографии и пластилиновые слепки, по которым контролировались также глубины и очертания мелких деталей³.

В составе Заводского комплекса 11 матриц, одна из которых найдена позднее других [Лесков, 1965, с. 63].

Двусоставная двусторонняя форма (рис. 1). Брусочки прямоугольные в сечении, длиной 8,4 см, шириной 4,3 см, толщиной 2,3 см³. На негативах - два втульчатых долотца (рис. 1, а, в, д, ж). Гладкие овальные в сечении литники расположены по обе стороны от втулок. Поверхность негативов с выщербинами от сработанности. Брусочки совмещались с помощью двух штифтов, для которых по обе стороны от долотца просверлены четыре круглых отверстия.

Форма изготовлена из распиленных по длине и поперек двусоставной двусторонней формы. На одной половине - боковая часть кельта с овальным ушком (рис. 1, з) и часть законечника копья с прорезным пером (рис. 1, е), в средней части его втулки вырезана канавка, служившая направляющей сердечника, обеспечивающего получение отверстия на отлитом изделии. На другой половине - два отверстия для штифтов; тип изделий, предназначавшихся для отливки, из-за незначительной площади старых распиленных негативов не определяется, возможно, это кинжал и кельт (рис. 1, б, г).

В работе В.С.Бочкарева и А.М.Лескова рисунок формы не полон [Бочкарев, Лесков, 1980, tabl. 9, 78]: не даны разрезы (как и для других форм), показаны не все боковые стороны каждой из половинок, не отмечено, что литники кельтов на каждой из широких сторон направлены в противоположные стороны.

Половина двусоставной трехсторонней формы (рис. 2). Брусочек прямоугольный в сечении, длиной 16,4 см, шириной 8,4 см, толщиной 5,6 см. На широкой стороне - неоконченный негатив кельта с двумя ушками, гладкий округлый в сечении литник расположен со стороны втулки (рис. 2, а). По обе стороны от кельта - два круглых отверстия для штифтового соединения со второй половиной формы. В нижней части - неоконченный негатив тесловидного (?) предмета, расположенного асимметрично по отношению к негативу кельта (рис. 2, а).

На боковой стороне вырезан кинжальчик. Литник расположен со стороны острия. По обе стороны от негатива - два отверстия для штифтового соединения (рис. 2, б).

На противоположной широкой стороне - втульчатые долотца с гладкими округлыми в сечении литниками со стороны втулок, а в основании - еще один негатив одноушкового кельта. Круглые отверстия для штифтового соединения расположены по одну сторону (рис. 2, в).

Половина двусоставной односторонней формы (рис. 3, 1). Брусочек с одной стороны плоский, с другой - округлый, вероятно, имитирует глиняные литейные формы, одна из сторон которых часто закруглена. Длина бруска 10,6 см, ширина 7,7 см, толщина 1,6 см. На плоской стороне вырезан негатив двуушкового кельта со следами сработанности, особенно в области ушек. Два отверстия для штифтового соединения со второй половиной формы расположены по обе стороны от негатива (рис. 3, 1, а). На оборотной округлой стороне нанесены прорезные линии в виде "личины" (рис. 3, 1, б).

³ Все графические изображения и реконструкции выполнены под руководством авторов художником Института археологии АН УССР П.Л.Корниенко по разработаемой им методике.

³ Здесь и ниже указываются максимальные размеры форм.

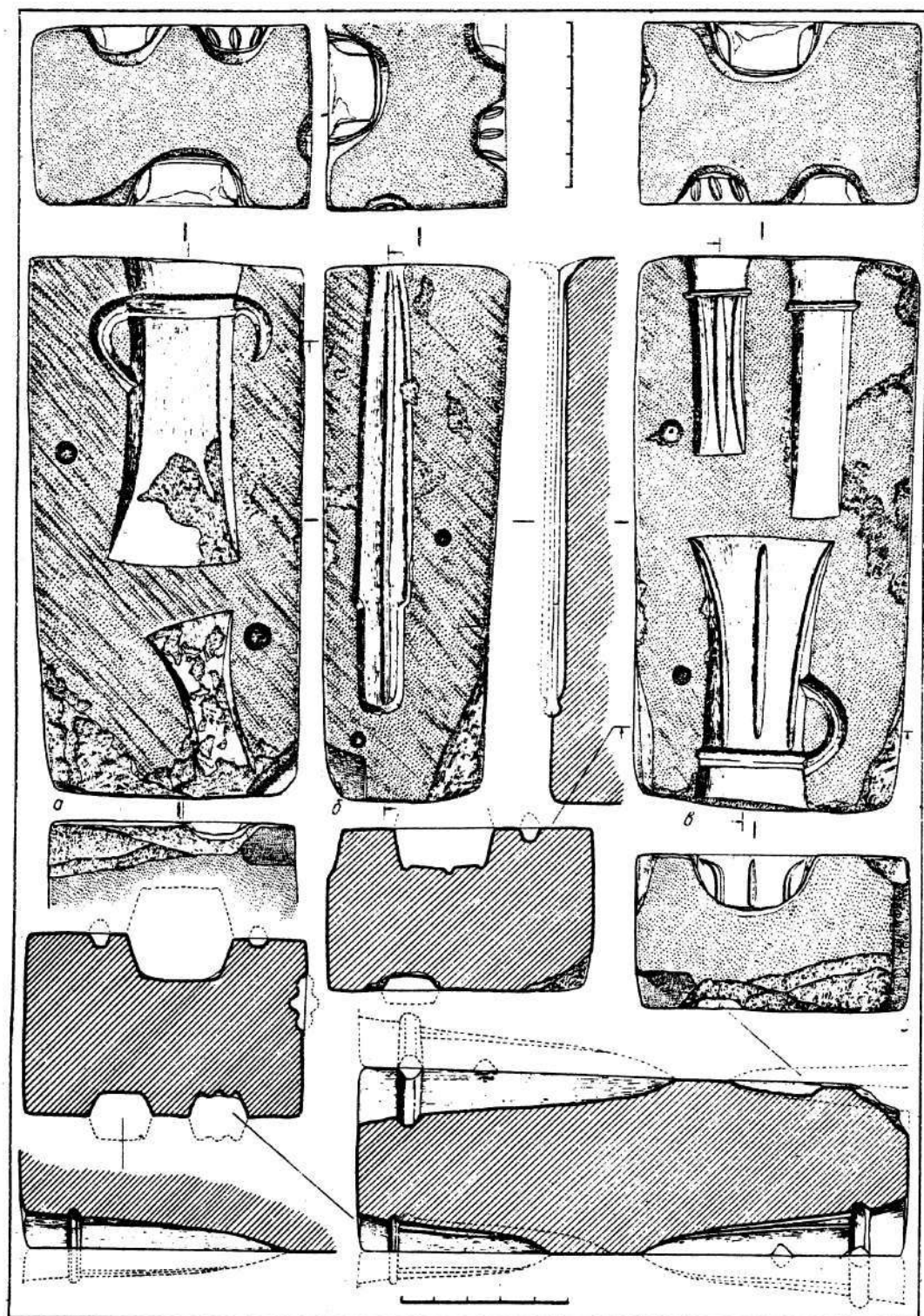

Рис. 2. Половина двусоставной трехсторонней формы для отливки кельта и тесловидного (?) предмета (а), кинжалчика (б), втульчатых долотец и кельта (в)

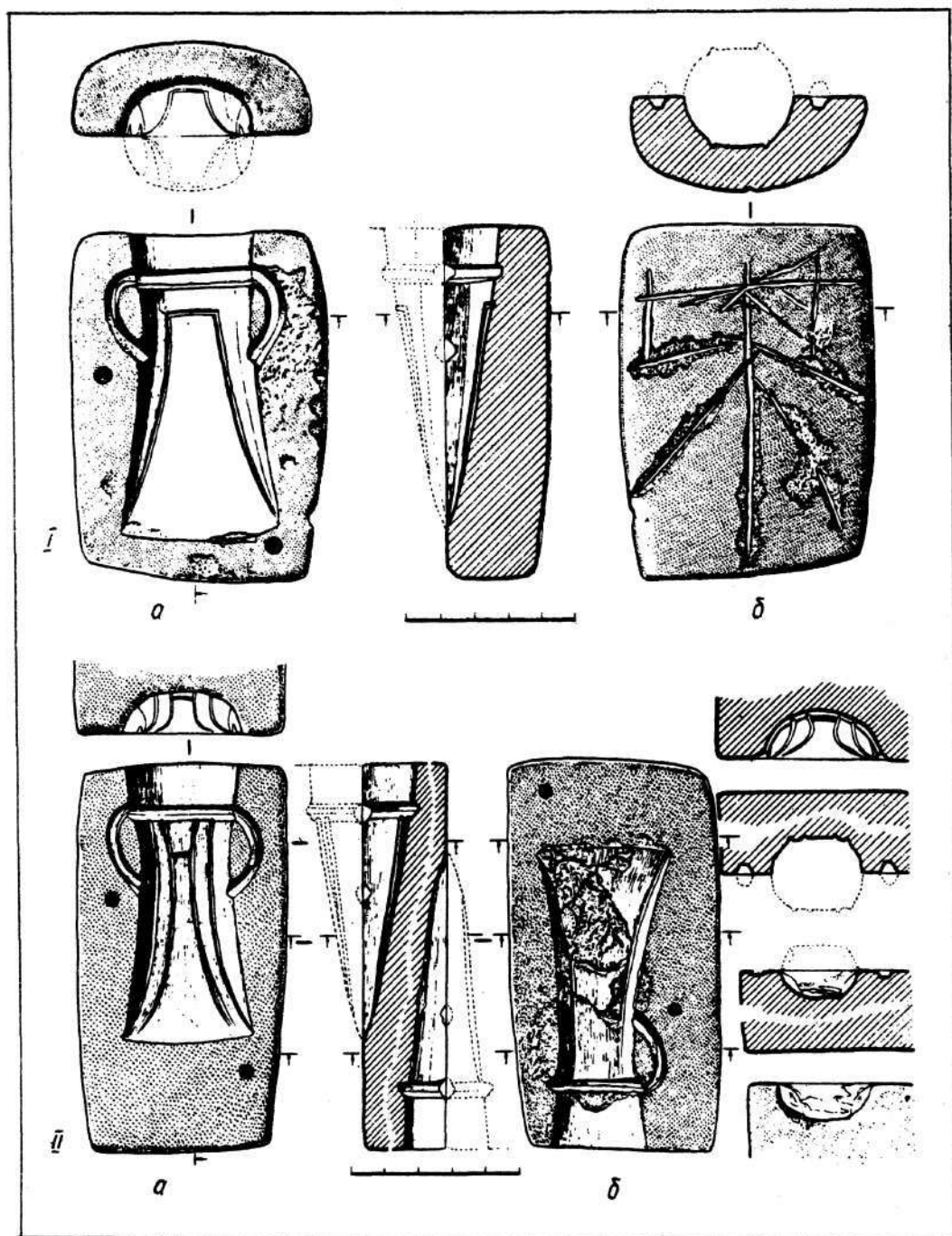

Рис. 3. I - Половина двусоставной односторонней формы для отливки кельтов (а), орнамент на оборотной стороне (б). II - Половина двусоставной двусторонней формы для отливки кельтов (а, б)

Половина двусоставной двусторонней формы (рис. 3, 2). Брусек подпрямоугольный в сечении, длиной 11,6 см, шириной 6,2 см, толщиной 3 см. На широкой стороне вырезан двушковый кельт (рис. 3, 2, а). Гладкий округлый в сечении литник расположен со стороны втулки. Поверхность негатива со следами сработанности, по обе стороны от него - два круглых отверстия для штифтового соеднения.

На оборотной широкой стороне - сильно сработанный негатив одношкового кельта, гладкий литник расположен со стороны втулки (рис. 3, 2, б). По обе

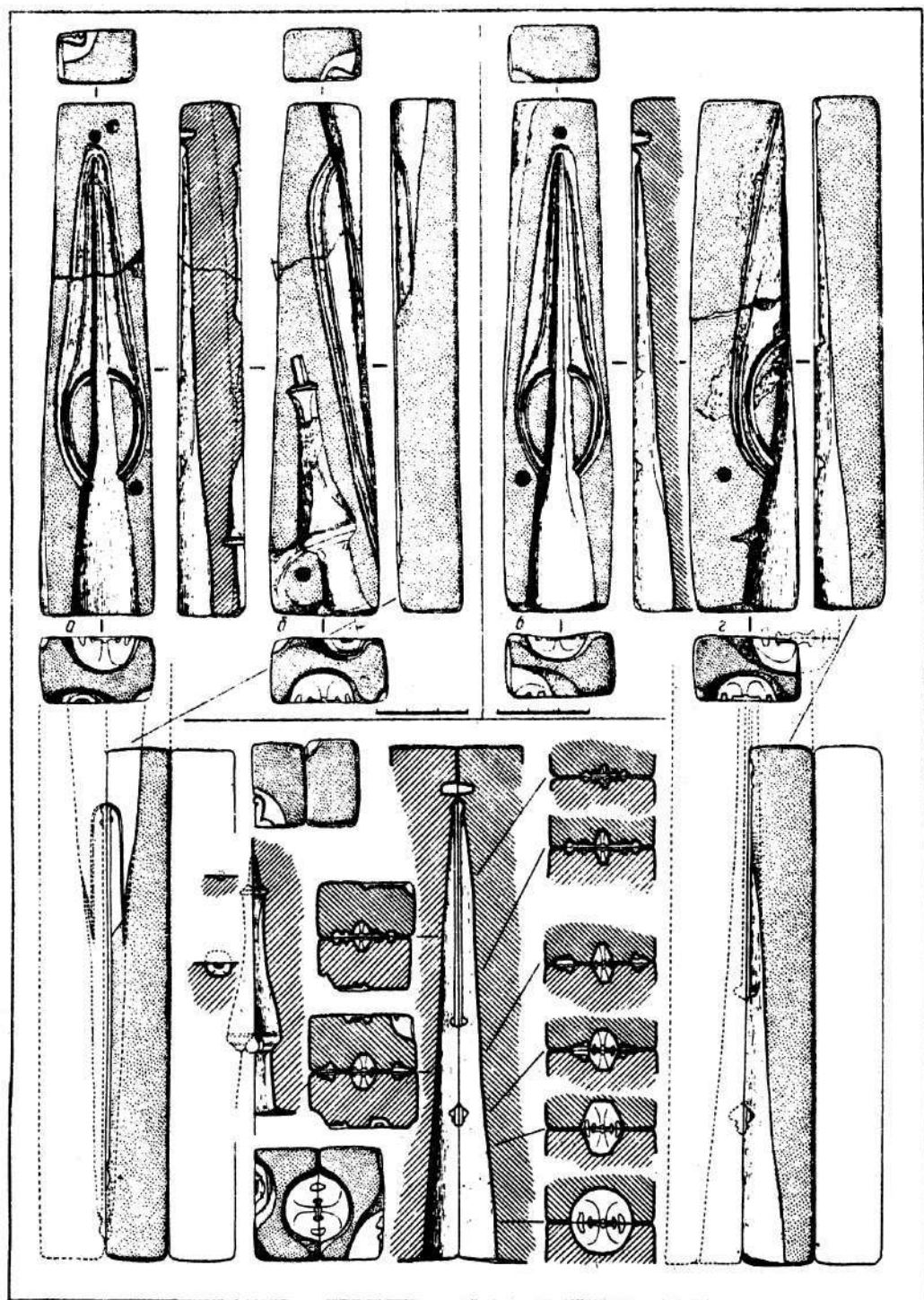

Рис. 4. Двухставная двусторонняя форма для отливки наконечника копы с про-
резным пером

стороны просверлены отверстия для штифтов. Эта сторона формы в работе В.С.Бочкарева и А.М.Лескова не представлена [Воскачев, Лесков, 1980, табл. 10, 82].

Двухставная форма (рис. 4). Бруски прямоугольные в сечении, длиной 17 см, шириной 3,8 см, толщиной 2,2 см. Вырезан наконечник копы с прорез-

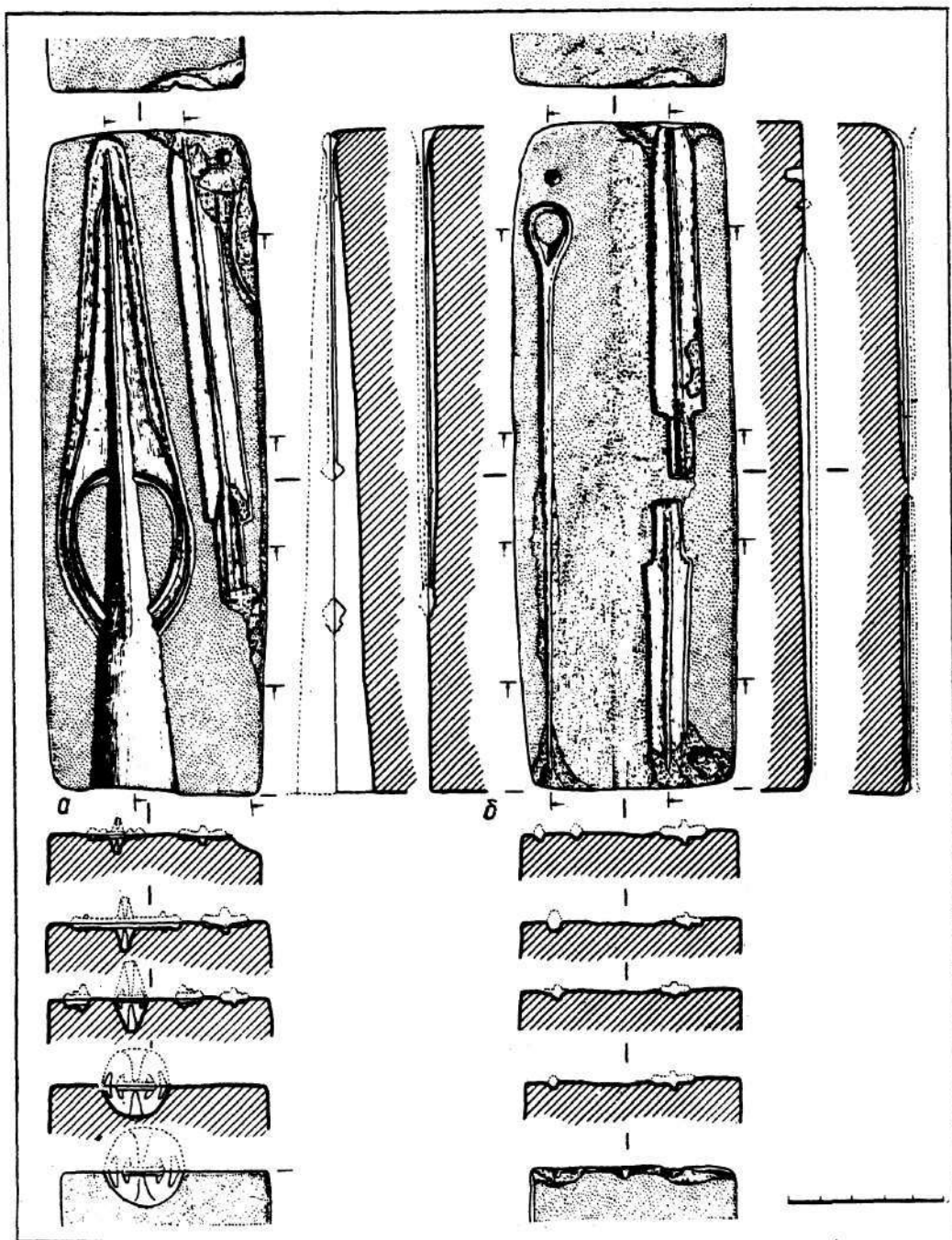

Рис. 5. Половина двусоставной двусторонней формы для отливки кинжала (а, б), копья с прорезным пером (а), булавки с кольцевой головкой (б)

ным пером (рис. 4, а, в). На поверхности негатива сильный нагар. Литник расположен со стороны втулки. Бруски совмещались с помощью двух штифтов, для которых у верха острия и между основанием пера и втулкой просверлены четыре отверстия. Еще одно непарное, сточенное отверстие — от старого негатива, полностью стертого при изготовлении негатива копья (рис. 4, а), позволяет говорить о том, что эта половина изготовлена из двусоставной двусторонней формы. Один из старых негативов ее сохранился (копье с профилированным пламенистым пером), другой стерт полностью, а связанное с ним штифтовое отверстие снято примерно на $\frac{2}{3}$ своей первоначальной глубины.

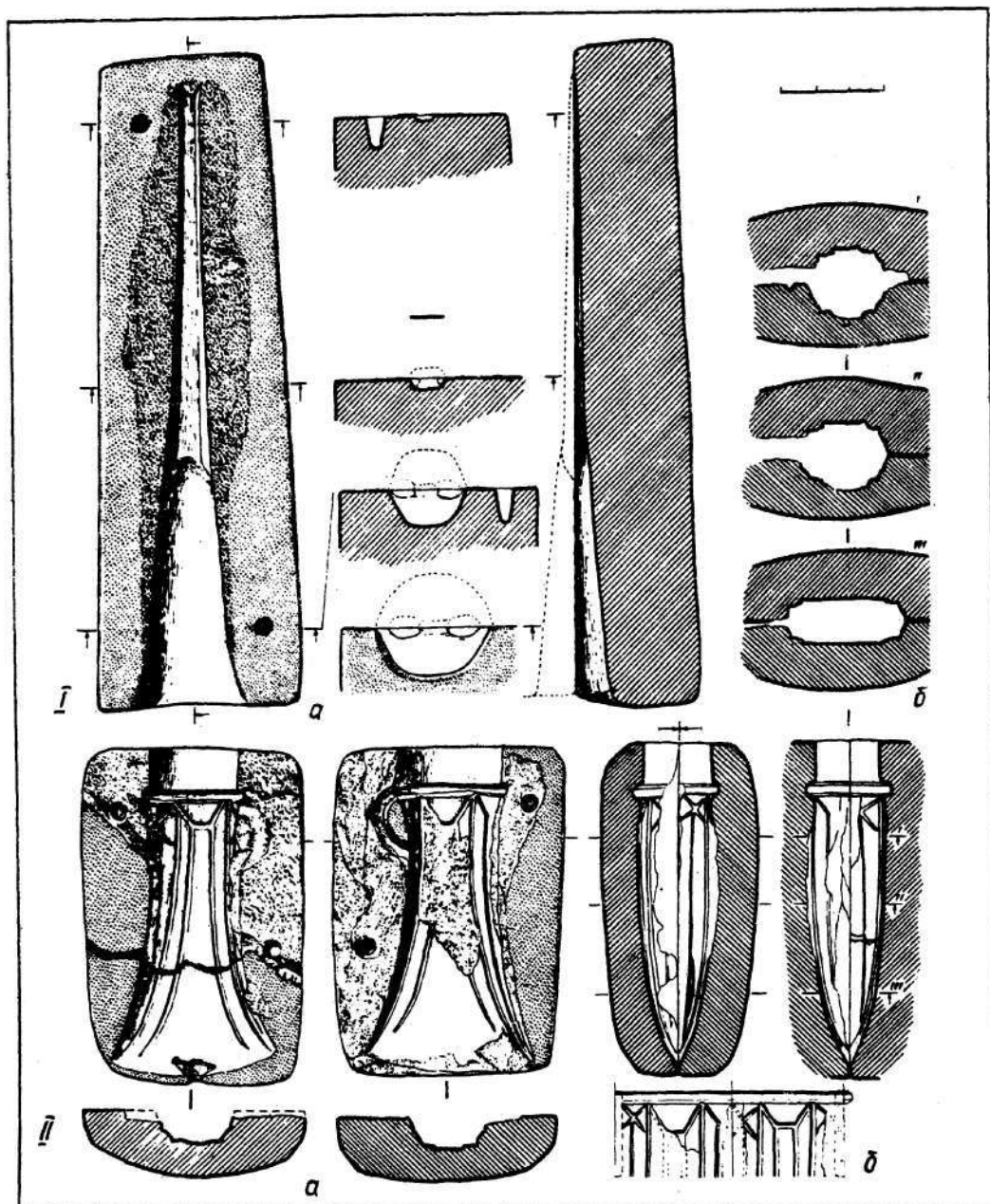

Рис. 6. I — половина двусоставной односторонней формы для отливки кельца; II — двусоставная односторонняя форма для отливки кельца (а), орнамент у втулки кельца (б)

Форма изготовлена из распиленных по длинной оси половины двусоставной двусторонней (рис. 4, а, б) и двусоставной односторонней форм (рис. 4, г). На широкой стороне двусоставной односторонней формы — остатки негатива копы с прорезным пером (рис. 4, г). Литник расположен со стороны втулки. Сохранилось одно штифтовое отверстие для совмещения со второй половиной формы. На широкой стороне двусоставной двусторонней формы — копы с профилированным пламенистым пером (рис. 4, б). Литник расположен со стороны втулки. Здесь же, на оставшейся площади вырезан негатив колоколовидной подвески с чуть скошенным основанием, в которое вставлялся длинный конусовидный стержень, обеспечивающий получение сквозного отверстия по всей длине предмета. Литник расположен сбоку.

По всей поверхности подвески сильный нагар. Между литником и основанием находится отверстие для штифтового соединения (рис. 4, б).

Совмещение распиленных негативов копий в одно [Voškarev, Leskow, 1980, tabl. 10, 80, 6] - явное заблуждение, поскольку на каждом из них представлены разные типы этих изделий. Кроме того, они входили в состав различных пар форм - односторонних и двухсторонних (см. выше).

Половина двусоставной двухсторонней формы (рис. 5). Брусок прямоугольный в сечении, длиной 21,4 см, шириной 7,2 см, толщиной 2 см. На одной из широких сторон - негативы кинжалчиков, расположенных черенками друг к другу (рис. 5, б). Литники вырезаны со стороны острий, выкрошены и закопчены. Здесь же негатив булавки с кольцевой головкой, литник расположен со стороны острия. По обе стороны от негативов вырезаны два отверстия для штифтов. На другой стороне формы - копы с прорезным пером и еще один кинжалчик (рис. 5, а).

Половина двусоставной односторонней формы (рис. 6, 1). Брусок прямоугольный в сечении, длиной 19,5 см, шириной 6 см, толщиной 4 см. Представлен негатив втульчатого кельца, литник со стороны втулки. Два круглых отверстия для штифтов расположены по обе стороны от него.

Поверхность литнейной формы по краям негатива выкрошилась. Это позволило В.С.Бочкареву и А.М.Лескову реконструировать его как наконечник копья с остролистным пером [Voškarev, Leskow, 1980, tabl. 10, 85]. Однако, во-первых, края выкрошены по всей длине орудия, включая втулку, а не только у бойка, принято у В.С.Бочкаревым и А.М.Лесковым за нервюру копья; во-вторых, глубина выкрошенности не превышает 1 мм, то есть при столь незначительной глубине повреждения следы пера копья сохранились бы, но их нет.

Двусоставная односторонняя форма (рис. 6, 2). Брусочки подтрапециевидные в сечении, длиной 10 см, шириной 6,8 см, толщиной 1,5 см. На широкой, частично собитой стороне сильно выкрошенные негативы одношпкового кельца. Литник расположен со стороны втулки. По обе стороны от негативов - отверстия для штифтового соединения. Некоторые из рассмотренных брусков использовались для изготовления негативов неоднократно. В числе наиболее старых:

1. Наконечник копья с пламевидным профилированным пером (рис. 4, б) с дополнительными гравиями на нем и сложной тройной нервюрой. Длина сохранившейся части 15,5 см, ширина 1,8 см. Является одним из вариантов широко распространенных в памятниках Карпатского бассейна (особенно в палинской культуре) периодов NaA [Veliščík, 1983, s. 43-44]. В Трансильвании в качестве примера можно назвать наконечники копий из вклада Мочу XIII в. до н.э. [Petrescu-Dîmbovită, 1977, s. 64, pl. 56, 26] и Галошпетрау [Petrescu-Dîmbovită, 1977, pl. 146, 17].

2. Колоколовидная подвеска (рис. 4, б). Длина 5 см, диаметр верхнего отверстия 0,5 см, нижнего - 1,5 см. Аналогичные изделия есть в трансильванских вкладах времени NaA_1 [Petrescu-Dîmbovită, 1977, pl. 165, 33, s. 114-117; pl. 246, 17] (см. ниже).

3-4. Наконечники копий с прорезным остролистным пером и нервюрой на перо (рис. 1, е; 4, г). Прорез усилен толстой ромбической нервюрой. Длина сохранившейся части одного из них 16 см, ширина 2 см (о них см. ниже).

5. Одношпковый (?) кельт (рис. 1, з). Детали формы не восстанавливаются.

6-7. Кельт (?) и кинжал (рис. 1, б, г). Детали форм не восстанавливаются.

Как установлено И.Т.Черняковым, в одной форме предметы могли отливаться около 130 раз [Черняков, 1975, с. 28]. Теоретически, следовательно, не исключена возможность длительного использования негатива до полного его повреждения. Поскольку зачастую невозможно выяснить, насколько велик (и существовал ли вообще) хронологический разрыв между наиболее старыми и новыми негативами, следует обратить внимание на те комплексы, которые дают аналогичные предметы

в первом и в последующих горизонтах. На примере заваловских форм мы можем говорить об отсутствии значительного хронологического разрыва, так как на новых негативах представлены те же типы изделий, в частности копьё с прорезным пером.

Негативы второго горизонта Завадовского комплекса:

1. Наконечник копьё с пламевидным профилированным прорезным пером с дополнительными ребрами на перо и ромбической в сечении nerviroй (рис. 5, а). Длина 20 см, диаметр втулки 2,6 см, ширина пера 4,2 см.

2. Наконечник копьё с пламевидным профилированным прорезным пером, прорезь усилена толстой ромбической nerviroй (рис. 4, а, в). Длина 15 см, диаметр втулки 2,2 см, ширина пера 3 см.

Аналогичные наконечники копий отливались в литейной форме из уроч. Солоха у г. Каменка-Днепровская Запорожской обл. [Лесков, 1967, с. 148, рис. 2, 2]. Единственный известный в настоящее время наконечник копьё этого типа происходит из с. Колоберда Каневского р-на Черкасской обл. [Tallgren, 1926, fig. 108, 9]. Прямых аналогий таким наконечникам нет в памятниках соседних территорий, однако, как отмечают некоторые исследователи, форма пера и наличие дополнительных граней позволяет сблизить их с западными пламевидными наконечниками копий периода ВД-НаА₁ [Черных, 1976, с. 101-102].

3. Втульчатый клевец с круглой втулкой и трапециевидным в сечении бойком (рис. 6, 1). Длина 19 см, диаметр втулки 3 см, бойка - 12 см, ширина 0,8 см. Ошибочно реконструирован В.С.Бочкаревым и А.М.Лесковым как остаток негатива наконечника копьё [Bočkarov, Leskov, 1980, tabl. 10, 85]. Аналогичный клевец есть, например, в кладе Цинку (НаА₁) [Petrescu-Dîmbovița, 1977, s. 88-89, pl. 129, 1].

4-7. Черешковые "кинжалчики" с параллельными лезвиями и тонкой круглой в сечении nerviroй по всей длине изделия (рис. 2, б; 5, а, б). Длина 14,5; 13,5; 11; 9 см. Обломки аналогичных "кинжалчиков" содержатся в кладе Молдова Вехе I (НаА₁) и в кладе из Шпалнака [Petrescu-Dîmbovița, 1977, pl. 164, 18, 20, 24, s. 99-100; Черных, 1976, с. 117]. Е.Н.Черных отличает такие изделия (Н-20, по его классификации) от ножей Н-22 (Килийское поселение и др.) [Черных, 1976, с. 117].

8. Одноушковый шестигранный в сечении кельт, грани на лезвии подчеркнуты двумя параллельными валиками (рис. 3, 2, б). Длина 7,5 см, диаметр втулки 3 см, ширина лезвия 4 см. В качестве аналогий можно назвать обломок кельта из клады Батарки в Трансильвании XIII в. до н.э. [Petrescu-Dîmbovița, 1977, s. 52-53, pl. 24, 11].

9. Двухушковый шестигранный в сечении кельт, грани на лезвии подчеркнуты валиками, не доходящими до втулки (рис. 3, 1, а). Длина 8,2, диаметр втулки 3,5 см, ширина лезвия 4,7 см.

10. Двухушковый шестигранный в сечении кельт (рис. 3, 2, а). Грани на лезвии подчеркнуты двумя параллельными валиками, доходящими до втулки. Длина 7 см, диаметр втулки 3 см, ширина лезвия 4 см.

11. Двухушковый шестигранный в сечении кельт (рис. 2, а). Длина 8,2 см, диаметр втулки 3,3 см, ширина лезвия 4 см.

Кельты № 8-11 в комплексах не известны. Необходимо отметить выявленную Е.Н.Черных близость этих орудий кельтам кабаковского типа [Черных, 1976, с. 190-191], датированных А.М.Лесковым XV-XIV вв. до н.э. [Leskov, 1981, с. 54].

12. Одноушковый шестигранный в сечении кельт с вертикальным валиком, опущенным от втулки к лезвию (рис. 2, в). Грани на лезвии подчеркнуты валиком, доходящим до втулки. Длина 7 см, диаметр втулки 3 см, ширина лезвия 4,5 см. Прямые аналогии не известны. По форме лезвия и наличию горизонтального валика ему близки кельты по литейной форме, найденной на поселении Бондарьки-

ской культуры у с. Бондариха близ г. Накм Харьковской обл. [Войткевич, Лесков, 1980, таб. 13, 115].

13. Одноушковый шестигранный в сечении кельт, орнаментированный на гранях рельефными валиками (рис. 6, 2, а, б). Длина 8,5 см, ширина лезвия 5 см, диаметр втулки 3 см. Ему близки кельты из клада Агуд, НаА₁ [Petrescu-Bîmbovița, 1977, pl. 101, 12-14], отличающиеся лишь орнаментом.

14. Втульчатое долотце, шестигранное в сечении (рис. 1, в, ж). Одна сторона желобчатая, другая — плоская с вертикальным валиком. Втулка и грани лезвия усилены валиком. Длина 6 см, диаметр втулки 2 см, ширина лезвия 2 см.

15. Втульчатое долотце, шестигранное в сечении (рис. 1, а, д). Обе стороны желобчатые. Втулка и грани усилены валиками. Длина 6 см, диаметр втулки 2 см, ширина лезвия 2 см.

А.М.Лесков и В.С.Бочкарев ошибочно реконструировали валики на всех широких сторонах долотца № 14-15 [Войткевич, Лесков, 1980, таб. 9, 78, а, б]. На этом примере видно, что рисунки ими делались лишь по прорисовкам или по некачественным фотографиям — в противном случае подобное несоответствие рисунка и оригинала объяснить невозможно.

16. Втульчатое долотце, шестигранное в сечении (рис. 2, в). Широкая сторона плоская с вертикальным валиком, доходящим до конца лезвия. Втулка и грани усилены валиками. Длина 5 см, диаметр втулки 2 см, ширина лезвия 1,5 см.

17. Втульчатое долотце, овальное в сечении. На втулке — валик (рис. 2, в). Длина 6,5 см, диаметр втулки 2 см, ширина лезвия 1,5 см.

18. Булавка с кольцевой головкой (рис. 5, б). Длина 18 см, ширина головки 1,5 см. Имеет многочисленные аналогии в сабатиновских и ногоческих материалах [Черных, 1976, с. 128].

19. Тесловидный (?) предмет (рис. 2, а)*.

Таким образом, большинство аналогий изделиям, отливавшимся в Заваловской литейной мастерской, происходят из западных кладов (прежде всего — трансильванских) периода НД-НаА₁. Мы считаем, что есть все основания именно этим временем датировать мастерскую. Методологическая попытка о необходимости датировок подобных комплексов по наиболее поздним вещам, безусловно, остается в силе. Но, как было показано выше, разрыв между негативами первого и второго горизонта Заваловской мастерской мог быть незначительным.

Ее более позднее хронологическое положение по отношению к другим коллекциям литейных форм эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья убедительно установлено А.М.Лесковым [Лесков, 1967, с. 149]. Этот вывод подтверждался находками некоторых типов металлических изделий, аналогичных заваловским, в белозерских погребениях. К сожалению, в самой Заваловке, в месте обнаружения литейных форм, раскопки не проводились, а указание на находки здесь керамики белозерского типа [Войткевич, Лесков, 1980, с. 22] документально не подтверждено²²². В силу этого проверка тех или иных датировок возможна лишь с учетом материала других памятников Северного Причерноморья, в первую очередь — белозерских. Их значительное омоложение (от XI до конца IX в. до н.э.) [Лесков, 1967] уже подверглось серьезной критике со стороны А.И.Тереножкина [Тереножкин, 1976, с. 196], по мнению которого рассматриваемые древности следует да-

* Кроме описанных литейных форм из Заваловки происходит овальный в сечении кельт (безушковый) и нож с ложным ребром на листовидном клинке, переходящим в черенок (Н-12 и К-4 по Е.Н.Черных). Аналогии им известны в Среднем и Нижнем Поднепровье, Поднестровье, на Дону, Нижнем Подунавье, а хронологическое положение ножей Н-12 в пределах XII-XI вв. до н.э. надежно подтверждается кладами Трансильвании (Балени и Ульми-Литени) [Черных, 1976, с. 69, 72, 115]. Интересна находка литейной формы для ножей Н-12 на поселении у с. Бондариха [Черных, 1976, с. 115].

²²² Это тем более досадно, что уже в начале 70-х годов поселение интенсивно разрушалось водами Каховского моря.

тировать XII-X вв. до н.э. [Тереножкин, 1976, с. 197]. К вопросу о датировке белозерских памятников А.И.Тереножкин, как известно, обращался неоднократно [Тереножкин, 1965] и постоянно учитывал новые материалы, даже если они противоречили его прежним представлениям [Тереножкин, 1967, с. 197]. В этой связи хотелось бы обратить внимание на некоторые факты, трактовка которых может быть неодинаковой у разных исследователей, но которые не позволяют считать вопрос о белозерских датах окончательно решенным и в настоящее время.

Публикуя материалы белозерского могильника у с. Степное, В.В.Отрошенко привел многочисленные аналогии найденным здесь смычковым фибулам: от XV-XIV до X вв. до н.э., вилочная пескьерские [Отрошенко, 1975, с. 202-203], которые сейчас надежно датируются XIII в. до н.э. [Kemenzsei, 1984, с. 87], о широких датировках таких фибул пишет и И.Н.Шарафутдинова, полагая, впрочем, что "их вряд ли можно считать точно датированным материалом" [Шарафутдинова, 1982, с. 131]. С таким выводом, конечно, нельзя не согласиться но обращает на себя внимание устойчивая тенденция в сторону удренения и по ряду других категорий инвентаря рассматриваемых памятников. Например, в том же могильнике у с. Степное найдены глазчатые буны (к. 5, п. 2). Как установил В.В.Отрошенко, в Египте они существуют с XIV в. до н.э. [Отрошенко, 1975, с. 203], а колоколовидные подвески (к. 5, п. 1) - в Венгрии и Румынии в период NaA₁ [Отрошенко, 1975, с. 203]. Заметим, что последние морфологически и функционально близки так называемым воронковидным подвескам [Trichterförmige Anhänger] культуры Сучку де Сус, Пилини, Беркеш-Демечер [Demetrova, 1984, tab. XII, IX, VII; Kemenzsei, 1984, tab. VI, II, XV, 23, 24; XXX, 7, 8; XIV, 2, D]. На территории распространения названных культур не позднее XII в. до н.э. уже существует культура Гава: именно здесь, в Верхнем Потисье и на северо-западе Трансильвании, выделяются наиболее ранние ее памятники [Смирнова, 1976, с. 31]. Следовательно, если считать воронковидные подвески протипами колоколовидных, неизбежен вывод о их сосуществовании не позднее XII в. до н.э. Показательно, что А.М.Лесков и В.С.Бочкарев учитывают эти аналогии, но отмечая, что все они датируются раннегалльятским временем и имеют протитипы в ВД "и даже еще в более ранних памятниках" [Bočkarov, Leskov, 1980, s. 64-65], тем не менее, отказываются от них, поскольку столь ранние привязки противоречат их хронологической схеме. В свете новых фактов вряд ли можно согласиться с таким заключением*.

Анализ приведенных выше данных не позволяет считать устанавливаемую дату для Завадовской литейной мастерской в пределах XIII-XII вв. до н.э. неоспоренной. Правомерность постановки вопроса о возможности некоторого удренения белозерских памятников подтверждается и наметившимся сейчас пересмотром дат сабакиновского металла, в том числе для комплексов литейных форм [Черных, 1981]. Хронологическая же последовательность сабакиновских и белозерских древностей, пожалуй, ни у кого не вызывает особых сомнений. Точки зрения исследователей расходятся лишь в оценке изменений, ознаменовавших появление в Северном Причерноморье нового типа памятников [Мелькова, 1979, с. 38]. Нам представляется, что основная сложность для тех или иных заключений по этому вопросу кроется в слабой изученности материала позднесабакиновских и раннебелозерских поселений, отсутствия строгих критериев их выделения, особенно для Нижнего Поднепровья**.

К выводу о резкой смене культур привел В.В.Отрошенко, рассматривая преимущественно погребальные памятники [Отрошенко, 1975]. Те же исследователи, которые принимают во внимание материалы поселений, видят в них много общих черт [Лесков, 1975; Шарафутдинова, 1982; Черников, 1975]. Как бы

* Как было установлено выше, в числе наиболее старых негативов Завадовской мастерской - колоколовидная подвеска.

** См. статью В.П.Ванчугова в этом сборнике.

не решался этот вопрос в дальнейшем, принципиальное значение, по нашему мнению, имеют совместные находки "белозерских" и "сабатиновских" типов, посуды на поселениях и в курганах [Отрошенко, 1975, с. 199, рис. 5, 8; Черняков, 1966, с. 104; Ильинская, 1955, с. 21, табл. 1, 17], что может надежно указывать не только на последовательность, но и на тесный хронологический и генетический стик сабатиновских и белозерских древностей. Приведенные факты во все не противоречат, как это может показаться, постановке вопроса о возможности выделения особой белозерской культуры [Чередниченко, 1979, с. 7]. Но их необходимо учитывать для выяснения компонентов ее сложения, времени, и того культурного окружения, в контакте с которым формируется новое явление.

Внешние компоненты (и их происхождение) наиболее четко проявляются в том, что металлургические традиции, представленные Завадовской мастерской, сменяющие в Северном Причерноморье традиции литейщиков сабатиновской культуры (мастерские Красномапкая, Новокиевская, Малые Копани, Волошское и др.), представляют, с одной стороны, следствие западных связей как в виде влияния, так и типичных западных форм изделий, а помимо этого — и связей с лесостепным Лобойковским очагом металлообработки, культурная принадлежность которого еще далеко не ясна. Принято считать его срубным, однако основные литейные мастерские этого очага (Голоурово, Деревянное, Капуловка) находятся вне территории распространения срубной культуры. Кроме того, открытие в недавнее время литейные формы на поселениях срубной культуры Мосоловском и Усово озеро, представляют типы изделий, значительно отличающиеся от изделий Лобойковского очага.

Итак, материалы Завадовской мастерской дают дополнительные данные для решения вопроса о сложении и связях памятников белозерского типа (культуры) Нижнего Поднепровья, указывая на участие в этих процессах как западных культурных элементов, так и лесостепной зоны Украины эпохи поздней бронзы.

Бочкарев В.С., Лесков А.М. О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом // Древнейшие культуры Поволжья и Приуралья (Науч. труды КИИ, т. 221). — Куйбышев, 1978. — С. 23-25.

Ильинская В.А. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино // КСИА АН УССР. — 1955. — Вып. 5. — С. 19-22.

Лесков А.М. Новая мастерская литейщика эпохи поздней бронзы на Херсонщине // КСИА АН СССР. — 1965. — Вып. 103. — С. 63-66.

Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. — Киев, 1967. — С. 143-178.

Лесков А.М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1975. — 72 с.

Меллжова А.И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — 254 с.

Отрошенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. — Киев, 1975. — С. 193-206.

Смирнова Г.И. Гавско-голитрадский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // АСГЭ. — 1976. — № 17. — С. 18-34.

Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА. — 1965. — № 1. — С. 63-85.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — Киев, 1976. — 223 с.

Чередниченко Н.Н. О некоторых проблемах срубной культуры // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы (Тез. докл. конф.). — Донецк, 1979. — С. 6-8.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. — М., 1976. — 180 с.

Черных Е.Н. Клад из Констанцы и вопросы Балкано-Кавказских связей в эпоху поздней бронзы // СА. — 1981. — № 1. — С. 19-26.

Черняков И.Т. Слой поздней бронзы Болградского поселения // КСИА АН УССР. — 1965. — С. 99-105.

Черняков И.Т. Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. — Киев, 1967. — С. 179-184.

Черняков И.Т. Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1975.

Черняков И.Т. Экспериментальные работы по изготовлению литейных форм и литья бронзовых предметов // Новейшие открытия советских археологов (Тез. докл. конф.). — Киев, 1975. — Ч. 3. — С. 26-29.

Шарафутдинова И.Н. Стенное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. - Киев, 1982. - 157 с.

Воскарев В.С., Leskow A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. - München, 1979. - 97 с. (PZF, Ab. 19, Bd 1).

Demetрова S. Influence de la culture de Sugiю de Sus dans la Plaine de la Slovaquie Orientale // Sa. - 1984. - t. 32, N 7. - S. 11-71.

Kemenczei T. Die Spätbronzezeit Nordostungarn. - Budapest, 1984. - 430 а.

Leskow A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördliche Schwarzmeergebiet. - München, 1981. - (PZF, Ab. 20, Bd 5).

Petrescu-Dimbovita M. Depozitele de Bronzuri din Romania - Bucuresti, 1977. - 390 а.

Tallgren A.M. La Pontide prescythique apres l'introduction des metaux - Helsinki. 1926. - (BSA, 2).

Veliacik L. Die Lausitzer kultur in der Slovaqui. - Nitra, 1983. - 260 а. - (Studia archeologia Slovaca, 2).

В. П. Ванчугов

ПАМЯТНИКИ ТУДОРОВСКОГО ТИПА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
(К вопросу о белозерской культуре)

Памятники белозерского времени в степном Северо-Западном Причерноморье были открыты в конце 50-х годов А.И.Малковой. Раскопками поселения у с. Тудорова на Нижнем Днестре были исследованы четыре полуземляночных жилища, получена значительная коллекция керамики [Малкова, 1961, с. 113-124]. Уже первое открытое поселение дало основание А.И.Малковой поставить вопрос о его отличиях от памятников типа верхнего слоя Упсальки, Бабино IV и др., которые были выражены главным образом в керамическом комплексе: наличии в несколько раз большего количества лощеной керамики, разнообразии форм и орнамента лощеной посуды [Малкова 1961, с. 121-124]. Исследование Тудоровского поселения, которым начинается систематическое изучение памятников конца позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье, сохраняет свою актуальность и в настоящее время. В 1960 г. А.И.Малкова исследовала три кургана эпохи бронзы у с. Слонешты в Молдавии, в которых было выявлено несколько впускных погребений белозерской поры с керамикой, близкой найденной на поселении [Малкова, 1962, с. 30-37]. В 1960-1962 гг. И.Т.Черняков открыл ряд новых поселений в Поднастрове и Подунавье [Черняков, 1962, с. 138-140; 1961, с. 9-18]. В дальнейшем памятники белозерского времени исследовались эпизодически в связи с раскопками памятников других эпох [Федоров, 1968, с. 286-287; 1969, с. 391-392]. Все известные к середине 70-х годов белозерские памятники степного Прутско-Днестровского междуречья были прокартографированы В.А.Дергачевым в своде памятников эпохи бронзы Молдавии [Дергачев, 1973, с. 88-120].

В последнее десятилетие благодаря раскопкам в зонах оросительных систем открыты десятки новых памятников. В 1978-1979 гг. Днестро-Дунайской новоостроечной экспедицией ИА АН УССР был исследован первый в Северо-Западном Причерноморье белозерский курганный могильник у с. Кочковатое [Ванчугов, Субботин, 1980, с. 57]. Измальской новоостроечной экспедицией в 1979-1981 гг. исследован грунтовый могильник у с. Плавки и курганы белозерского времени у с.Струмок [Тошев, 1984, с. 24-32]. Ряд белозерских курганов исследован новоостроечными экспедициями АН Молдавской ССР [Чеботаренко, 1982, с. 137-145; Яровой, Савва, 1983, с. 29-33; Гросу, Агульничков, Ханеу, 1984, с. 1-8]. В 1978 и 1980 гг. автором проведены раскопки поселения белозерского времени Ялгут IV у с. Залезничное на левобережье Нижнего Подунавья [Ванчугов, 1981, с. 91-102]. Разведками и раскопками в Днестро-Бутском междуречье в 1976-1979 гг. выделена Балтская группа памятников белозерского времени со своеобразными чертами материальной культуры [Ванчугов, 1981, с. 71-83; 1983, с. 88-101]. В резуль-

тате был накоплен значительный материал, позволяющий охарактеризовать белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье.

Белозерские памятники Северного Причерноморья интерпретируются исследователями по-разному, главным образом, исходя из их отношения к проблемам срубной и сабатиновской культур. А.И.Тереножкин [Тереножкин, 1965, с. 72-75; 1976, с. 5], А.М.Лесков [Лесков, 1971, с. 75], А.И.Мелюкова [Мелюкова, 1979, с. 37], В.В.Отрощенко [Отрощенко, 1981, с. 19] и др. относят их к значительному белозерскому этапу срубной культуры. И.И.Шарафутдинова выделяет их в поздний этап сабатиновской культуры [Шарафутдинова, 1968, с. 16-34; 1982, с. 9], высказывает мнение, что эволюция позднесрубной культуры сабатиновского этапа в Северном Причерноморье приводит на белозерском этапе к формированию черт, характерных для новой археологической культуры [Шарафутдинова, 1981, с. 89-90]. Н.Н.Чернышечко предлагает считать сабатиновские и белозерские памятники двумя отдельными культурами [Чернышечко, 1979, с. 7]. С.С.Березанская, отмечая своеобразие белозерских памятников, считает, что они "должны быть выделены в самостоятельную археологическую культуру, генетически более связанную с памятниками сабатиновского типа, чем со срубной культурой" [Березанская, 1982, с. 207].

Термин "тудоровский" или "белозерско-тудоровский" тип для обозначения памятников белозерского времени Северо-Западного Причерноморья был впервые предложен И.Т.Черняковым. Выделяя в Северо-Западном Причерноморье памятники отдельной сабатиновской культуры, генетически не связанной со срубной, он отметил и своеобразие памятников заключительного ее этапа, объединив их под названием белозерско-тудоровских [Черняков, 1975, с. 10-15, 23]. В статье, посвященной характеристике памятников Северо-Западного Причерноморья на рубеже эпох бронзы и железа, И.Т.Черняков и автор сделали попытку обосновать выделение белозерских памятников Северного Причерноморья в отдельную самостоятельную культуру [Ванчугов, Черняков, 1984, с. 5-24]. Аргументация авторов в соответствии с существующими критериями, применимыми к понятию "Археологической культуры", в основном сводилась к следующим характеристикам белозерских памятников: общая территория распространения - степная зона от Дуная до Приазовья, включая степной Крым; общие черты материальной культуры, выраженные в домостроительстве (углубленные и наземные жилища), керамическом комплексе (основные типы простой и лощеной посуды), типологии металлических изделий, являющихся продукцией в основном местных очагов металлообработки; устойчивый погребальный обряд с характерной южной ориентировкой; единая хронология в пределах конца VII - начала IX в. до н.э.; общая генетическая основа на всей территории распространения - сабатиновская культура; отличия от соседних синхронных культур и предшествующей сабатиновской; наличие локальных вариантов.

Настоящая статья посвящена обобщенной характеристике памятников западного ареала распространения белозерской культуры (степные междуречья Дуная - Днестра - Южного Буга), а также некоторым вопросам ее формирования в Северо-Западном Причерноморье.

Памятники тудоровского типа представлены поселениями, могильниками и отдельными находками. Наиболее густо они расположены в приморской зоне степей Днестро-Дунайского междуречья, особенно в Придунайской низменности (рис. 1). По направлению к лесостепи их количество резко убывает, и лишь вдоль течения Днестра они глубоко вклиниваются в лесостепь. В южном пограничье лесостепной зоны Днестро-Бугского междуречья расположена Балтская группа памятников.

Известно более 40 поселений, из которых 13 подвергнуто различным по объему раскопкам. Топография поселений различна. Чаще они располагаются на высоких мысах рек и пресноводных озер (Криничное, Тудорово, Балта, Озерное II, Красная Коса и др.), реже - в нижней части пологих склонов надпойменных террас (Ялуг IV, Мирное II и др.). Площадь их колеблется от 0,5 до 3-4 га, но

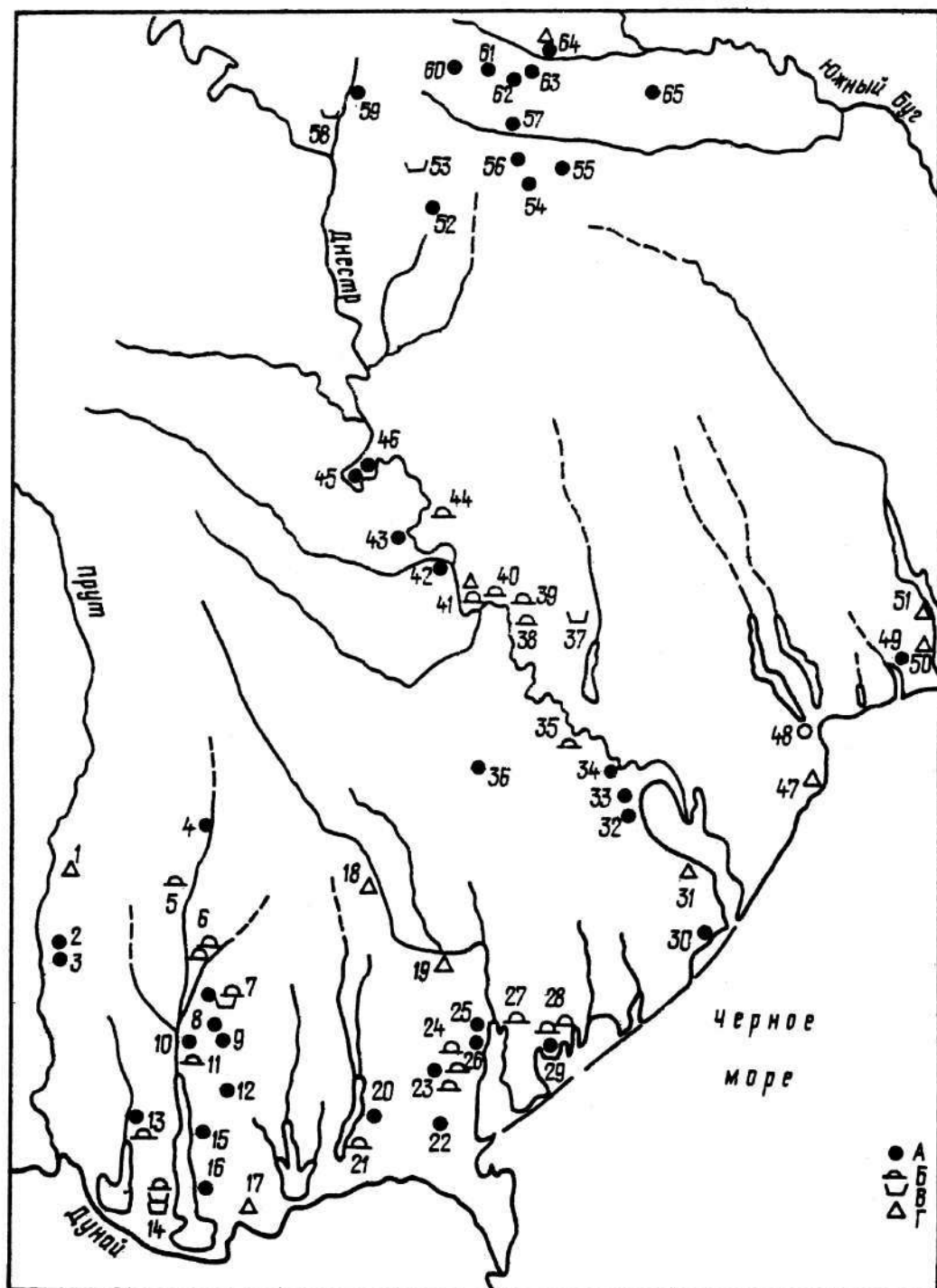

Рис. 1. Карта памятников белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье. А - поселения, Б - курганные погребения, В - грунтовые погребения, Г - клады, отдельные находки. 1 - Чеболакчия - Викторовка; 2 - Рошу; 3 - Манга; 4 - Комрат I; 5 - Балабаны; 6 - Тараклия; 7 - Казакия; 8 - Червоноармейское VII; 9 - Червоноармейское VIII; 10 - Ялут I; 11 - Зализничное; 12 - Ковтнево; 13 - Этулия; 14 - Плавни; 15 - Криничное; 16 - Озерное II; 17 - Измаил; 18 - Красное; 19 - Павловка; 20 - Приозерное I; 21 - Дзинилор; 22 - Мирное II; 23 - Струмок; 24 - Баштановка; 25 - Татарбунары I; 26 - Татарбунары II; 27 - Трешковка; 28 - Кочковатое; 29 - Вишнеево I; 30 - Чебановка; 31 - Белгород-Днестровский; 32 - Красная Коса; 33 - Удобное; 34 - Тудорово; 35 - Олонешты; 36 - Вологитровка; 37 - Новокотовск; 38 - Глинное; 39 - Сукляя; 40 - Тирасполь; 41 - Парканы; 42 - Калфа; 43 - Кобуска Старая; 44 - Буторы; 45 - Кошница;

известны и более крупные. В целом поселения гораздо меньших размеров по сравнению с предшествующими сабакиновскими. Мощност культурного слоя невелика, от 0,2 до 0,6 м, некоторые вообще не имеют выраженного культурного слоя и фиксируются лишь по углубленным в материк объектам. Вертикальная стратиграфия не прослежена ни на одном из поселений, но разновременные комплексы поздней бронзы на некоторых памятниках имеются. Сабакиновская и белозерская керамика найдена на поселениях Калфа и Красная Коса. На периферии поселения белозерского времени Балта выявлен очаг и керамический комплекс позднесабакиновского времени. На позднесабакиновском поселении Вороновка II выделены отдельные жилища белозерского времени.

Однако из наиболее ранних белозерских углубленных жилищ исследовано в северо-западной части поселения Вороновка II на восточном берегу Григорьевского лимана. Раскопки новострочной экспедиции Одесского госуниверситета выявили на поселении многочисленные наземные и углубленные помещения различной планировки с каменными стенами, зольник, относящиеся к позднесабакиновскому этапу (Загинайло, 1983, с. 4-7). Анализ строительных остатков и керамических комплексов из жилищ позволили установить, что некоторые из них функционировали и в белозерское время. Одно из таких жилищ (№ 1) представляет собой полуземлянку прямоугольной в плане форму размерами 7x16 м, ориентированную по линии юго-запад - северо-восток, углубленную в материк на 0,45-0,75 м. Стены обложены камнем от дна котлована, сохранились на высоту до 0,9 м и имели вертикальное развитие. Жилище было трехкамерным (рис. 2, 1). Очевидно, жилим было наиболее углубленное северо-восточное помещение прямоугольной формы размером 4,5x6 м. Юго-восточная часть разделена стеной на два треугольных в плане подсобных помещения, имевших отдельные выходы. Перегораживал жилище материковый выступ, в котором были вырыты четыре прямоугольные ямы, обложенные камнем, имевшие, вероятно, хозяйственное назначение. В жилище найдены фрагменты лощеных кубков и корчаг, украшенные каннелюрами, налепами (рис. 3, 18-20).

На Тудоровском поселении обнаружены четыре полуземлянки неправильно прямоугольной формы, расположенные вдоль берега реки (Малюкова, 1961, с. 113-124). В жилищах № 1 и 4 вход был оформлен в виде земляных ступеней с южной стороны, а в жилище № 2 - в виде небольшого спуска в юго-западном углу. В жилищах № 1 и 2 открыты остатки очагов, а в жилище № 3 - развал глинобитной сводчатой печи. На поселении Комрат I открыты две землянки. Землянка "А" прямоугольной формы размером 6x8 м углублена в материк на 0,6 м. Вход в виде пандуса размером 1,1x1,5 м находился в юго-восточном углу, в центре открыты два очага (рис. 2, 2). Вдоль стен и в центре жилища выявлены пять столбовых ямок с сохранившимися остатками дерева. И.Т.Черняковым по остаткам опорных столбов предпринята удачная попытка реконструкции перекрытия землянки (Черняков, Рафалович, 1982, с. 53-66). Она, вероятно, имела трехскатную крышу, опирающуюся на балки, прикрепленные в местах соединения к вертикально вкопанным столбам. Двухскатную крышу, опирающуюся на столб, имел и входной тамбур.

На поселении Кричиное открыты три землянки прямоугольной в плане формы, углубленные на 1-1,35 м (Федоров, 1968, с. 286). В центре каждой находилась очаг, а в землянке № 3 кроме очага - глинобитная печь, сооруженная в круглой яме. Землянка 1 имела в юго-западном углу вход в виде прямоугольного в плане пандуса размером 1x2 м. Аналогичные землянки и полуземлянки исследованы на поселениях Мирное II, Приозерное I, Этудия XI, Ялуг IV. Остатки землянок и

46 - Погребя VI; 47 - Черноморка; 48 - Усатово; 49 - Вороновка II; 50 - Телигульский лиман; 51 - Ранжеево; 52 - Нестоита; 53 - Черкасав сад; 54 - Посипель II; 55 - Сорбова балка; 56 - Балта; 57 - Балта I; 58 - Черешны; 59 - Александровка-Крутянская I; 60 - Спорное I; 61 - Савранское III; 62 - Чернече; 63 - Чернече II; 64 - Герояно II; 65 - Полянецкое I

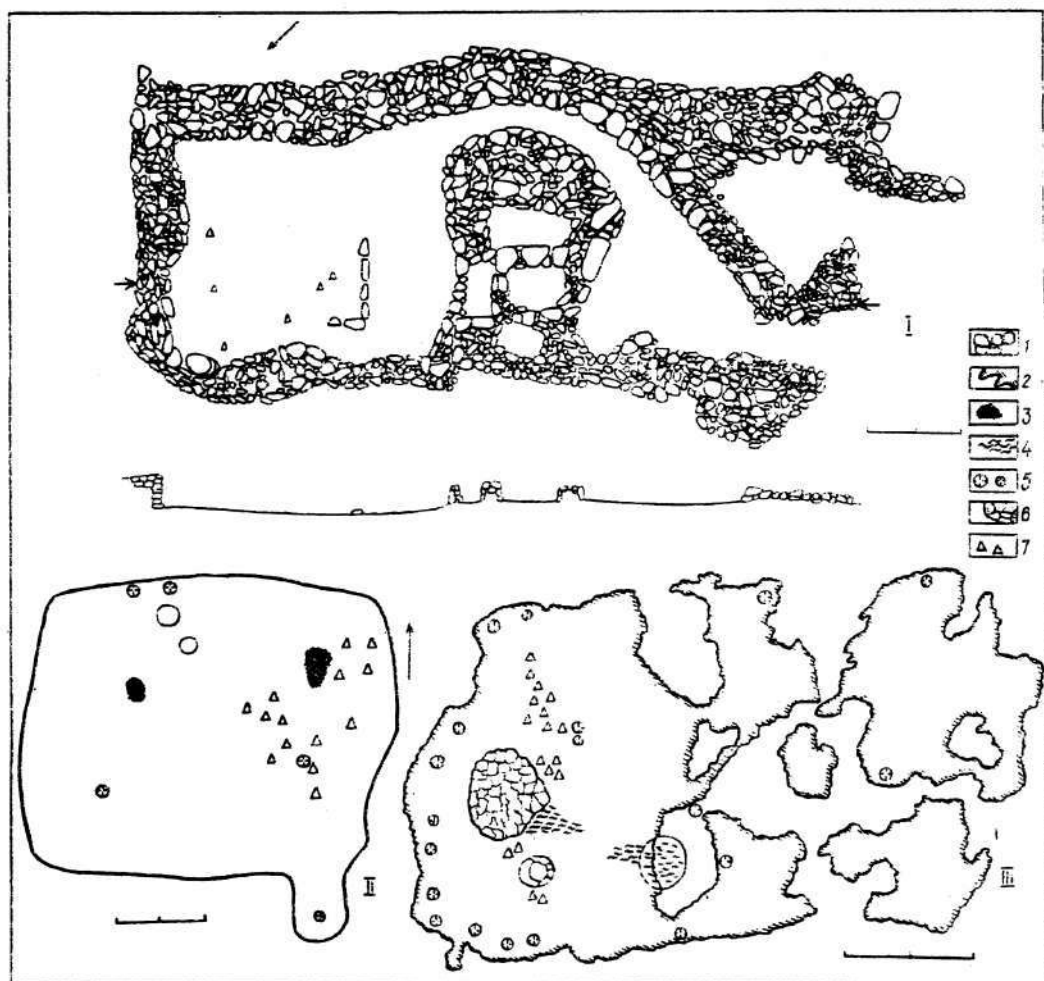

Рис. 2. Планы жилищ из поселений белозерского времени Северо-Западного Причерноморья. I - поселение Вороновка II, жилище 1; II - поселение Комрат I, землянка "А"; III - поселение Балта, жилище 1. 1 - камни, 2 - контуры завала глинобитной обмазки стен, 3 - очаг, 4 - зола, 5 - столбовые ямки, 6 - развал печи, 7 - керамика

ям зафиксированы на поселениях Озерное II, Чабанское, Калфа, Струмок, Вишневое I и др.

На поселении Ялуг IV кроме землянки открыты два наземных жилища с каменными основаниями стен. Жилища прямоугольной в плане формы размером 6,6x4,5 и 5,4x3,6 м ориентированы по линии юго-восток - северо-запад. Комплексы находок из наземных жилищ позволяют считать их более ранними относительно землянки, но в пределах белозерского времени [Ванчугов, 1981, с. 91-102].

Для поселений Балтской группы характерны наземные глинобитные жилища каркасно-столбовой конструкции. На поселении Балта исследованы два таких жилища прямоугольной в плане формы размером 5,3x9,2 и 6,6x8,3 м. По периметру и внутри жилища № 1 прослежены 19 столбовых ямок (рис. 2, 3). В западной его части открыт развал глинобитной сводчатой печи размером 1,3x1,4 м, рядом глинобитная вымостка круглой в плане формы с невысоким бортиком и яма с волнистым заполнением. Остатки глинобитных наземных жилищ зафиксированы на поселениях Балтской группы Спорное I, Полянецкое и др.

Изложенное выше свидетельствует о разнообразной технике домостроительства у белозерских племен Северо-Западного Причерноморья. Преобладающим типом

построек были углубленные жилища. Почти все они прямоугольные в плане и ориентированы по сторонам света. Полы углублены в материк на глубину от 0,3 (Тудорово) до 1,5 м (Мирное II). Характерной их особенностью является устройство входа в виде пандуса или земляных ступеней, как правило, с южной стороны. Исследованные землянки и полуземлянки, за исключением жилища № 1, на поселении Вороновка II однокамерные и имеют небольшие размеры. Площадь их колеблется от 13 до 70 м², но преобладают жилища площадью до 50 м². Например, на Тудоровском поселении все четыре открытых жилища имели площадь до 20 м². Небольшими размерами отличаются жилища на поселениях Мирное II - 23 м². Приозерное I - 20 м², Кричиное, землянка 2 - 28 м² и др. В Северо-Западном Причерноморье не известны большие землянки, аналогичные найденным в Поднепровье на Белозерском поселении у с. Красногигорьевка, Басильевка, площадью от 100 до 200 м², которые генетически связываются с углубленными жилищами срубной культуры - хут. Длпичев, Сусканское поселение и др. [Шарафутдинов, 1982, с. 34-42]. В лесостепном Днестро-Бугском междуречье наземные жилища Балтского поселения являются продолжением традиции каркасно-глинобитного домостроительства, характерного для лесостепной зоны и представленного в предшествующее время жилищами Сабатиновского поселения [Добровольский, 1952, с. 78-88].

Для сабатиновских поселений степной зоны Северо-Западного Причерноморья были характерными наземные каменные постройки, часто многокамерные со сложной планировкой (Анатолевка, Болград, Черевичное и др.), а на белозерских они повсеместно сменяются углубленным типом жилищ - землянками и полуземлянками небольших размеров, более простыми по устройству и экономичными по количеству затраченного на их сооружение труда. Хотя в отдельных местах традиции наземного каменного домостроительства сохранились и у племен белозерской культуры (поселение Ялпут IV), что свидетельствует о генетической связи тудоровских поселений с сабатиновскими; объяснение этому переходу, видимо, следует искать в усилившейся подвижности белозерского населения, вызванной экономическими факторами. Начавшийся процесс перехода от оседлого земледельческо-скотоводческого способа ведения хозяйства к скотоводческо-кочевническому требовал освоения новых пастбищ, более частой смены мест выпаса скота. Одновременно резко уменьшается количество белозерских поселений по сравнению с сабатиновскими. Если сабатиновские поселения в Северо-Западном Причерноморье исчисляются многими сотнями, то белозерских, включая и лесостепь, известно лишь около 40. Поселения уменьшаются в размерах, существуют непродолжительное время, о чем свидетельствует отсутствие культурного слоя на ряде памятников. Переход этот не был резким. Тенденция к углублению жилищ появляется еще на позднесабатиновском этапе. Отдельные жилища Анатолевского поселения углублены на 0,4-0,6 м [Погрובה, Елагина, 1962, с. 7-9]. На поселении Вороновка II жилища, функционировавшие в период бытования белозерской культуры, по конструкции и планировке еще полностью аналогичны позднесабатиновским, открытым на этом же поселении. На последующих этапах развития постепенно исчезает прием облицовки стен котлована землянки камнем, жилища становятся меньших размеров, однокамерными.

Погребальные памятники представлены курганными и грунтовыми захоронениями. В Северо-Западном Причерноморье известно более 100 погребений белозерской культуры, из которых примерно половина обнаружена в курганах. Как и в сабатиновское время, продолжает бытовать обряд захоронения во впускных могилах древних курганов, но таких погребений всего около десятка. Новым является появление курганных могильников с основными белозерскими погребениями. Известно 25 белозерских курганов, в том числе три курганных могильника - Кочоватовский (19 кург.), Таракийский (4 кург.) и Струмоцкий (3 кург.). Характерным для них являются относительно небольшие размеры курганов (сохра-

нившаяся высота до 2 м) и их группировка вокруг одного — трех больших, более древних курганов. Курганы Кочковатовского могильника (19) расположены двумя цепочками по линии северо-восток — юго-запад. В них выявлены 28 основных погребений, от одного до трех в кургане, иногда расположенных в ряд.

Под насыпями белозерских курганов выявлены кремлежи из поставленных на ребро камней (Зализничное, Баттановка, кург. 3), каменные куполовидные обкладки погребений (Тараклия, кург. 5, Зализничное), кольцевые рвы (Струмок, кург. 2; Баттановка, кург. 3). Форма погребальных ям курганных и грунтовых погребений прямоугольная (71) и овальная (13). В свою очередь прямоугольные ямы по конструктивным особенностям можно разделить на четыре основных типа: простые прямоугольные ямы (57); ямы с двумя ровиками по дну вдоль длинных сторон (2); ямы со сплошным ровиком по периметру дна (4); ямы с круглыми, так называемыми столбовыми ямками в дне (8). Количество подобных ямок варьирует от 1 до 12, но наиболее устойчивое их количество — 4 (5). Ямы 2–4 типов наиболее крупные, их размеры колеблются от 1,6х1,9 до 2,8х3,7 м.

В 19 случаях ямы имели деревянное перекрытие. У восьми ям стены были облицованы вертикально стоящими досками, закрепленными в ровиках. В 20 случаях дно ямы было покрыто цинковками, корой, изредка, досками. В десяти случаях зафиксирована посыпка дна ямы мелом. Кроме того, открыто одно парное погребение в яме третьего типа с подбоем (кург. 50, погр. 1 у с. Кочковатое), погребение с трупоожжением (кург. 32, погр. 1 у с. Кочковатое) и курган-кенотаф с круглой в плане колошцеобразной ямой (Зализничное). В кургане у с. Казаклия погребение совершено в большой яме третьего типа со стенками, облицованными досками. Хорошая сохранность дерева позволила установить, что деревянная конструкция была высотой около 2 м и возвышалась над уровнем древней поверхности на 1 м, до перекрытия насыпью кургана [Чеботаренко, 1982, с. 137–145]. Перекрытие составляли уложенные продольно плахи, опиравшиеся на три поперечных столба. Сохранившаяся деревянная конструкция погребения в кургане у с. Казаклия позволяет предполагать, что погребальные ямы для отдельных богатых погребений сооружались в виде моделей полуземляночных жилищ. Близкие по конструкции наземные погребальные сооружения, перекрытые курганными насыпями, известны в гальштатском курганном могильнике на среднем Дунае [Fichlerova, 1969, p. 39–52]. Такой, по определению автора, "погребальный дом" в кургане III с четырьмя столбовыми ямками по углам сооружен из плах и досок с вертикальными стенками высотой до 1,5 м [Fichlerova, 1969, p. 132]. Аналогии этому типу погребальных сооружений известны в ряде культур эпохи ранней и поздней бронзы Центральной и Восточной Европы [Ольховский, 1978, с. 83–97].

Все белозерские погребения скорчены на правом или левом боку, ориентированы головой на юг, иногда с незначительными отклонениями. Отмечены редкие случаи посылки скелетов охрой. Погребения в ямах сложной конструкции сопровождалось богатым инвентарем: лощеными сосудами (иногда до 8 в одном погребении), металлическими изделиями, украшениями из кости, стекла, бронзы, золота. Зафиксированы следы трезны. Почти все богатые погребения ограблены. Основное количество грунтовых погребений сосредоточено в недавно исследованных могильниках у с. Плавни и у с. Казаклия.

Сравнение материалов курганных и грунтовых погребений обнаруживает лишь незначительные различия. В частности, для грунтовых погребений характерен более бедный набор инвентаря, в них не встречены сложные погребальные сооружения, отсутствуют следы ограбленности. Все это, как будто, неоспоримо свидетельствует о социальной природе курганного обряда захоронения [Отрошенко, 1981, с. 20]. Однако значительное количество основных погребений в курганах Кочковатовского могильника, совершенных в небольших простых ямах, сопровождавшихся одним сосудом, или безинвентарных (16 погребений из 28) заставляет от-

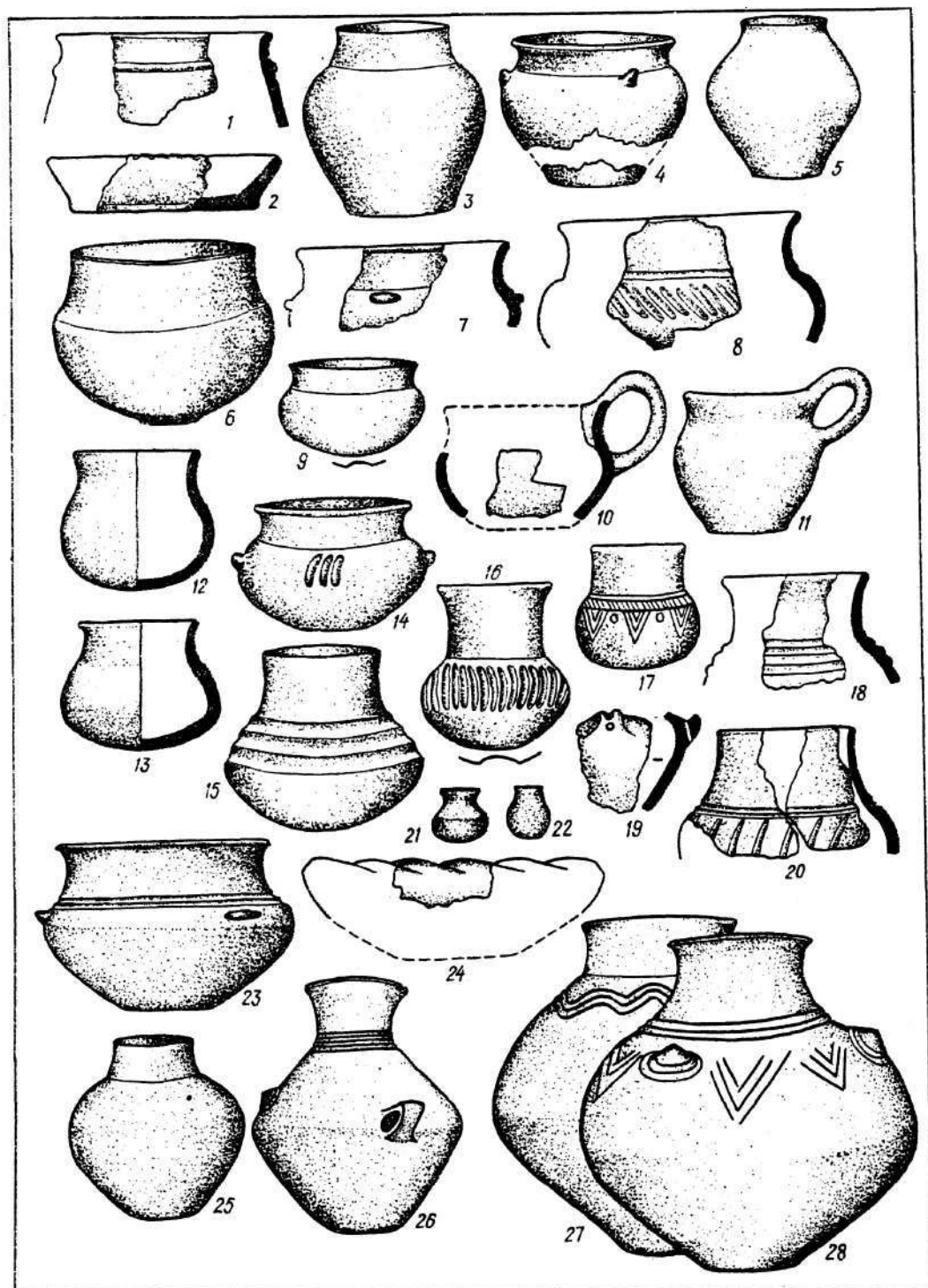

Рис. 3. Керамика из поселений и погребений сабашиновской (6-8) и белозерской культур в Северо-Западном Причерноморье.

1 - пос. Удобное; 2, 4, 9, 24, 27 - пос. Ялуг IV; 3 - Парканы, кург. 250; 5, 10, 14, 16, 21-23 - Кочкватое, кург. мог.; 6 - пос. Сабашиновка; 7-8 - пос. Табаки; 11, 25 - пос. Криничное; 12 - пос. Кошница; 13 - Сукля, кург. 205; 15 - Дзиндор, кург. 11; 17 - Балабаны, кург. 12; 18-20 - пос. Вороновка II, жилище I; 26 - Казакия, кург.; 28 - пос. Еовнево

носиться к этому выводу осторожно. Курганные белозерские могильники изучены еще недостаточно. Вероятно, вопрос о градации курганных и грунтовых могильников должен рассматриваться на более широкой источниковедческой базе.

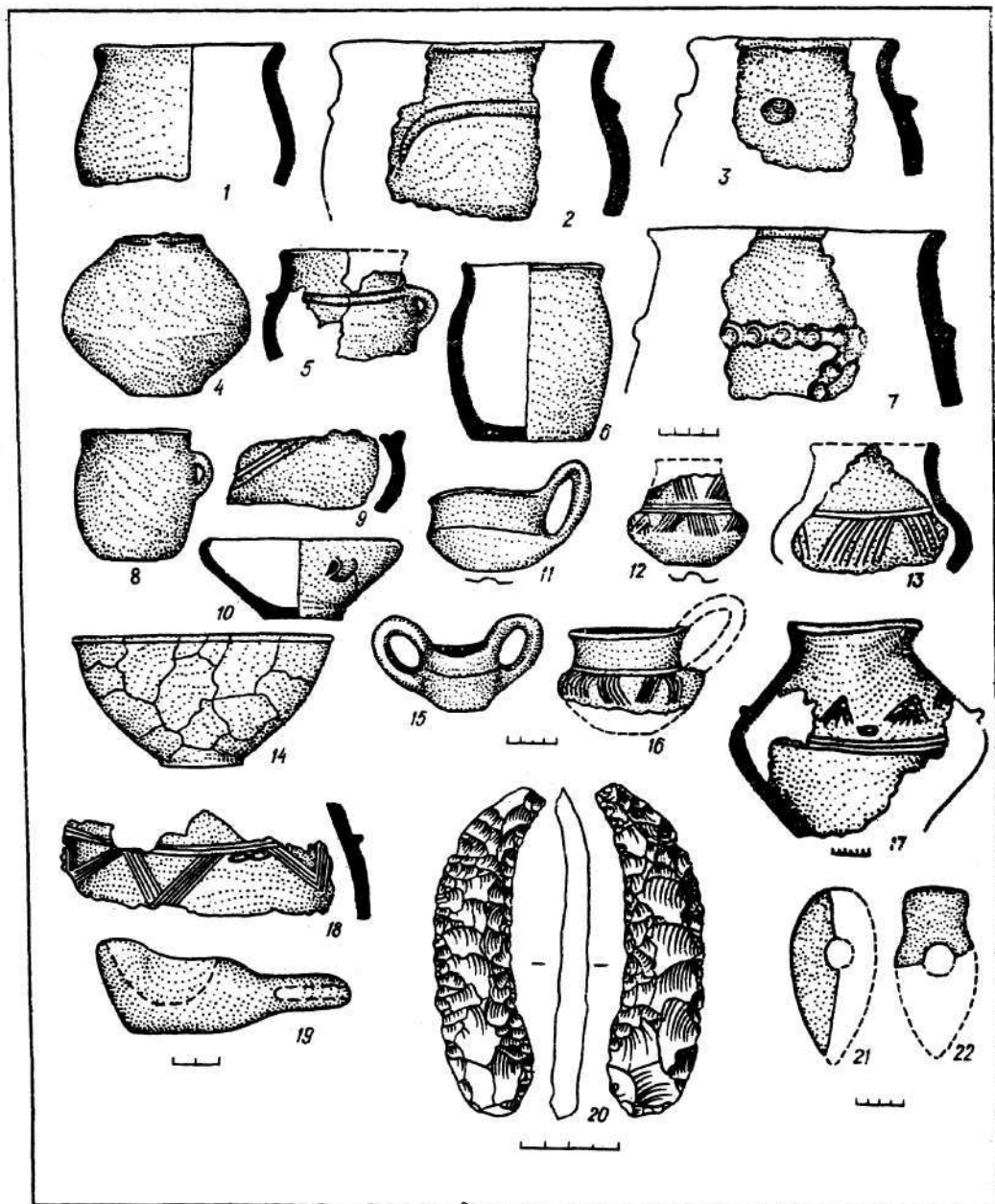

Рис. 4. Керамика и орудия труда из памятников Балтской группы. 1, 4-6, 8, 10-14, 17-18, 21 - пос. Балта; 2, 19 - пос. Сторное I; 3 - пос. Чернече II; 7 - пос. Чернече; 9 - пос. Полянецкое I; 15 - Черкасов сад, погр.; 16-22 - Шершенцы, погр.; 20 - пос. Балта I; 1-19 - керамика, 20 - кремьнь, 21-22 - камень

Керамика гудоровских памятников сделана из глины с примесью песка, шамота, толченого известняка. В Балтской группе памятников в керамику добавлялась измельченная слюда, изредка графит. По назначению, форме и обработке керамика делится на грубую кухонную и лощеную столовую, а также крупные сосуды для хранения запасов - корчаги. Соотношение грубой и лощеной посуды на отдельных поселениях составляет 75-80 и 25-20 % (в погребениях оставлялась в основном лощеная посуда).

Среди кухонной посуды преобладают крупные горшки с выделенной шейкой и выпуклым копусом (рис. 4, 1). Многие из них имеют уступ в месте перехода шейки в крупные плечики (рис. 3, 3). Изредка встречаются горшки биконической и

округлой формы (рис. 3, 5; 4, 4). Горшки иногда украшены насечками, впадениями, налепами, шпечками, валиками (рис. 3, 4; 4, 2-3). На поселенных горки составляют от 30 до 70 % кухонной посуды.

Меньшим количеством представлены сосуды баночной формы со слабо профилированным корпусом. Часто они снабжены наленным или оттянутым валиком, иногда расчлененным насечками или пальцевыми впадениями (рис. 3, 1; 4, 6, 7). Баночные сосуды составляют обычно от 2 до 10 % кухонной посуды. От 20 до 35 % кухонной посуды составляют низкие миски-сковороды с конически расширяющимися кверху стенками (рис. 3, 2).

Большим разнообразием представлена столовая лощеная посуда — одна из отличительных особенностей тудоровских памятников. Наиболее многочисленную группу в ней составляют кубки. Наиболее простые кубки имеют невысокую шейку, плавно переходящую в выпуклый корпус, высота их не превышает его диаметр (рис. 3, 12). Ряд кубков имеет широкую цилиндрическую шейку, отделенную уступом от выпуклого корпуса (рис. 3, 13). Встречаются высокие цилиндрические кубки с шейкой, составляющей от $1/3$ до $1/2$ высоты сосуда и низким скругленным корпусом (рис. 3, 15-16). В погребениях найдены миниатюрные кубки высотой 4-5 см, вероятно, ритуального назначения (рис. 3, 21-22). Кубки орнаментировались каннелюрами, резными и прочерченными линиями, образующими несложный геометрический узор, различными налепами (рис. 3, 15-18, 20; 4, 12-13).

Второй по численности группой столовой посуды являются чаши. Они имеют низкий приземистый корпус и широкую шейку, отделенную рельефным уступом. Высота их всегда меньше диаметра корпуса (рис. 3, 9, 14). Орнаментированы каннелюрами, налепами. В Кочковатовском могильнике чаши количественно преобладают над кубками. Из погребений происходят три двуручные чаши с высокими петлевыми ручками (рис. 4, 15). Относительно редко встречаемые черепки почти всегда глубокие, кружковидной формы с профилированным корпусом и высокой петлеобразной ручкой (рис. 3, 10-11; 4, 11). Миски в тудоровских памятниках представлены двумя вариантами: крупные глубокие миски с выделенной шейкой и отогнутым наружу краем, часто украшенные на плечиках налепами (рис. 3, 23), и конические миски с косо каннелированным загнутым внутрь краем (рис. 3, 24). В памятниках Балтской группы широко представлены миски и других вариантов (рис. 4, 10, 14).

Для тудоровской керамики характерно наличие корчаг — крупных уакогорных сосудов высотой от 30 до 80-90 см. Фрагменты их присутствуют на всех поселенных. Некоторые из них по форме приближаются к крупным горшковидам сосудам (рис. 3, 25). Наиболее крупные корчаги имеют куполовидный корпус и маленькое неустойчивое дно (рис. 3, 27-28). Отдельные экземпляры снабжены ручками-ушками, упорами (рис. 3, 19, 26), украшены налепами, резным и прочерченным орнаментом, волнистыми и горизонтальными каннелюрами (рис. 3, 26-28; 4, 17-18).

Керамика балтской группы отлична от керамики степных памятников. При этом комплекс грубой посуды близок тудоровскому по набору форм и по их количественному соотношению. В комплексе лощеной посуды преобладают кубки, черпаки, корчаги, миски, украшенные глубоким резным и прочерченным орнаментом (рис. 4).

Среди керамических изделий имеются крышки, целильные, ложки, льячки, присла, подвески, бусины, погремушки, "хлебцы" (рис. 4, 19; 5, 7, 16).

Сравнение белозерской керамики Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Поднепровья позволяет выявить их отличия. На поселенных тудоровского типа больше лощеной керамики (до 25 %), чем на поселенных Поднепровья, таких, как верхний олой Ушкалки, Бабино IV, Змеевке и др. Поселенные различаются и по составу лощеной керамики. В Поднепровье она представлена в основном кубками и черпаками. Здесь отсутствуют корчаги развитых форм, лощенные миски. Наблюдает-

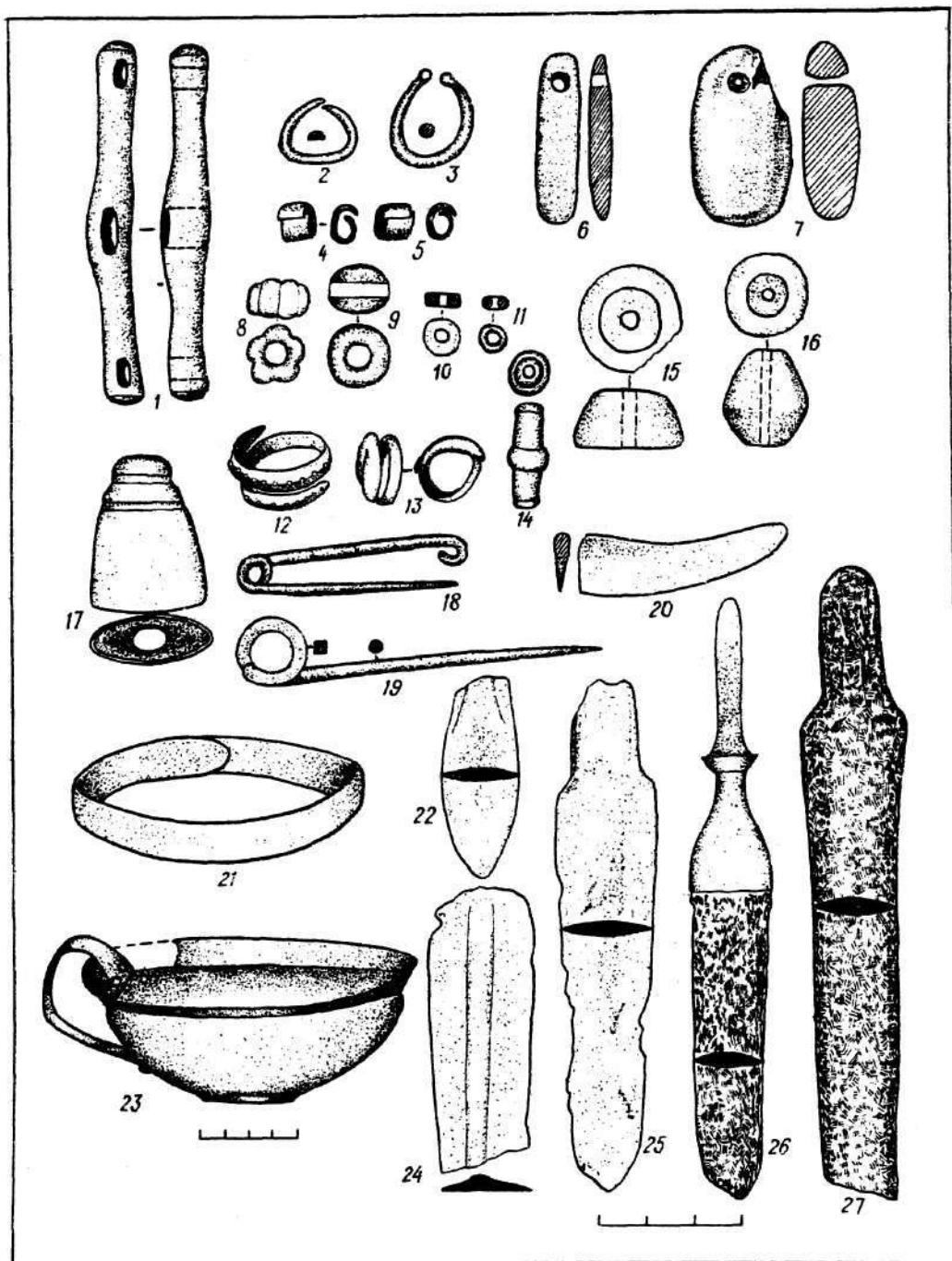

Рис. 5. Находки из памятников туторовского типа.

1 - Усатовское пос.; 2-5, 8-12, 15-17, 19, 25-27 - Кочковатое, кург., мог.; 6, 13-14, 18 - Струмок, кург.; 7 - Олошты, кург. 4, погр. I; 20-21 - пос. Кошница; 22 - пос. Комрат I; 23 - Павловка, кург.; 24 - пос. Приозерное I; 2-5, 17-25 - бронза; 26 - бронза-железо; 27 - железо; 12-14 - золото; 8-9, 11 - стекло; 7, 16 - глина; 1, 15 - кость; 6 - камень; 10 - стенка раковины

ся различия и в составе грубой кухонной посуды. В белозерских памятниках Поднепровья встречаются вытянутые баночные сосуды со слабо профилированным корпусом, приближающиеся по форме к тильпановидным, орнаментированные штриховкой или "елочкой", нанесенной палочкой или гребенкой [Шарафутдинова, 1982, с. 94]. Близкие к срубным баночным сосудам они присутствуют и в памятниках,

отнесенных И.Н.Шарафутдиновой к позднелазерским [Шарафутдинова, 1982, с. 100, рис. 37, 17]. В гудуровской керамике подобные сосуды не известны. Все группы грубой посуды имеют многочисленные аналоги в керамике сабатиновской культуры и генетически с ней связаны. Срубный компонент здесь полностью отсутствует.

Металлические изделия представлены орудиями труда, оружием и украшениями из бронзы, железа, золота. Из погребений и поселений происходят миниатюрные бронзовые и железные кинжалы с параллельными лезвиями и черешковой рукоятью (рис. 5, 24-25, 27). Известен один биметаллический кинжал с бронзовой черешковой рукоятью с кольцевым упором и железным лезвием (рис. 5, 26). На поселениях встречаются бронзовые ножи - пластинчатые, листовидные и с горбатой спинкой (рис. 5, 20, 22). К белозерскому времени относится несколько литейных матриц с негативами безушковых и двуушковых кельтов (Тилигульский лиман), кельта с лобным ушком (Чебановка), ножа с горбатой спинкой и колоколовидной полвески (Ранжеево). Производство перечисленных кинжалов и кельтов связывается с Новоалександровской, Заваловской и Кардашинскими литейными мастерскими [Лесков, 1967, с. 146-159]. Нож с горбатой спинкой, безушковые кельты, кольцевидные и несомкнутые орнаментированные браслеты встречаются в составе Новогригорьевского клада белозерского времени [Tallgren, 1926, p. 46]. Типично фракийским импортом являются бронзовая чаша и одноушковый кельт с орнаментированными плоскостями, найденные в кургане у с. Павловка (рис. 5, 23). К изделиям кавказского происхождения относятся топоры кобанского типа из г. Белгород-Днестровский и с. Парканы, а также клад из с. Чеболакчия-Викторовка, в составе которого - закавказские секиры с полукруглым лезвием, браслет и кинжал с треугольным лезвием и ободковым перекрестием [Даргачев, 1975, с. 21-23].

Металлические украшения представлены бронзовыми проволочными и пластинчатыми браслетами, височными кольцами, пронизьями, ободками, перстнями, подвесками (рис. 5, 2-5, 17, 21). Золотые украшения составляют пластинчатый перстень в 1,5 оборота, украшенный пунсоным орнаментом, крупная катушковидная бусина и височное кольцо (рис. 5, 12-14). В кургане 7 у с. Струмок найдена бронзовая однопружинная фибула [Тоцев, 1984, с. 24-32]. Обломок бронзовой фибулы с пружиной происходит из Кочковатовского могильника (рис. 5, 19). В погребениях встречаются бусы из голубого, синего, зеленого и белого стекла, янтаря, стенок раковин (рис. 5, 9-11). Среди каменных изделий имеются сверленные шлифованные топоры клиновидной формы, оселки, растиральники, зернотерки (рис. 4, 21-22; 5, 6). Почти на всех поселениях встречены кремневые вкладыши для серпов. Цалый такой серп найден на поселении Балта I (рис. 4, 20). Костяные изделия представлены ложилами, проколками, пряслами, псалмом с тремя полпрямоугольными отверстиями в одной плоскости (рис. 5, 1, 15).

Датировка гудуровских памятников не выходит за пределы хронологических рамок белозерского периода по хронологии А.И.Тереножкина [Тереножкин, 1976, с. 287]. Для ее уточнения традиционно используются находки импортных проволочных фибул в белозерских погребениях. Из Струмоковского могильника происходит единственная в белозерских памятниках однопружинная смычковая фибула с параллельной игле спинкой (рис. 5, 18), которую с основанием можно считать наиболее архаичной в Северном Причерноморье. Она относится к типу Пескьера, который датируется периодом ВС-ВД [Muller-Kaarg, 1959, p. 64-69]. По классификации К.Блинкенберга, она может быть отнесена к древнейшей первой группе фибул микенского типа, которые бытуют в XIV-XIII вв. до н.э. [Blinkenberg, 1926, p. 16-17, 45-46]. Аналогичные фибулы имеют широкую территорию распространения от Средиземноморья до Центральной Европы. Обломок такой фибулы был недавно найден в слое культуры Ноа на поселении Ратешу Кузей в Румынии

[Виздуган, 1979, р. 59-75]. Румынскими исследователями культура Ноа датируется XIV-XII вв. до н.э. [Петреску-Димбовица, 1960, р. 150-152; Флогеску, 1964, р. 207]. Памятники культуры Ноа, распространенные в западной Украине и Молдавии, советскими археологами датируются XIII-XI вв. до н.э. [Смирнова, 1978, с. 68-72; Балагури, 1980, с. 113; Дергачев, 1975, с. 79-81]. Находка однотипной фибулы в белозерском погребении и поселении культуры Ноа свидетельствует об их синхронности, вероятно, на заключительном периоде существования культуры Ноа. Поэтому струмоцкую фибулу, а с ней и весь погребальный комплекс, вероятно, следует датировать временем не ранее конца XII-XI вв. до н.э. Таким образом, курган 7 у с. Струмок является одним из наиболее ранних памятников белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье. Их верхняя хронологическая граница определяется появлением погребений Суворовского киммерийского могильника. Его керамика еще совершенно идентична керамике белозерских погребений: кубки с налелами, корчаги, миска с каннелированным краем. Но комплекс вещей содержит ряд новых предметов, характерных уже для позднекиммерийской культуры - биметаллический кинжал карасукского типа с крестовидным перекрестием и грибовидным навершием, бронзовую лунницу и др. [Черняков, 1977, с. 29-36]. Суворовский могильник датируется IX - началом X в. до н.э. и считается наиболее ранним памятником черноморского этапа позднейшего предкиевского периода [Тереховкин, 1976, с. 207-208; Черняков, 1977, с. 36]. Таким образом, время существования тудоровских памятников охватывает период с конца XII по X в. до н.э. Для погребения первого кургана 32-го Кочковатовского могильника имеется дата по С-14, которая составляет 2900 ± 45 или около 950 г. до н.э.

Хронологическое членение тудоровских памятников затруднено ввиду отсутствия узко датированных предметов. Эволюция их лучше прослеживается по материалам поселений, в частности, по керамике. Подсчет процентного соотношения типов посуды на различных поселениях показывает, что развитие керамики шло в направлении увеличения количества горшковидных сосудов, уменьшения количества баночных сосудов, появления новых типов грубой и лоценой посуды (резко профилированные округлобочные горшки, кубки, чаши, миски, корчаги), увеличения общего количества лоценой посуды. Керамике тудоровских поселений характерно уменьшение применения валиковой орнаментации грубой посуды, что является хронологическим признаком [Лесков, 1971, с. 85]. Если на сабакиновской керамике валик встречается повсеместно, то в белозерское время он применяется гораздо реже. Появляются среди горшков с едва заметным оттянутым валиком или уступом на плечиках. В керамике наиболее поздних тудоровских поселений валик полностью отсутствует [Ялут IV, Комрат I, Мирное IV].

Непосредственно предшествовали тудоровским поселениям позднесабакиновского типа, выделенные в Северо-Западном Причерноморье И.Т.Черняковым [Черняков, 1975, с. 22]. Для их керамики характерен тот же набор форм грубой посуды, но в ином процентном соотношении (преобладание баночных сосудов при значительном количестве горшков), наличии небольшого количества кубков, крупных толстостенных пифособразных сосудов. В белозерской керамике становятся преобладающими горшковидные сосуды, исчезают пифосы, появляются узкогорлые тонкостенные корчаги и достигает наибольшего расцвета столовая кубковая посуда.

Вопрос о происхождении лоценой кубковой посуды в белозерских памятниках неоднократно поднимался в археологической литературе. А.М.Лесков объясняет ее появление развитием форм сабакиновского этапа, позаимствованных у западных соседей - культуры Ноа [Лесков, 1970, с. 24, 26, 56]. В.А.Ильинская связывает появление лоценой посуды белозерского времени с влиянием белогрудовской и раннечерноморской культур из лесостепного Днепровского Правобережья [Ильинская, 1975, с. 120, 163-170]. А.И.Малыкова высказывает мнение, что цилиндрические кубки появляются как в белозерских, так и черноморских памятниках

как с запада. В качестве исходных форм она указывает на раннегалльятские каннелированные кубки Задунавья так называемой культуры полей погребальных урн и отдельные кубковидные сосуды культур поздней бронзы Нижнего Дуная - Кослождени, Римницеле [Мелникова, 1979, с. 39-59].

Разнообразие белозерских кубков и отсутствие полностью идентичных экземпляров в керамике соседних культур затрудняет определение места их появления. Следует отметить, что кубки вообще не являются распространенной формой в керамике ряда культур поздней бронзы и фракийского галльтата Карпато-Дунайского бассейна. В культуре Гава они вообще отсутствуют [Lazlo, 1973, p. 575-609]. В памятниках культур поздней бронзы и раннего фракийского галльтата Нижнего Дуная они весьма редки и отличаются от белозерских привлекательными пропорциями, орнаментом [Hansel, 1976, tabl. 44, 46, 48, 52]. Представляется, что форма кубка с более или менее выраженной цилиндрической шейкой и округлым корпусом сформировалась в местной сабаатиновской среде, но стала преобладающей лишь в белозерской столовой посуде. Один из архаичных кубков, происходящий из раскопок А.В.Добровольским Сабаатиновского поселения в 1938 г., хранится в Одесском археологическом музее АН УССР². Он имеет невысокую цилиндрическую шейку и округлый корпус (рис. 3, 6). Высота его 9 см, диаметр корпуса 13 см. О.А.Кривцова-Гракова, анализируя керамический комплекс Сабаатиновского поселения, указывает на находку другого лощеного кубка с выпуклостью в дне [Кривцова-Гракова, 1955, с. 129, рис. 29, 7]. Фрагменты низких кубков встречаются и в керамике сабаатиновских поселений Полнепровья - Чикаловке, нижнем слое Ушкалти [Шарафутдинова, 1982, с. 90, рис. 32, 20; с. 93, рис. 34, 1-2]. В связи с этим наиболее ранними белозерскими кубками, вероятно, следует считать близкие к сабаатиновским невысокие кубки и чаши. Орнамент каннелюрами и налечами несомненно связан с влияниями культур поздней бронзы и раннего галльтата Карпато-Полуднавья. Каннелюрный орнамент и налечи появляются на лощеной посуде в Северо-Западном Причерноморье еще в позднесабаатиновское время, в керамике поселений, предшествующих тудсровским, например на поселении Табаки (рис. 3, 7-8). В белозерское время он получает наиболее широкое распространение. С другой стороны - близкое сходство отдельных цилиндрических кубков с раннегалльятскими кубками Задунавья свидетельствует, вероятно, о прямом подражании в изготовлении этого типа посуды [Мелникова, 1979, рис. 14]. Этим же объясняется и появление корчаг, не имеющих прототипов в керамике предшествующего времени в Северном Причерноморье [Ванчугов, 1982, с. 44-52].

Наиболее ярко нижнедунайские влияния выражены в лощеной керамике Балтской группы памятников. Кубки и черпаки, украшенные глубоким резным орнаментом, глубокие кружки с ручкой-ушком, шаровидные горшки (рис. 4, 4, 8, 12-13, 16) имеют близкие аналоги в керамике заключительной фазы культуры Кослождени, группах Римницеле-Сылеану и Тэмэоань [Ванчугов, 1983, с. 88-101]. Балтская группа памятников выделена в качестве локального лесостепного варианта белозерской культуры в Северо-Западном Причерноморье, в сложении которого, вероятно, принимало участие население поздней бронзы Нижнего Дуная [Ванчугов, 1983, с. 99-101].

На нижнедунайские элементы в керамике белозерских памятников впервые обратила внимание А.И.Мелникова [Мелникова, 1979, с. 37-62]. Относя к нижнедунайским влияниям резной орнамент, налечи, ручки-упоры в керамике белозерских поселений и погребений, она указывала на их связь с памятниками типа Римницеле и Тэмэоань [Мелникова, 1979, с. 44]. Эти взаимосвязи были гораздо более тесными в предшествующий период, когда близость комплексов трех культур - Сабаатиновской, Кослождени и Ноа была настолько очевидной, что позволяла некоторым

² Фонды ОАМ АН УССР. Инв. № 68733.

исследователям усматривать в этом их этническое родство [Morintz, 1977, p. 23-30]. Контакты с соседними культурами поздней бронзы остались отчетливо выраженными и в белозерское время. Распространение грунтовых могильников и южной ориентировки в белозерских погребениях А.И.Мелюкова связывает с западным влиянием одной из групп раннефракийского населения, генетически, вероятно, связанного с культурой Ноа [Мелюкова, 1979, с. 39]. Действительно, даже в таком относительно раннем памятнике культуры Ноа, каким является грунтовый могильник у с. Старые Бедражы на Пруте, часто зафиксирована южная и юго-восточная ориентировка погребений (44 %) [Смирнова, 1969, с. 48-71]. В редких раннегалльятских могильниках с обрядом группоположения южная ориентировка полностью преобладает [Petrescu-Dimbovita, 1953, p. 157; Alexandrescu, 1978, p. 115-124]. Исследованиями отмечено сходство черпаков с петельчатыми ручками из памятников культуры Ноа и белозерских могильников Широкое, Федоровка и др. [Мелюкова, 1979, с. 56-58; Сарафуддинова, 1982, с. 81]. Антропологический анализ черепов из Широцкого, Чернянского могильников и некоторых курганных погребений Поднепровья свидетельствует о едином антропологическом типе белозерского населения, который проявляет близкое сходство с черепами из отдельных могильников культуры Ноа [Зиневич, Круц, 1968, с. 84-89; Круц, 1976, с. 222-232; Круц, 1984, с. 74-77]. Ближе к белозерским небольшие прямоугольные в плане землянки с аналогичным входом в виде пандуса открыты недавно В.А.Дергачевым на поселении культуры Ноа в Молдавии [Дергачев, 1982, с. 64-76]. Проведенные параллели свидетельствуют о значительном влиянии культуры Ноа на сложение белозерских памятников. Не исключено, что часть населения культуры Ноа на заключительном этапе своего существования была вытеснена ранними фракийцами на территории родственных им позднесабатиновских племен и сыграла определенную роль в формировании белозерской культуры.

В течение III в. до н.э. культурно-историческая обстановка в Карпато-Подунавье резко изменилась. На смену населению культур Ноа и Кослождени приходят новые группы фракийского населения, представленные памятниками различных культур раннего фракийского галльтата. В Восточно-Карпатском бассейне появляются памятники культуры Гава-Голитрады [Смирнова, 1976, с. 18-34], в Молдове и Трансильвании - памятники с так называемой каннальрованной керамикой [Lazlo, 1976, p. 89-98], в лесостепной Молдавии - близкая им Кишиневская группа фракийского галльтата [Мелюкова, 1972, с. 57-72; Лалуньян, 1979, с. 8-26], в Нижнем Подунавье - памятники культуры Бабадаг и Стойканы-Козие [Morintz, 1964, p. 101-132; Lazlo, 1976, p. 89-98]. Являясь крайним юго-западным регионом распространения белозерской культуры, население Северо-Западного Причерноморья находилось в непосредственном соприкосновении с племенами этих раннефракийских культур, появляется ряд новых типов посуды, таких как корчаги, миски с каннальрованным краем, распространяется каннальный орнамент. Вероятно, импортные бронзовые изделия перенесены на территорию Северного Причерноморья раннефракийским населением.

Влияние Карпато-Подунавья на племена белозерского времени не было односторонним. На поселениях раннего фракийского галльтата Тамэозань и Бинэтори в южной части Прутско-Сиретского междуречья обнаружены лентные горшки с выпуклыми боками, иногда орнаментированные валяком, типичные для грубой белозерской керамики [Petrescu-Dimbovita, 1953, p. 772-773; fig. 7; Brudiu, 1970, p. 511-528, fig. 3, 6-8]. Они найдены в небольшом количестве, но резко выделяются среди остальной керамики фракийских типов. В этом же районе у с. Шендрени, Валя-Дупулэй, г. Васлуй и других пунктов найден ряд скорченных погребений, грунтовых и впускных в курганах, иногда слабо окрашенных охрой. Они сопровождаются горшками, лощеными кубками, бусами, пронизями, вполне сопоставимыми с белозерскими [Dragomir, 1976, p. 55-60; Andronic, Neamtu, Banu, 1962,

р. 89-101; Зирра, 1960, с. 99-102, табл. III.87. Несколько погребений, близких белозерским, отмечены А.И.Мелжковой в Болгарии [Мелжкова, 1979, с. 36].

Их можно рассматривать как проникновение белозерских племен в Балкано-Дунайский регион или как свидетельство ранних походов киммерийцев вместе с фракийцами — трерами на запад "Понта до Ионии" [Мелжкова, 1979, с. 36-37].

Изложенное выше позволяет сделать некоторые выводы. Сложный характер памятников тудоровского типа показывает, что они сложились на местной основе, в результате дальнейшего развития сабакиновской культуры, но существовали уже в ином культурном окружении, включив в себя многие элементы фракийских культур. Локализация наибольшего количества тудоровских памятников в степной части Днестро-Дунайского междуречья, яркий облик их материального комплекса, отличия от белозерских памятников более восточных территорий позволяют выделить их в качестве тудоровского варианта белозерской культуры. Некоторые их отличия от аналогичных памятников Поднепровья и других районов объясняются причинами локального характера. Если в белозерских памятниках степного Поднепровья проявляются отдельные элементы позднерубной культуры Днепровского Левобережья, то в Северо-Западном Причерноморье определяющими были раннефракийские влияния, особенно заметно выразившиеся в лощеной керамике. При общей генетической основе — сабакиновской культуре — формирование их происходило в различных природно-географических зонах, во взаимодействии с племенами различных синхронных культур, что и нашло свое отражение в облике материального комплекса. Памятники тудоровского типа с характерным многообразием лощеной керамики, явившиеся следствием продолжительных и тесных контактов с западными соседями, вероятно, служили проводником фракийских влияний далее на восток и сыграли тем самым решающую роль в сложении материального комплекса белозерской культуры в Северном Причерноморье.

Балагури Э.А. Памятники племен позднебронзового века в Среднем Поднепровье // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. — Киев 1980. — С. 101-116.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. — Киев, 1982. — 209 с.
Ванчутов В.П., Субботин Л.В. Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье // АИУ в 1978-1979 гг. (Тез. докл. 18-й конф. ИА АН УССР). — Днепропетровск, 1980. — С. 57.

Ванчутов В.П. Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье // Древности Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1981. — С. 71-83.

Ванчутов В.П. Поселение конца позднего бронзового века Ялгут 4 в Илчелем: Подунавье // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1981. — С. 91-102.

Ванчутов В.П. О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1982. — С. 44-52.

Ванчутов В.П. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Киев, 1983. — С. 88-101.

Ванчутов В.П., Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1984. — С. 5-24.

Гросу В.И., Агульников С.М., Хахеу В.П. Отчет о полевых работах курганного отряда Булзакской новоостроечной экспедиции по исследованию курганной группы у с. Теракля в 1983 г. // На отдела этнографии и искусствоведения АИ Молдавской ССР.

Дергачев В.А. Памятники эпохи бронзы // Археологическая карта Молдавской ССР. — Кишинев, 1973. — Вып. 3. — 126 с.

Дергачев В.А. Бронзовые предметы XIII-VII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1975. — 94 с.

Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). — Кишинев, 1982. — 139 с.

Добровольский А.В. Первые сабакиновские поселения // АИ УССР. — 1952. — Т. 4. — С. 73-88.

Загинайло А.Г. Отчет об археологических исследованиях новоостроечной экспедиции Одесского государственного университета в зоне строительства порта "Кичий" (поселение Вороновка 2) в 1983 г. // На ИА АН УССР.

Зирра В. Культура погребений с охрой в Закарпатской области РНР // МИА КВ СССР в РНР. — Кишинев, 1960. — С. 99-101.

Зіневич Г.П., Круц С.І. Антропологічна характеристика давнього населен-

- ня території України (за матеріалами експедицій 1961-1963 рр.). - Киев, 1968. - 142 с.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. - Киев, 1975. - 185 с.
- Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. - 1955. - Вып. 46. - 157 с.
- Круп С.И. Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины // Энеолит и бронзовый век Украины. - Киев, 1976. - С. 222-232.
- Круп С.И. Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья. - Киев, 1984. - 207 с.
- Лагушнян Э.И. Ранние фракийцы X - начала IV в. до н.э. в Лесостепной Молдавии. - Кишинев, 1979. - 142 с.
- Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. - Киев, 1967. - С. 143-178.
- Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. - Киев, 1970. - С. 7-59.
- Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. - 1971. - Вып. 177. - С. 75-92.
- Мелникова А.И. Работы в Поднестровье в 1958 г. // КСИА АН СССР. - 1961. - № 84. - С. 113-124.
- Мелникова А.И. Курганы эпохи бронзы у с. Олошты // КСИА АН СССР. - 1962. - № 89. - С. 30-37.
- Мелникова А.И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в Молдавии // СА. - 1972. - № 1. - С. 57-72.
- Мелникова А.И. Скифия и фракийский мир. - М., 1979. - 49 с.
- Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. - 1973. - № 4. - С. 83-97.
- Острошенко В.В. Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников). - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1981. - 18 с.
- Петреску-Дымбовица М. Конец бронзового и начало железного века в Молдове в свете последних археологических раскопок // Dacia, 1960. - № 4. - С. 150-158.
- Погребова Н.Н., Елагина Н.Г. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 г. // КСИА АН СССР. - 1962. - № 89. - С. 7-9.
- Смирнова Г.И. Новый могильник культуры Ноа у с. Старые Бедраки на Пруте // АСГЭ. - 1969. - № 11. - С. 48-71.
- Смирнова Г.И. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // Там же. - 1976. - № 17. - С. 18-34.
- Смирнова Г.И. Культурно-историческая стратегия поселения Магала // Проблемы археологии. - Л., 1978. - № 2. - С. 68-72.
- Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА. - 1965. - № 1. - С. 63-85.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. - Киев, 1976. - 223 с.
- Тошев Г.Н. Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской обл. // Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье. - Киев, 1984. - С. 24-32.
- Федоров Г.Б. Работа Прутско-Днестровской экспедиции // АО 1967 г. - М., 1968. - С. 286-287.
- Федоров Г.Б. О работе Прутско-Днестровской экспедиции // АО 1968 г. - М., 1969. - С. 391-392.
- Чеботаренко Г.Ф. Курганы X-IX вв. до н.э. у с. Казаклия // Археологические исследования в Молдавии в 1977-1978 гг. - Кишинев, 1982. - С. 137-145.
- Чередищенко Н.Д. О некоторых проблемах срубной культуры // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы (Тез. докл. конф.). - Донецк, 1979. - С. 7.
- Черняков И.Т. Археологические разведки 1960 г. в приморской части между речья Дунай и Днестра // КСОГАМ 1960 г. - Одесса, 1961. - С. 9-18.
- Черняков И.Т. Некоторые археологические находки из Болградского р-на Одесской обл. // МАСД. - 1962. - № 4. - С. 138-140.
- Черняков И.Т. Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1975. - 21 с.
- Черняков И.Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. - Киев, 1977. - С. 29-36.
- Черняков И.Т., Рафалович И.А. Комратское поселение эпохи поздней бронзы // АП Северо-Западного Причерноморья. - Киев, 1982. - С. 53-66.
- Шарафутдинова И.Н. К вопросу о сабатиновской культуре // СА. - 1968. - № 3. - С. 19-34.
- Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. - Киев, 1982. - 157 с.
- Шарафутдинова Э.С. Традиции и инновации в культурах поздней бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Преемственность и инновации в развитии древних культур. - Л., 1981. - С. 89-90.
- Яровой Е.В., Савва Е.Н. Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новоостройной арх. экспедиции в 1982 г. // На отдела етнографии и искусствознания АН Молдавской ССР.
- Vizdugan C. Cercetările arheologice de la Răteșu Cuzei, jud. Vaslui // Cercetări Arheologice. - 1979. - Т. 3. - Р. 59-75.

- Dragomir I. T. Doua morminte osromane din regiunea de sud Moldovei // *Muzeul National*. - Bucuresti, 1976. - 3. - P. 55-60.
- Florescu A. Contributii la cunoasterea culturii Noua // *AM*. - 1964. - 2/3. - P. 143-216.
- Hansel B. Beitrage zur regionalen und chronologischen Gleiderung der alteren Hallstattzeit an unteren Donau. - Bonn, 1976.
- Laszlo A. Consideratii asupra ceramicii de trip Gava din Halstattul timpurii // *SGIV*. - 1973. - T. 24. - N 4. - P. 575-609.
- Laszlo A. Uber den Ursprung und Entwicklung der fruhhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau // *Thraco-Dacica*. - Bucuresti, 1976. - P. 89-98.
- Morintz S. Quelques problemes concernant la periode ancienne du Hallstatt au Bas-Danube a la lumiere des fouilles de Babadag // *Dacia*. - n. s. - 1964. - T. 8. - P. 107-132.
- Morintz S. Citeva consideratii cu privire la complexul cultural Sabatinovka-Coslogeni-Noua // *Peuce*. - 1977. - 6. - P. 23-30.
- Muller-Karpe H. Beitrage zur Chronologie der Urnenfelderzeit nordlich und sullich der Alpen. - Berlin, 1959. - 334 S.
- Picheerova M. Nove Kosariska: Kniezacie mohyly zo staršej doby zeleznej // *Pontes*. - 1969. - T. 3.
- Petrescu-Dimbovita M. Gimitirul hallstattian de la Stoicani // *MCA*. - 1953. - T. 1. - P. 157-170.
- Petrescu-Dimbovita M. Cercetari arheologice in azesarea din prima epoca a fierului de la Tamacani // *SGIV*. - 1953. - T. 4, N 3/4. - P. 765-778.
- Tallgren A.M. La Pontide prescivique apres l'introduction des metaux // *ESA*. - 1926. - T.2. - 248 p.

В. В. Отрошенко, Н. П. Шевченко

О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ И ВОСТОЧНЫХ СВЯЗЯХ
ПЛЕМЕНИ БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В результате раскопок курганов на юге Украины в 70-80-х годах открыта серия могильников белозерской культуры, сосредоточенных на нижнеднепровском степном Левобережье и в степном междуречье Дуная и Днестра [Отрошенко, 1975; Кубышев, Дорофеев, 1980; Ванчугов, Субботин, 1980; Ванчугов, Черняков, 1984; Тошев, 1984]. Погребения белозерской культуры из Западного Приазовья до сих пор в литературе не встречались, хотя определенный материал уже собран и требует публикации.

В 1951 г. при раскопках распаханного кургана № 3 в группе Аккермень II у с. Новофилипповка Мелитопольского р-на Запорожской обл. исследовано погребение 1 (основное), совершенное в широкой яме с округленными углами, ориентированной с севера на юг. Значительная часть этой ямы оказалась разрушенной более поздним погребением 2 (сарматским). В южной сохранившейся части ямы обнаружены разрозненные кости человека (часть бедра, ребра, лопатка) и лепной кубок под стенкой (рис. 1, 1). В публикации погребение 1 названо сарматским [Вязмитина, Липинська, Покровська та ін., 1960, с. 69, рис. 55, 1, 6]. С таким определением захоронения не позволяет согласиться подлощенный цилиндрический кубок, стоявший на дне ямы (глубина 1,1 м) у южной стенки[№]. Кубок имеет уплощенное дно, шаровидный слегка приплюснутый корпус, широкую и высокую шейку с прямым венчиком, края которого неровно обрезаны. Поверхности сосуда серого цвета с красноватыми и желтыми пятнами подлощены, черепок в изломе черный с комковатыми примесями. Переход от шейки к плечикам отмечен прочерченной линией, а сами плечики орнаментированы по кругу отрисками полой трубочки (рис. 1, 2).

Подобная керамика была открыта на поселениях и в погребениях юга Херсонщины и выделена И.В.Фабрициус в особую группу памятников с цилиндрической посудой [Фабрициус, 1929]. При исследовании белозерского могильника у с. Широкое выявлена большая серия сосудов этого типа, в том числе кубок с орнаментикой, аналогичной новофилипповскому [Лесков, 1972, фото 7]. Таким образом,

[№] Наше внимание на этот сосуд обратили С.В.Полин и А.В.Симошенко.

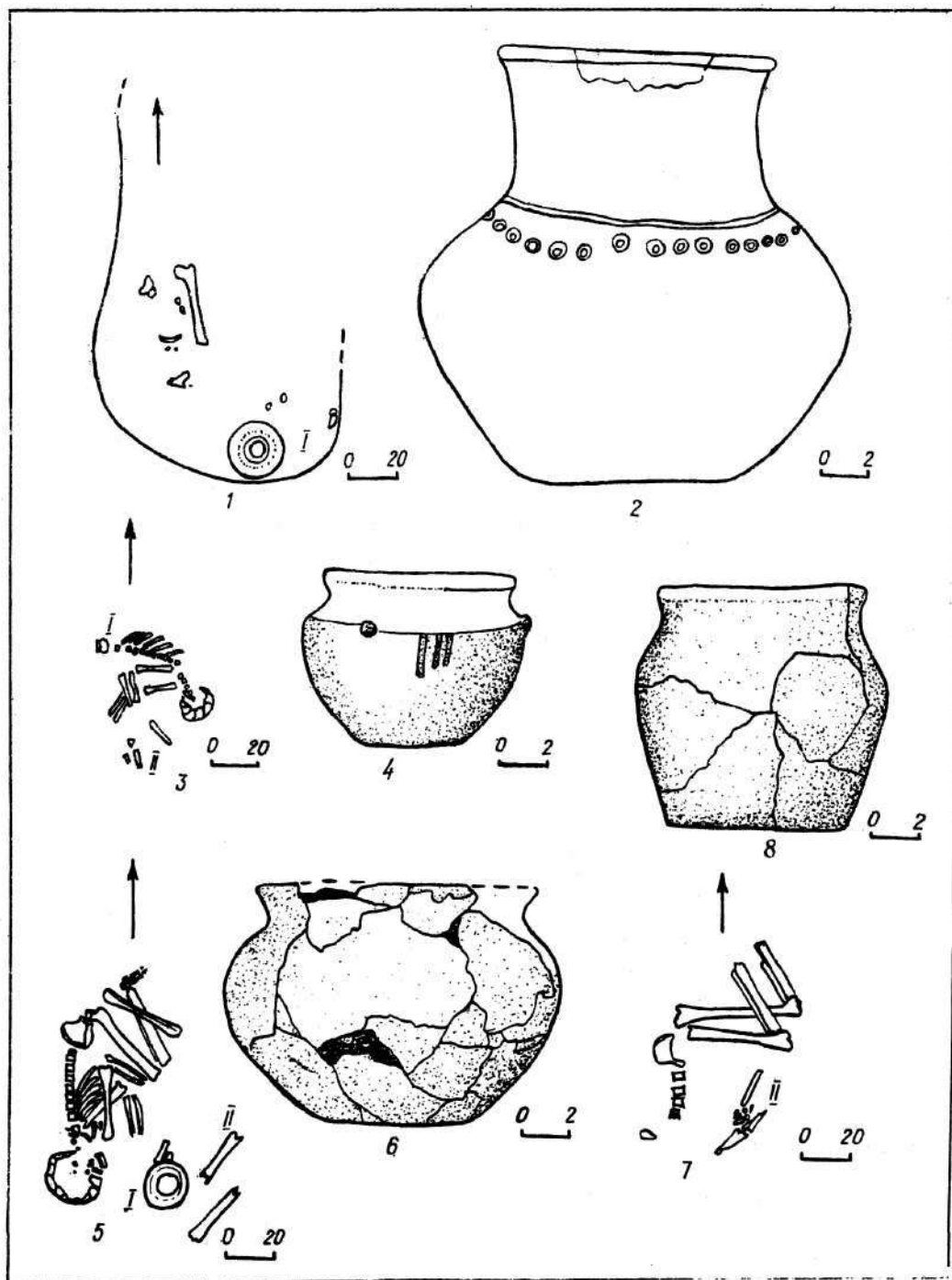

Рис. 1. Погребения белозерской культуры:
 1, 2 - с. Новофилиповка, гр. Аккермень II, 3/1; 3, 4 - с. Верхняя Маевка,
 гр. XVII, 4/3; 5-6 - с. Балки, гр. VIII, 8/1; 7 - с. Шмальки, 2/7; 8 - с. Шмаль-
 ки, 2 (насыпь). Цифры на планах погребений: I - сосуд, II - керамика

повторно публикуемое погребение I в кургане № 3 группы Аккермень II относится к числу белозерских.

Попутно восстановим еще один комплекс белозерского времени, нарушенный сарматской могилой. В курганной группе XVIII у пос. Верхняя Маевка Днепропетровского р-на и обл. погребение 3 (срубное) было нарушено погребением 4 в кургане № 4 (сарматским). Могилы находились практически на одной глубине, со-

ответственно 0,6 м и 0,55 м, а оказавшийся между двумя разновременными скелетами сосуд атрибутирован как сарматский [Ковалева, Волковой, Марина и др., 1977, с. 69-70, табл. 14, 2-3]. В том же сборнике В.И.Костенко приводит аналогично сосуду из Верхней Маевки в виде горшка из сарматского погребения 1, кургана № 19 в местности Бичкин-Булук на Нижней Волге [Костенко, 1977, с. 118-119]. Однако сравнивать округлодонный горшок высотой 19 см с чашей в 7 см высоты и с плоским дном вряд ли правомерно только на основании выпуклостей [Синицын, 1956, с. 53, рис. 29]. Приводим краткое описание погребения 3 и сосуда.

Скелет лежал на спине с разворотом на левый бок, черепом — на юго-восток, левая рука выпрямлена, правая — согнута и сопровождалась напуготвенной пищей (кости овцы), куском краски желто-горчичного цвета, фрагментом срубного (?) сосуда и чашей (рис. 1, 3). Кости овцы находились у кисти руки перед лицом, а вещи у локтевых суставов — ближе к пояснице. Чаша была смещена при совершении сарматского захоронения и лежала у поясничных позвонков на ребра, то есть боком. Короткая шейка с отогнутым наружу краем венчика небольшим уступом переходит в округлый корпус с плоским дном. Шейка от плечиков отделена желобком. На плечиках три сосцевидных налешных выступа (два из них отбиты), а между выступами — тройные вертикально проглаженные линии. Высота чаши 7 см, диаметр венчика 8,5, дна — 4,5 см (рис. 1, 4).

Убедительные аналогии чаще известны из упоминавшегося могильника у с. Широков близ г. Скадовск. Именно на чашах из погребений этого могильника отмечен желобок при переходе от шейки к венчику, сосцевидные налешы и группы проглаженных линий [Малюкова, 1979, рис. 13, 4; 16, 9, 13], а чаша из могильника Кочковатое сочетает оба мотива [Ванчугов, Черняков, 1984, рис. 2, 13]. Для сопровождающего инвентаря могильника у с. Широков характерно сочетание нарядных форм посуды (кубки, черпаки, чаши) с фрагментами простой керамики, а кусочки минерала желтого цвета найдены в одном из погребений могильника у с. Черняки Каховского р-на Херсонской обл. Поэтому описанный комплекс у пос. Верхняя Маевка мы склонны отнести к белозерской культуре.

За время многолетних раскопок Запорожской экспедиции ИА АН УССР в междуречье Днепра и Молочной, к востоку от Каменско-Днепровского р-на, собран минимальный материал интересующего нас времени.

У с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. в курганной группе УИ, курган № 8, в 1969 г. исследовано погребение 1, находившееся к северу от центра кургана на глубине 0,7 м. Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку, черепом на юго-восток. Руки согнуты под прямым углом в локтевых, а ноги — в тазобедренных суставах (рис. 1, 5). Перед лицом умершего находилась лепная чаша с лощеной поверхностью. Высота сосуда 9 см, диаметр венчика 10, дна — 5 см (рис. 1, 5) [Болтрик, Томашевский, 1969-1970/37, с. 13].

Погребение 7 было впущено в валлообразную конструкцию срубной культуры кургана № 2 у с. Шмальки (совр. Тополиное) Васильевского р-на Запорожской обл. При совершении этого захоронения значительному разрушению подверглось более раннее погребение 8, относящееся к сабатиновскому периоду срубной культуры. Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку, черепом на юго-запад на глубине 1,15 м. Правая рука была протянута в направлении коленей ног, согнутых под прямым углом в тазобедренных суставах и под острым — в коленных. У коленей ног лежал астрагал овцы (рис. 1, 7). К западу от погребения 7 в насыпи кургана обнаружен лепной горшок с отогнутым наружу заокругленным краем венчика и короткой шейкой, плавно переходящей в округлый корпус, слегка сужающийся к плоскому дну. Поверхность сосуда заглажена, высота 10 см, диаметр венчика 9, дна — 7,5 см [Бидзиля, Болтрик, Круц и др., 1974, с. 128]. Подобные по форме и параметрам горшочки составляют достаточно представительную серию

на могильнике у с. Широкое /Шарафутдинова, 1982, с. 145, рис. 58, 130-137/.

Более яркие и выразительные памятники белозерской культуры открыты в Западном Приазовье Херсонской экспедицией ИА АН УССР (начальник - А.И.Хубишев). В 1980 г. в 3 км к северо-востоку от с. Сивашовка Новотроицкого р-на Херсонской обл. на мысообразной возвышенности в 5 км от современного берега Сиваша исследован курганный могильник, спланированный цепочкой по линии запад-восток. Древнейший и самый крупный в группе курган № 1 был сооружен в бронзовом веке. В 260 м к востоку от него находился курган № 10 с двумя основными погребениями белозерской культуры. Небольшая круглая в плане насыпь была полностью расплывана и выделялась на вспашке светлым пятном, имеющим около 14 м в диаметре. Условный центр кургана находился между могильными ямами, отстоявшими друг от друга на расстоянии 2,2 м, по линии запад - восток.

Погребение 1 находилось к востоку от центра. Могильная яма подпрямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по линии север - юг. Размер ямы 1,3x1,1 м, глубина 1,15 м. Восточная стенка ямы оказалась слегка скошенной ко дну. Скелет подростка лежал скорченно на левом боку, головой на юг. Левая рука была согнута под прямым углом в локте вовнутрь, кисть ее - на тазовых костях, а правая - под острым углом наружу, кистью перед лицом. Ноги согнуты под прямым углом в тазобедренных суставах и под острым - в коленных. Дно ямы около локтевых суставов и стоп погребенного посыпано толченым мелом (рис. 2, 1). У черепа подростка, разрушенного землероями, находилось бронзовое височное кольцо, а два других - в заполнении норы (1), в юго-западном углу ямы, там же обнаружены морские раковины из ожерелья (2) и фрагментированный кубок (3).

1. Височные кольца (3 экз.) изготовлены из круглой в сечении проволоки диаметром 0,25 см. Концы двух колец не сомкнуты, а у третьего - заходят друг на друга. Кончик одного кольца обломан. Диаметры колец 2,9-3,0 см (рис. 2, 6-8).

2. Ожерелье из пяти морских раковин, три из которых принадлежат к семейству морских гребешков. В верхней части раковин просверлены круглые отверстия для подвешивания диаметром от 0,4 до 0,7 см (рис. 2, 2-5).

3. Кубок лепной, сероглиняный с мягко отогнутым наружу краем венчика, высокой цилиндрической шейкой, отделенной небольшим уступом от широкого приплюснутого корпуса с округленным дном. Корпус украшен расчлененным налетом в виде угла, вершиной вверх, на плечиках. Поверхность сосуда залощена до блеска: высота 13,5 см, диаметр венчика 8,6 см, корпуса - 12,8 см (рис. 2, 9).

Погребение 2 находилось к западу от центра. Могильная яма имела подпрямоугольную в плане форму с округленными углами и была ориентирована по линии север - юг. Размер ямы 1,35x0,85 м, глубина 1,15 м. В верхней части заполнения встречались угольки и обломки обгоревших деревянных плашек длиной до 18 см, шириной - 7 см. Большинство их лежало поперек ямы. Погребение подверглось ограблению: человеческие кости лежали в беспорядке ближе к северо-западному углу ямы, а череп - по центру ее. Судя по костям, здесь был захоронен взрослый человек. В юго-восточном углу находились остатки напутственной пищи: лопатка овцы-козы и крупный кубок (рис. 2, 10). К северу от сосуда (1), в придонном заполнении ямы, выявлены два бронзовых браслета (2), а в юго-западном углу - бусы из ожерелья (3), костяная булава (4), бронзовая застежка (5), две бронзовые провизы (6). Два бронзовых височных кольца (7) и обломки двух морских раковин, очевидно из ожерелья, обнаружены в центральной части ямы.

4. Кубок лепной с плавно отогнутым наружу краем венчика, высокой цилиндрической шейкой, небольшим уступом переходящей в округлый, слегка приплюснутый корпус с округлым же дном. Сосуд украшен двумя рядами сосцевидных налепов под уступом и у дна. В каждом ряду по четыре налепа, расположены они в шахматном порядке. Соединение налепов верхнего и нижнего рядов парными врезными ли-

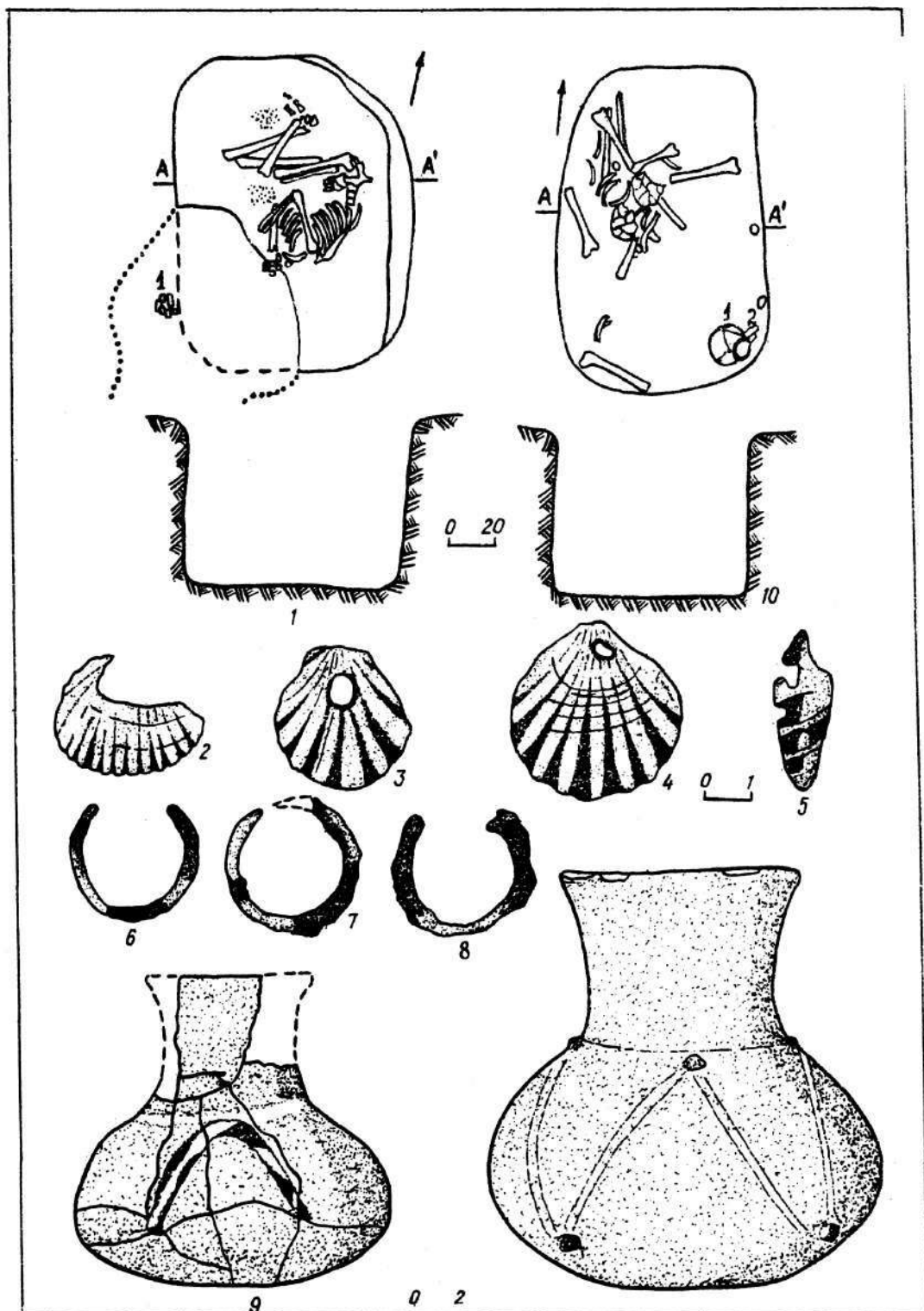

Рис. 2. Материалы из кургана № 10 у с. Сивашовка:
 1-9 - погребение 1; 10-11 - погребение 2; 2-5 - раковины; 6-8 - бронза; 9, 11 - керамика

ниями образует зигзаг по корпусу. Поверхность сосуда темно-серого цвета, шероховатая, слегка подлощенная: высота 16,5 см, диаметр венчика 10,2, корпуса - 16,8 см (рис. 2, 11).

2. Браслеты бронзовые (2 экз.) изготовлены из гладкой круглой в сечении проволоки диаметром 0,4 см. Заходящие друг за друга концы браслетов приострены. Форма одного браслета овальная, другого - неправильная круглая, диаметр обоих браслетов 5,5 см (рис. 3, 3, 4).

3. В состав ожерелья входили: гагатовые бочонковидные бусины с черной блестящей поверхностью. Длина бусин: 1,5; 1,4; 1,0 см; диаметр 0,7 см; диаметр сквозного продольного отверстия 0,25 см (рис. 3, 5).

15 круглых бусин из стенки раковины, толщина 0,1-0,4 см, диаметр 0,6 см (рис. 3, 5).

две морские раковины с отверстием для подвешивания.

4. Булавка костяная, круглая в сечении, с уплощенной овальной головкой и отверстием в центре последней. Поверхность булавки отполирована до блеска, длина ее 7,3 см, высота головки 1,5, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 3, 7).

5. Застежка бронзовая вырезана из толстой пластины в форме четырехлопастного креста с круглым отверстием в центре. Затем лопасти креста были соединены и предмет приобрел шаровидную форму диаметром 2 см, при диаметре лопасти 0,8 см, отверстия - 0,4 см (рис. 3, 6).

6. Пронизи трубчатые (2 экз.) изготовлены из свернутой в сплошную спираль узкой бронзовой ленты. Длина пронизи 3 см, диаметр - 0,6 см, ширина ленты 0,3 см (рис. 3, 8).

7. Кольца височные, массивные (3 экз.), изготовлены из гладкого круглого в сечении бронзового стержня диаметром 0,6 см. Концы колец не сомкнуты, диаметр их 4,8 см (рис. 3, 1, 2) /Кубышев, Дорофеев, Шилов и др., 1980/15, с. 223-226/.

В следующем 1981 году тем же Призыванским отрядом Херсонской экспедиции (начальник - Ю.А.Шилов) была исследована курганный группа близ второго отделения совхоза "Коммунист" (с. Атманай Акимовского р-на Запорожской обл.) на западном берегу Молочного лимана в 7 км от Азовского моря. Курганы находились на невысоком возвышении между трех низин, выстроились двумя рядами с северо-востока на юго-запад. Белозерские курганы № 5 и 7 занимали юго-западную позицию. Три погребения белозерской культуры были вдушены в насыпи более ранних курганов № 2 и 4.

Погребение 5 было вдушено в восточную полу кургана № 2 (ямной культуры) в 15 м от центра. Могильная яма подпрямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по линии северо - северо-запад - юго - юго-восток. Размер ямы 1,15x0,9 м, глубина 0,95 м от поверхности кургана. Дно ямы незначительно понижалось к северу. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку с разворотом на спину, головой на юг. Левая рука была протянута вдоль туловища, а правая - согнута под прямым углом в локте, кисть ее покоилась на локтевых суставах левой руки (рис. 4, 6). У головы умершего - два височных кольца (1) и две пронизи (2), а в заполнении юго-западного угла ямы, на 0,4 м выше дна, находилась черепная крышка взрослого человека, поставленная теменной частью вниз.

1. Височные кольца, бронзовые (2 экз.), со слегка заходящими друг за друга концами. Кольца изготовлены из круглой в сечении проволоки диаметром 0,3 см, концы обрублены. Диаметр колец 3 см (рис. 4, 3-4).

2. Пронизи трубчатые (2 экз.), свернуты в спираль из узкой полоски бронзового листа шириной до 0,3 см. Длина пронизей 2,2 см, диаметр - 0,2 см (рис. 4, 5).

Погребение 9 находилось в 14,5 м к северо-западу - западу от центра кургана № 4. Подпрямоугольная в плане могильная яма с закругленными углами несколько расширялась ко дну. Размер ямы по дну 1,7x1,2 м, глубина - 1,35 м, ориентация по линии северо-запад - запад - юго-восток - восток. Скелет моло-

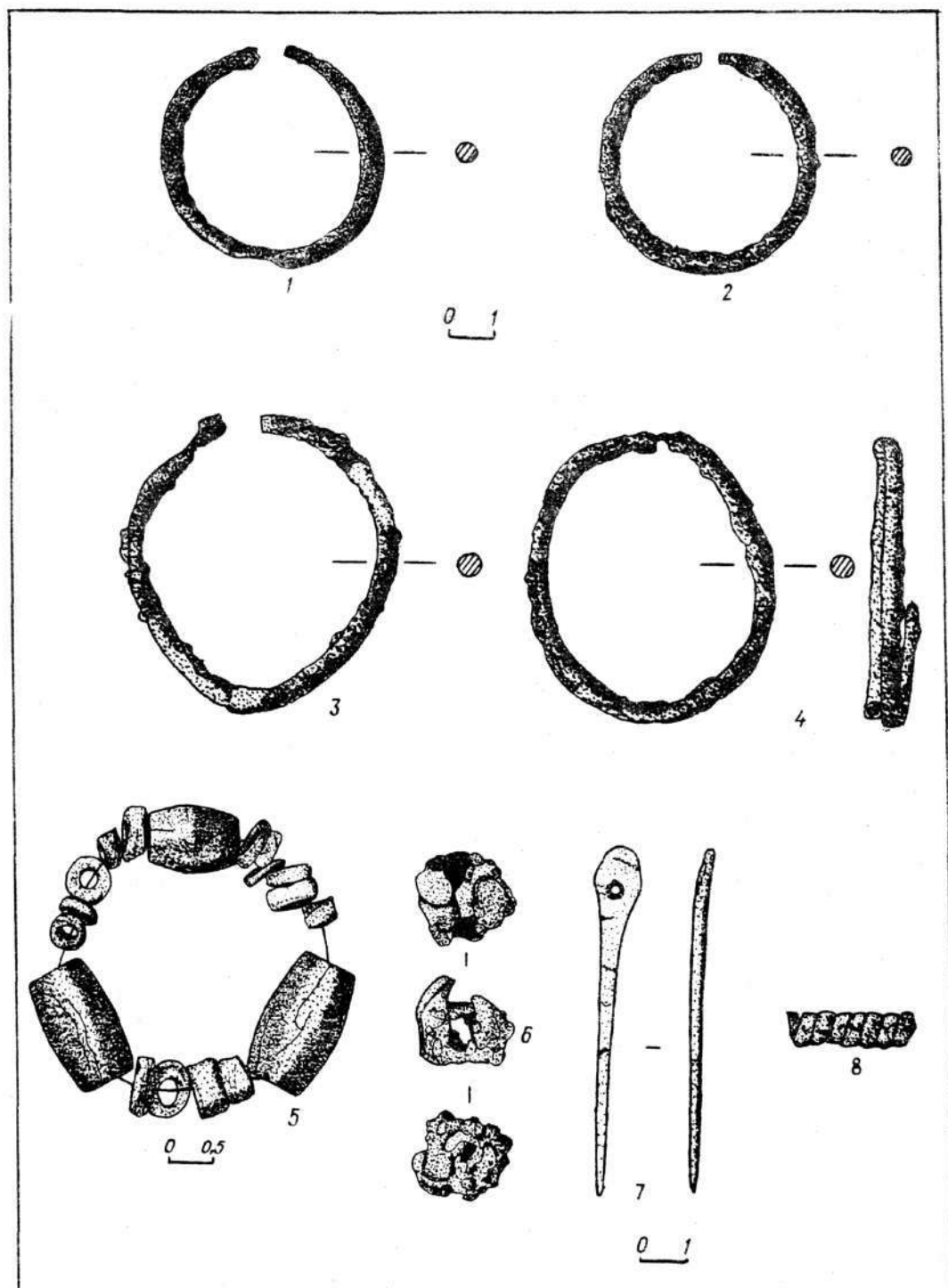

Рис. 3. Инвентарь из кургана у с. Сивашевка, 10/2:
1-4, 6, 8 - бронза; 5 - бусы из гагата (крупные) и стенок раковины; 7 - кость

дого человека лежал скорченно ничком, черепом на восток - юго-восток. Поднятые некогда коленями вверх ноги упали вправо, а череп развернут лицевой частью к югу. Левая рука присогнута в локте и протянута вдоль туловища, а правая согнута под острым углом в локте, кисть ее находилась под диафрагмой. Неестественное положение скелета (ничком и в то же время коленями вверх) позволяет предположить, что тело умершего было потревожено, в результате чего

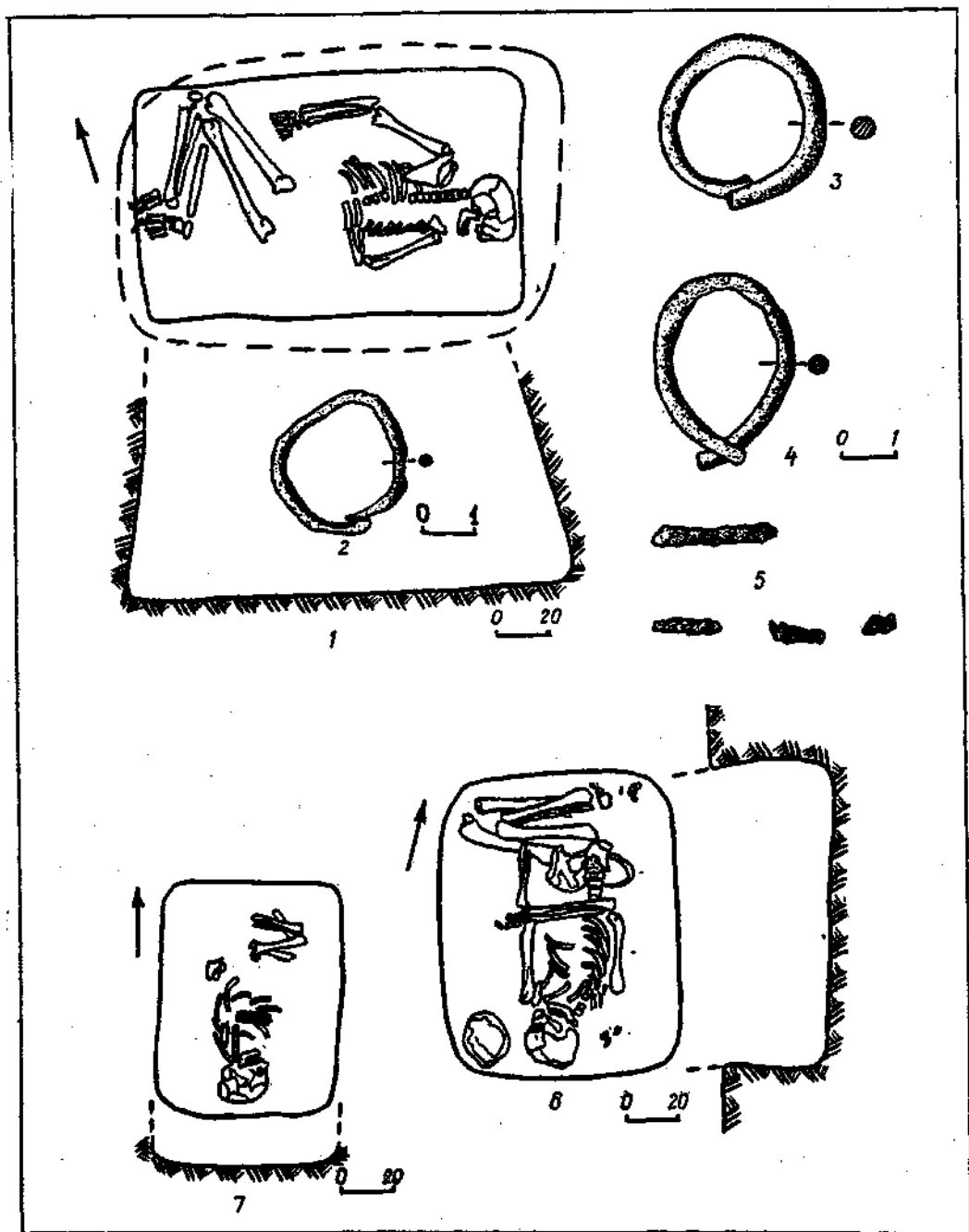

Рис. 4. Материалы из могильника у с. Атнанай:
1, 2 - 4/9; 3-6 - 2/5; 7 - 4/10: 2-5 - бронза

верхняя часть туловища оказалась перевернутой (рис. 4, 1). В черноземном заполнении ямы, на 0,4 м выше дна, обнаружено бронзовое височное кольцо из проволоки сечением 0,25 см с заходящими концами. Диаметр кольца 2,5 см (рис. 4, 2).

Погребение 10 находилось в 0,2 м к северу от погребения 9. Прямоугольная в плане могильная яма была ориентирована по линии север - юг. Размер ямы 0,9х0,7 м, глубина 1,35 м (рис. 4, 7). Скелет ребенка 2-3 лет лежал скорченно на правом боку, черепом к югу.

Курган № 5, полностью уничтоженный распашкой, представлял собой светлое пятно диаметром около 7 м. Находявшееся по центру кургана основное захоронение белозерской культуры было разрушено погребением эпохи средневековья.

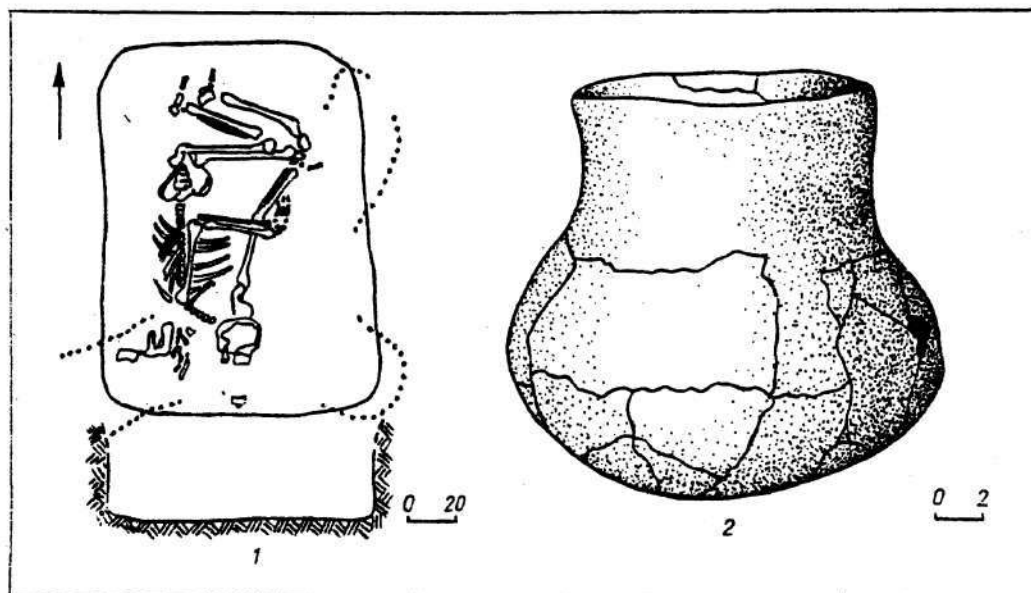

Рис. 5. Материалы из могильника у с. Атнавай:
1 - 7/1; 2 - 5/1

От комплекса периода финальной бронзы сохранился лишь фрагментированный серо-лощенный кубок с округлым корпусом и высокой прямой шейкой. Дно оформлено в виде вмятины. Высота сосуда 12 см, диаметр венчика 10 см, дна - 3,5 см (рис. 5, 2).

Погребение 1 являлось основным в кургане № 7, представлявшем собой светлое пятно диаметром 3 м. Подпрямоугольная в плане могильная яма имела закругленные углы и была ориентирована по линии север - юг. Размер ямы - 1,5х1,1 м, глубина - 1,1 м. Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку, головой на юг. Правая рука протянута вдоль туловища, кисть ее - у коленей ног, а левая - согнута под прямым углом в локте, кисть ее - у локтя правой руки. Ноги согнуты под прямым углом в тазобедренных и под острым - в коленных суставах. Череп у темени был сильно обожжен. У затылка находились остатки напущенной пищи: лопатка, половина челюсти и другие кости овцы-козы. У черепа найдены фрагменты лощеного неорнаментированного кубка (рис. 5, 1).

Публикуемая группа погребений обладает рядом общих признаков: средне- и сильноскорченное положение скелетов, ориентированных черепами к югу; подпрямоугольная форма могил; наличие в составе сопровождающего инвентаря лощеных или подлощенных сосудов, в первую очередь цилиндрических кубков и бронзовых височных колец с сомкнутыми или слегка заходящими концами. Все эти признаки являются определяющими для погребений белозерской культуры. Различное положение умерших (правый, левый бок и на спине с приподнятыми коленями ног) также характеризует именно белозерскую культуру. Все захоронения совершены в курганах, основные или впускные, но насыпи над белозерскими погребениями оказались невысокими и к моменту раскопок распаханными. Размер могил близок к общепелозерскому стандарту (1,4х1,1х1,0 м), что указывает на принадлежность их рядовому населению. Лишь погребения из кургана у с. Сивашовка отмечены значительным разнообразием сопровождающего инвентаря. По комплексу обрядовых признаков и вещевому материалу публикуемые погребения наиболее близки могильникам у сел Широкое и Чернянка [Лесков, 1971; Кубышев, Дорофеев, 1980].

На карте степной Украины публикуемые захоронения вытягиваются цепочкой с юга на север примерно вдоль условной линии 35° восточной долготы. На мест-

ности это Молочный лиман, река Молочная, левый берег Днепровского Надпорожья, низовья р. Самара. Такой к настоящему времени вырисовывается восточная граница белозерской культуры. Выше граница поворачивает на северо-запад вдоль левого берега Днепра до пределов лесостепи — могильник Компанийцы. Вещевой комплекс белозерской культуры свидетельствует о широких связях ее носителей с соседними и более удаленными племенами. В данном случае мы коснемся лишь восточного направления таких связей. Учитывая, что вопрос направления хозяйственной деятельности, металлообработки, керамического производства и развития конской упряжи неоднократно поднимался в литературе [Лесков, 1971; 1975; Черных, 1976; 1983], остановимся на погребальной обрядности и некоторых категориях сопровождающего инвентаря.

Северо-восточная граница белозерской культуры определяется во многом активностью носителей бондарихинской культуры, значительно продвигнувшихся в лесостепи на запад вдоль левых притоков Днепра и на юг по Северскому Донцу. Хронологически, территориально и по ряду формальных признаков бондарихинскую культуру следует включать в общность культур валиковой керамики [Черных, 1983, с. 81-99]. Показательно, что бондарихинские памятники как раз заполняют белое пятно в северо-западной части карты культур валиковой керамики Е.Н. Черных [Черных, 1983, рис. 1]. Связи носителей бондарихинской и белозерской культур прослеживаются не только в валиковой керамике и металле, но и в обряде погребения. Так, единственное на карте бондарихинских памятников погребение в кургане (с. Чернетчина Магдалиновского р-на Днепропетровской обл.) совершено по обряду ингумации, а не типичной для бондарихинской культуры кремации, скорчено на правом боку головой на юг с подложенной чашей у изголовья [Беляев, 1984, с. 76, рис. 5]. В керамической коллекции могильника бондарихинской культуры у с. Тимченки на Харьковщине есть черпаки с одной ручкой и сосуд с грушевидным корпусом, в формах которых можно усматривать западные, в частности белозерские, влияния [Буйнов, 1977, с. 210, рис. 2, 4, 6, 8]. В ареале бондарихинской культуры в г. Славянск Донецкой обл. обнаружена тальковая литейная формочка для отливки колоколовидных подвесок, изготовлявшихся на юге Восточной Европы исключительно белозерскими мастерами [Татаринов, 1979, с. 265, рис. 4, 4]. В связи с этим заслуживают внимания попытки выделения белозерских погребений на Донетчине.

Н.А. Гаврилюк и Я.П. Гершкович отнесли к числу белозерских погребения 3, 4, 10 в кургане № 2 у с. Кременевка Володарского р-на Донецкой обл. Первые два из них по сопровождающему инвентарю и положению скелета в погребении 4 относятся, возможно, уже к киммерийскому времени [Гаврилюк, Гершкович, 1982, с. 68, рис. I-IV]. Интереснее погребение 10, обнаруженное в насыпи кургана № 2 на глубине 0,6 м. На месте сохранилась каменная плита, к югу от нее — череп человека и развал лепного сосуда, которому авторы статьи нашли убедительную аналогию среди горшков первого типа с валиком из коллекции Кировского поселения в Восточном Крыму, близких к переходному от сабастиновского к белозерскому типу посуды [Гершкович, Гаврилюк, 1982, с. 69, рис. 1, V]. Отметим, что, судя по расположению черепа и плиты перекрытия, умерший был ориентирован головой на юг. Таким образом, данное погребение представляется едва ли не самым ранним в системе белозерских погребальных памятников: уже при южной ориентировке и с типологически ранним (переходным) по форме сосудом, что чрезвычайно важно при изучении происхождения белозерского обряда захоронения.

Выделение других погребальных памятников белозерского времени в Северном Приазовье остается делом будущего. Столь же сложен вопрос с определением погребений кобяковской культуры, тесно связанной с белозерской. Обнаружение на территории между Доном и Кубанью, то есть в ареале кобяковской культуры, серии погребений, сопровождавшихся бронзовыми кинжалчиками с параллельными лез-

видами белозерского типа[‡], позволяет выделить группу кобяковских погребений и отметить белозерское воздействие на них по металлу [Коренько, Максименко, 1978, с. 173, рис. 5, 1-2]. Набор украшений белозерского облика: две круглые проволочные височные подвески и два бронзовых браслета с незамкнутыми концами найдены вместе с человеческим черепом в кургане при балке Савальевской близ ст. Пятизбенской в Области Войска Донского [ОАК за 1900 г., с. 36, рис. 168]. Напомним, что аналогичный набор украшений обнаружен в кургане у с. Сивашовка (рис. 3, 1-4). Здесь, вероятно, речь может идти не только об импорте, но и о возможности межплеменных брачных связей.

Продолжая линию белозерских аналогий далее на восток, в Нижнее Поволжье, следует обратить внимание на комплекс украшений из погребения 2 в кургане № 3 у с. Иловатка Волгоградской обл. При скелете женщины, лежащей в слабо скорченном положении на левом боку головой на север, обнаружены два овальных в сечении браслета с заходящими концами и височное колечко, а также астрагал коровы [Смирнов, 1959, с. 234, рис. 13, 2-3]. Вновь набор украшений белозерского облика позволяет уточнить датировку комплекса. Для территории Поволжья выделение памятников периода финальной бронзы также является сложным из-за отсутствия ярких комплексов с датированными вещами.

Серию погребений интересующего нас периода дает Быковский курганный могильник на левом берегу Нижней Волги и Волгоградской обл. Погребение 2 в кургане № 3 (группа Быково I) оказалось нарушенным древним перекопом. По сохранившимся костям установлено, что скелет женщины лежал на левом боку, вероятно, в скорченном положении, и был ориентирован головой на север. Несколько севернее, вместе с обломками костей рук этого скелета обнаружены два браслета с заходящими концами, согнутые из овальных в сечении стержней [Смирнов, 1960, с. 176, рис. 4, 3-4]. Курган № 15 в этой же группе сооружен над погребениями белозерского времени, его высота 0,3 м, диаметр 10 м. Показательно, что все три погребения ориентированы в южном направлении, соответственно на юг, юго-юго-восток и юго-восток. Все скелеты находились на левом боку. Среди сопровождающего инвентаря — подвеска с поперечным желобком из камня, ножевидная кремневая пластина, 12 овечьих астрагалов (погребение 1), бронзовый кинжалчик с продольным валиком на плоскостях лезвия, бронзовое шило с остатками деревянной ручки, кусок серы, два кремневых отщепа (погребение 2), лепной горшочек, украшенный выше плечиков оттянутым валиком с опущенными вниз усами и створка речной раковины в погребении 3 [Смирнов; 1960, с. 211, рис. 15, 11-14]. Однако лишь последнее из трех погребений в кургане № 15 было отнесено в публикации ко второму периоду срубной культуры, а два первых датированы временем подтавкинской и катакомбной культуры на основании ножа-кинжалчика катакомбного типа и искусственной деформации левого виска черепа в погребении 2 [Смирнов, 1960, с. 212]. Здесь допущена ошибка: ножи катакомбной культуры не имели осевого валика на плоскостях лезвия. Нож-кинжалчик из Быкова следует отнести к поздней группе ножей Н-12, по номенклатуре Е.Н. Черных, с ребром (валиком) по листовидному клинку [Черных, 1976, с. 115, табл. XXXIV, 26-29]. Отливались также ножи в матрицах из Завадовки, а аналогии готовых изделий есть в той же Завадовке, погребении белозерской культуры у с. Каланчак и в Сабанчевском кладе [Мерперт, 1965, с. 153, рис. 2, 3]. Один из кремневых отщепов из погребения 2 является, судя по рисунку — вкладышем, характерным для памятников белозерской культуры, а каменный амулет из погребения 1 — осалком. Осалки такого вида со сквозным отверстием или желобком для ношения известны в памятниках белозерской и кобяковской культур [Шарафутдинова, 1980, с. 57, табл. XXXII, 17-19].

Упомянутые выше пять погребений белозерского времени на левом берегу

[‡] Сообщение Э.С. Шарафутдиновой.

Нижней Волги по набору металлических изделий синхронны захоронениям белозерской культуры с левобережья Нижнего Днепра. Группа нижневолжских погребений входит в четвертый заключительный горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья [Качалова, 1978, с. 20]. По нашему мнению, они составляют позднейшую подгруппу в этом горизонте, надежно маркированную металлом.

В Среднем Поволжье надежным указателем торговых связей с территорией Украины в эпоху финальной бронзы является известный клад у с. Сабанчеева Атяшевского р-на Мордовской АССР. Наконечник копья с прорезями, три кельта и четыре ножа из этого клада имеют аналоги в памятниках белозерской культуры [Мерперт, 1965, с. 149-155, рис. 1-2]. Другим показателем реальных связей между этими регионами является распространение в Среднем Поволжье псалтир типа Деревки (Кайбелы, курган № 20, погребение 32, I Маклашевский, II Полянский могильники) [Лесков, 1971, с. 85-86, рис. 4, 1, 7, 14].

Установленное направление связей Нижнее Поднепровье - Северное Приазовье - Нижний Дон - Нижняя и Средняя Волга является, скорее всего, тем путем, по которому в Северное Причерноморье доставлялось сырье из Волго-Камских и Волго-Уральских рудных источников. Учет анализов бронзовых вещей закрытых комплексов, то есть погребений белозерской культуры (Широкое, Калачак, Лукьяновка, Первомайка), показал, что из 40 предметов 29 принадлежат к химической Волго-Камской группе (далее - ВК), один - к Волго-Уральской (далее - ВУ) и десять - Карпато-Трансильванской (далее - КТ) [Черных, 1976, с. 278-279, табл. 15]. Таким образом, 75 % бронзовых изделий белозерских могильников изготовлены из металла восточных химических групп. Е.Н. Черных отмечает повышенное содержание висмута в изделиях волго-камской химико-металлургической группы из белозерских памятников, чтоближает белозерский металл с металлом приказанской культуры [Черных, 1976, с. 48-49]. Близость белозерского и кобяковского металла отмечает Э.С. Шарафутдинова, указывая на общие приказанские и уральские источники поступления его в Приазовье и Северное Причерноморье [Шарафутдинова, 1980, с. 63-64]. Сравнение бронзовых орудий труда и оружия белозерской и маклашевского этапа приказанской культуры демонстрирует сходство таких определяющих типов вещей, как кинжалы с параллельными лезвиями, кельты, наконечники копий с прорезями, круглые височные кольца и выпуклые бляшки с петелькой [Ханков, 1980, с. 48, табл. 53, 5-8, 11; 13; 16; 43, 3, 5-10]. Вероятно, не без участия приказанцев белозерские изделия поступали еще далее на восток. Так, в погребениях курганного могильника межовского этапа черкаскульской культуры в дер. Красногорка Мелеузовского р-на Башкирской АССР обнаружены кинжалы с кольцевым упором и копье с прорезями типично белозерского облика [Горбунов, Обденнов, 1980, с. 173-174, рис. 3, 1, 2]. Таким образом, можно определенно говорить об оживленных экономических связях Волго-Камья с Северным Причерноморьем в эпоху финальной бронзы. Но эти связи никак не сказывались на погребальной обрядности. Вытянутые труноположения с ориентацией умерших головой к реке маклашевского этапа не имеют аналогов в памятниках белозерской культуры.

Коротко остановимся на удельном весе изделий химической группы ВК в эпоху поздней бронзы на территории Украины. Появляются они вместе с приходом племен срубной культуры, но в общем балансе, сравнительно с группами КТ, Левобережной (далее - Лб), Правобережной (далее - Пб) занимают скромное место. В то же время среди случайных находок, дающих более объективную картину распространения металла отдельных химических групп, изделия ВК не уступают группам Лб и Пб. Распределение химических групп по типам вещей показывает, что из металла группы ВК более всего изготовлено кельтов, ножей-кинжалчиков, украшений, т.е. вещей, характеризующих белозерскую культуру, и лишь один серп^{*}. Как из-

^{*} Подсчеты произведены по данным таблиц спектрального анализа металла [Черных, 1976, с. 252-291, табл. 1-22].

вестно, серпы практически не отличались белозерскими мастерами. В комплексах сабатиновской культуры металл группы ВК отсутствует, в свою очередь для белозерских памятников не характерна группа Пб, ведущая для культур Сабатиновка и Ноа. Из этих наблюдений следует не только факт смены источников поступления металла в степь при переходе от поздней к финальной бронзе, что уже отмечалось неоднократно, но и то, что принадлежность бронзовой вещи к той или иной химико-металлургической группе может уточнить ее относительную датировку.

Связи с кавказским регионом носили прежде всего характер обмена. Белозерские типы вещей проникали в ареалы распространения колхидской и кобанской культур вплоть до бассейна р. Терек [Лесков, 1967, с. 154; Дударев, 1983, с. 9, 13, 14]. В свою очередь изделия колхидо-кобанского круга поступали в Северное Причерноморье, где известны главным образом из случайных находок [Черных, 1976, с. 195-197, рис. 60; Ванчугов, Черняков, 1984, с. 13, рис. 2, 29-31]. Немаловажную роль играл импорт украшений: булава кобанского типа из Верхнехортицкого могильника, крестовициная бляха-зажим из погребения 2 у с. Сивашовка (рис. 3, 6), имеющая аналогию на могильнике колхидской культуры Брилли близ Рачи в Закавказье [Гобелкишвили, 1959], бусы, пронизи подвески из гагата (рис. 3, 5), найденные на могильниках левобережной Керсонщины, также поступали с Кавказа [Тахов, 1977, с. 178].

Выявляемые восточные связи белозерской культуры помогут уточнить хронологию памятников финальной бронзы Волго-Донской и более восточных регионов, учитывая надежную дату белозерских памятников в пределах XII-X вв. до н.э. [Тереножкин, 1976, с. 208; Отрошенко, 1961, с. 17; Бочкарев, 1982, с. 24]. Намечающиеся связи с Донетчиной и Нижним Поволжьем по линии погребальной обрядности открывают возможные восточные компоненты сложения белозерской культуры.

Балнев О.С. Нови дані про бонпарехінську культуру // Археологія. - 1984. - Вип. 46. - С. 73-80.

Бидзия В.И., Болтрик Ю.В., Круц В.А. и др. Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1973 г. // НА ИА АН УССР. - 1973/77 - 183 с.

Болтрик Ю.В., Томашевский В.А. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции курганов в группе 8 и Дювгой могилы у с. Балки Запорожской обл. // НА ИА АН УССР. - 1969-1970/37 в. - 26 с.

Бочкарев В.С. Развитие общества и прогресс систем вооружения (по материалам поры поздней бронзы и раннего железа в Восточной Европе) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. - Ереван, 1982. - С. 19-22.

Ванчугов В.П., Суботин Л.В. Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье // АМУ в 1978-1979 гг. // Тезисы 18 научной конференции ИА АН УССР. - Днепропетровск, 1980. - С. 57.

Ванчугов В.П., Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. - Киев, 1984. - С. 5-24.

Вязьмитина М.И., Лилинская В.А., Покровская С.Ф., Тереножкин О.И., Ковпаненко Т.Т. Курганы біля с. Новошмильківки і радгоспу "Аккермень" // АП УРСР. - 1960. - Т. 8. - С. 22-135.

Гаврилик Н.А., Гершкович Я.П. О погребениях финального этапа бронзового и раннего железного веков в бассейне р. Кальмиус в Северном Приазовье // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. - Киев, 1982. - С. 67-71.

Гобелкишвили Т.Ф. Погребения эпохи бронзы в Брилли // Археология Грузии (на груз. языке). - Тбилиси, 1959.

Горбунов В.С., Обденнов М.Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. - 1980. - № 3. - С. 173-182.

Дударев С.Л. Ранний этап освоения железа на центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX-VII вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1983. - 24 с.

Качалова Н.К. Относительная периодизация срубных погребений Нижнего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. - Куйбышев, 1978. - С. 18-20.

Ковалева И.Ф., Волковой С.С., Марина Э.П., Лихачев В.А., Пошпов В.А. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганы древности степного Поднепровья. - Днепропетровск, 1977. - Т. I. - С. 8-113.

Корсаки В.А., Максименко В.Е. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА. - 1978. - № 3. - С. 187-182.

Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспе-

- Лидия ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья. - Днепропетровск, 1977. - Т. 1. - С. 114-137.
- Кубишев А.И., Доробеев В.В., Шилов Д.А. и др. Отчет Херсонской археологической экспедиции за 1980 г. // ИА ИА АН УССР. - 1980/15. - 259 с.
- Кубишев А.И., Доробеев В.В., Шилов Д.А. и др. Работы Херсонской археологической экспедиции в 1981 г. // Там же. - 1981/19. - 216 с.
- Кубишев А.И., Доробеев В.В. Грунтовый могильник у с. Червянка // АНУ в 1978-1979 гг. // Тезисы 18 научной конференции ИА АН УССР. - Днепропетровск, 1980. - С. 69.
- Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. - Киев, 1967. - С. 143-178.
- Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. - 1971. - № 177. - С. 75-91.
- Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. - Л., 1972. - 152 с.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. - М., 1979. - 256 с.
- Мерперт Н.Я. Сабанчеевский клад // МИА. - 1965. - № 130. - С. 149-155.
- ОАК за 1900 г. - СПб., 1902. - 123 с.
- Отрошенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. - Киев, 1975. - С. 193-206.
- Отрошенко В.В. Срубная культура степного Поднепровья : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1981. - 22 с.
- Синицын И.В. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // ТСОМК. - Археологический сборник. - Саратов, 1956. - Вып. 1. - С. 22-64.
- Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Ислютотдельское Сталинградской области // МИА. - 1959. - № 80. - С. 206-322.
- Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. - 1960. - № 78. - С. 169-268.
- Татаринов С.И. Металлообработка в эпоху поздней бронзы на Среднем Дону // СА. - 1979. - № 4. - С. 258-265.
- Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. - М., 1977. - 240 с.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. - Киев, 1976. - 222 с.
- Тошев Г.Н. Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской области // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. - Киев, 1984. - С. 24-32.
- Фабрициус I.В. Цилиндрический сосуд // Литопис музею 1927-1928. - Херсон, 1929. - Вып. 9. - С. 38-43.
- Халиков А.Х. Прикавказская культура // САИ. - М., 1980. - Вып. VI-24. - 128 с.
- Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. - М., 1976. - 302 с.
- Черных Е.Н. Проблема общности культур вапиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. - С. 81-99.
- Щарафутдинова Э.С. Памятники предскифского периода на Нижнем Дону (кобальковская культура) // САИ. - Л., 1980. - Вып. VI-11. - 128 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

-
- АНУ - Археологические исследования на Украине. Киев
АО - Археологические открытия
АП - Археологічні пам'ятки. Київ
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН - Болгарская Академия Наук
БСЭ - Большая Советская Энциклопедия
ВКУ - Вісник Київського Університету. Київ
ДАЗ - Дагестанская археологическая экспедиция
ИАИ - Известия на археологический институт. София
ИИИИ - Институт истории, языка и литературы
КСИА АН СССР - Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИИМ - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ - Краткие сообщения Одесского Государственного археологического музея
МАСЦ - Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАПВ - Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
МИА ВЗ СССР и РНР - Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Квиннев
НА ИА АН УССР - Научный архив Института археологии АН УССР
ОАК - Отчеты Археологической комиссии
СА - Советская археология
САИ - Археология СССР. Свод археологических источников
Труды ГИМ - Труды Государственного исторического музея
ТСОМЖ - Труды Саратовского областного музея краеведения
AAS - Acta Archaeologica Carpathica
AAH - Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
AM - Arheologia Moldovei
AP - Arheologia Polaki
AR - Arheologické rozhledy
ESA - Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
IA - Inventaria archaeologica
MOA - Materiale si cercetări de arheologie
n.s. - nova seria
PA - Pamiatky Archeologicny
PEP - Praehistorische Brenzefunde
RGF - Romisch - Germanische Forschungen
SA - Slovenská Arheologia
SP - Studia praehistorica
SGIV - Studii și cercetări de istorie veche
ZOW - Zetchlani wiaków
ZWAH - Zbiór wiadomości do antropologii krajowej
WPZ - Wiener praehistorische Zeitschrift, Wien

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Артемько И.И. Связи племен среднечепровской культуры	6
Вечетайло А.Л. Контакты населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху энеолита - ранней бронзы	16
Березанская С.С. Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты)	28
Вангородская О.Г. О связях культуры многоспальниковой керамики по материалам украшений	38
Кузымина Е.Е. О западных связях андроновских племен	48
Шарафутдинова И.Н. Бронзовые украшения сабатниковской культуры (К вопросу о контактах)	69
Малеев Ю.Н. Галыштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье	86
Гершкович Я.П., Ключко В.И. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Зеваховской литейной мастерской)	101
Ванчугов В.П. Памятники тудоровского типа в Северо-Западном Причерноморье (К вопросу о бакозерской культуре)	114
Остроженко В.В., Шевченко Н.П. О восточной границе и восточных связях племен бакозерской культуры	131
Список сокращений	145

**МЕЖОТЧЕВЕННЫЕ СВЯЗИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ**

Сборник научных трудов

**Утвержден к печати ученым советом
Института археологии АН УССР**

**Редактор А.А.Золотарева
Оформление художника С.В.Назарова
Художественный редактор И.П.Савицкая
Технический редактор Т.М.Зубрицкая
Корректоры Э.В.Ткаля, Н.А.Стралец**

ИБ № 8398

**Подп. в печ. 12.11.87. БД 25690. Формат 70х108/16. Бум.
офс. № 1. Офс. печ. Усл. печ. л. 12,95. Усл. кр.-отт. 13,48.
Уч.-изд. л. 15,25. Тираж 730 экз. Заказ 7-117. Цена 5 р.**

**Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка".
252601 Киев 4, ул. Революц., 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4,
ул. Революц., 4.**